

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

И СОЦИОЛОГИЯ

Том 17

№ 1 (126)

2018

МОСКВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Том 17 № 1 (126) 2018

ISSN 2071-3665

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки
Российской Федерации журнал
«Социальная политика и социология»
включен в перечень рецензируемых
научных изданий, рекомендуемых
для публикации научных работ,
отражающих основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук и на
соискание ученой степени доктора наук

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1

Журнал включен в систему
РИНЦ и доступен на сайте:
www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Юдина Т.Н.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бондалетов В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бобков В.Н.

Воробьева О.Д.

Генов Н. (Республика Словения)

Дмитриев А.В.

Долгорукова И.В.

Дювель Ф. (Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)

Зворыкина Т.И.

Зубок Ю. А.

Иванов В.Н.

Каурова О.В.

Коробков А.В. (Соединенные Штаты
Америки)

Кравченко С.А.

Кузьменко Г.Н.

Куропятник А.И.

Леонова В.П.

Максимова С.Г.

Матраева Л.В.

Мелех А. (Венгрия)

Молодикова И.Н. (Венгрия)

Носкова А.В.

Погосян Г.А. (Республика Армения)

Рязанцев С.В.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.В. Лиханова

V.V. Likhanova

Формирование имиджа туристской территории как
инструмент развития сферы услуг 5

Formation of the Image of the Touristic Territory

As a Tool of Development of Service Sphere 5

Л.В. Матраева, Е.С. Васютина

L.V. Matraeva, E.S. Vasiutina

Наукометрический контент-анализ
подходов к оценке эффективности
государственного управления 13

Scientometric Content Analysis of Approaches to

Assessing the Effectiveness of Public Administration . . . 13

Т.В. Медведева, С.Г. Ерохин

T.V. Medvedeva, S.G. Erokhin

Разработка экономического механизма повышения
эффективности использования оборотных средств
на предприятии сферы услуг 21

Development of an Economic Mechanism

to Improve the Efficiency of Working Capital

Use at the Service Sphere Enterprise. 21

Г.А. Пунина, А.А. Ходырев

G.A. Punina, A.A. Khodyrev

Особенности системы экологического
страхования в Российской Федерации и пути
ее совершенствования 29

Features of the System of Environmental

Insurance in the Russian Federation

and Ways to Improve It 29

Д.С. Соколов

D.S. Sokolov

Роль социальной ответственности бизнеса
в поддержке социально уязвимых категорий
населения в различных типах экономик 37

The Role of Social Responsibility of Business

in Support of Socially Vulnerable Categories

of the Population in Different Types

of Economies 37

А.П. Теренин

A.P. Terenin

Каркасно-кластерная политика
в формировании трудового потенциала региона
(на примере территорий Новой Москвы) 45

Carcass-Cluster Policy in the Formation

of the Labor Potential of the Region

(On the Example of the New Moscow Territories) 45

Ш.К. Ахметов, Е.В. Кравцова
Sh.K. Akhmetov, E.V. Kravtsova
 Туристско-рекреационные кластеры Подмосквья
 как инновационный инструмент динамичного
 развития сферы услуг 54
Tourist-Recreational Clusters of the Moscow
Region As an Innovative Tool for the Dynamic
Development of the Sphere of Services 54

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.В. Лескова, С.Ю. Зязин
I.V. Leskova, S.Yu. Zyazin
 Мусульманская и христианская культуры:
 социальные механизмы гармонизации
 отношений 62
Muslim and Christian Cultures:
Social Mechanisms of Harmonization
of the Relations 62

К.И. Муслимова
K.I. Muslimova
 Мусульманская община:
 социологическое понимание 70
Muslim Community: Sociological Understanding 70

В.Г. Погосян
V.G. Pogosyan
 Самоорганизация социальной системы:
 основные методологические подходы 77
Self-Organization of the Social System:
Basic Methodological Approaches 77

И.В. Пресняков
I.V. Presnyakov
 Основные подходы к проблеме будущего
 общества в зарубежной научной литературе
 второй половины XX – начала XXI в. 85
The Main Approaches to the Problem
of the Future Society in a Foreign
Scientific Literature of the Second Half of the XX –
Beginning of the XXI Century 85

Б.В. Сердюков
B.V. Serdyukov
 Аномия и солидарность в сфере
 общественной безопасности:
 интеграционная специфика
 социального контроля 93
Anomie and Solidarity in the Area
of Public Security: Integral Specificity
of Social Control 93

Солодуха П.В.
Танатова Д.К.
Тихонова Л.Е. (Республика Беларусь)
Тощенко Ж.Т.
Тузииков А.Р.
Фролова Е.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Вишнякова В.А.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Эксперт I категории
Н.Е. Папкова

Эксперт II категории
В.П. Сорихина

Главный редактор отдела оперативной
полиграфии
Н.В. Багрова

Корректор
М.А. Панкратов

Технический редактор
Т.А. Пробылова

Компьютерная верстка и художествен-
ное оформление
Т.А. Пробыловой

Наш адрес: 129226, Москва, ул. В. Пижа,
 дом 4, корп. 2, каб. 410, 412.

Контактные телефоны: 8(495) 255-67-67
 (доб. 17-63, 17-71, 17-80).

**[http://rgsu.net/about/science/
 publishing/magazine/](http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/)**
E-mail: editorialofficeRGSU@yandex.ru

Материалы публикуются в авторской
редакции. Авторы опубликованных ма-
териалов несут ответственность за
подбор и точность приведенных фактов,
цитат, собственных имен, статистиче-
ских данных и прочих сведений. Мнение
редакции может не совпадать с мнением
авторов статей.

Перепечатка материалов и использова-
ние их в любой форме, в том числе и в
электронных СМИ, возможны только с
письменного разрешения редакции.

Возрастное ограничение: 16+

Т.В. Фомичева**T.V. Fomicheva**

Ценность счастья в мировом социуме:

результаты кросскультурных исследований 102

*The Value of Happiness in the World Community:**The Results of Cross-Cultural Studies 102*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Г.П. Отыцкий**G.P. Otyutsky**

Философские аспекты учредительной власти: размышляя

над книгой М.П. Фомиченко 111

*Philosophical Aspects of the Constituent Power:**Reflecting over M.P. Fomichenko's Book. 111*

В.В. Лиханова,

канд. пед. наук, доцент кафедры социокультурного туризма,
Забайкальский государственный университет, Чита.

V.V. Likhanova,

candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of
sociocultural tourism, Trans-Baikal State University, Chita.

E-mail: vika_likhanova@mail.ru

УДК 33; 379.85

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-5-12

Формирование имиджа туристской территории как инструмент развития сферы услуг

*Formation of the Image of the Touristic Territory
As a Tool of Development of Service Sphere*

Дата поступления

15.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: современная ситуация на рынке отличается достаточно жесткой конкурентной борьбой среди регионов за инвестиционный капитал, безвредное с экологической точки зрения производство, квалифицированные трудовые ресурсы, что актуализирует вопрос формирования и продвижения имиджа региона в целях повышения его инвестиционной привлекательности. Одним из важнейших факторов, влияющих на восприятие территории, является ее имидж, который, в свою очередь, воздействует на лояльность со стороны других субъектов России и международного сообщества в целом. Сформированный и актуализированный имидж территории способствует ее культурно-исторической, общественно-политической и инвестиционной привлекательности.

Annotation: the current situation in the market is characterized by a fairly tough competition among the regions for investment capital, environmentally friendly production, skilled labor resources, which actualizes the issue of formation and promotion of the region's image in order to increase its investment attractiveness. One of the most important factors affecting the perception of the territory is its image, which, in turn, affects the loyalty of other subjects of Russia and the international community as a whole. Formed and updated image of the territory contributes to its cultural, historical, socio-political and investment attractiveness.

Ключевые слова: имидж, туристская территория, позиционирование, информационные ресурсы, Забайкальский край.

Key words: image, tourist territory, positioning, information resources, Transbaikal Region.

Введение. В настоящее время представляется необходимым изучение средств формирования имиджевой стратегии территории для целей улучшения ее конкурентоспособности на международном туристическом рынке. Туристическая привлекательность территории определяется прежде всего сочетанием природных и историко-культурных ресурсов. При

этом привлекательность не является постоянной и подвержена влиянию ряда факторов, в частности, к ним можно отнести *наличие материально-технической базы туризма. Формирование и продвижение имиджа* территории является одним из наиболее актуальных направлений региональной политики в туристской сфере. Очевидна необходимость создания и продвижения имиджа территории, ее узнаваемости, что, на наш взгляд, будет способствовать привлечению внимания к территории, эффективному продвижению ее интересов, а также улучшению ее инфраструктуры [4; 12; 21].

Методика исследования. Для анализа имиджа Забайкальского края как туристической территории (поиск на Yandex.ru по запросу «Забайкальский край. Туризм») были отобраны основные сайты и проведен их анализ по следующим критериям: *название, интерфейс и содержание сайта, навигация, информационная архитектура (информативность, простота изложения), интерактивность сайта, интернациональность сайта, продвижение сайта* [17]. В целях определения конкурентных преимуществ и основных факторов конкурентоспособности Забайкальского края нами были выбраны такие методики, как PEST-анализ и SWOT-анализ [1].

Результаты исследования. Большинство информационных ресурсов предоставляют сведения по различным аспектам, таким как услуги и виды туризма, инфраструктура размещения края, ресурсы познавательного и событийного туризма, при этом на всех сайтах имеется хороший рубрикатор, позволяющий выбирать интересующую информацию. Материал изложен доступным и понятным языком, отсутствуют длинные тексты, информация разбита на отдельные главы, используются фотографии, иллюстративный материал, карты, что усиливает зрительное восприятие и оказывает положительное воздействие на формирование имиджа туристской территории. Одним из отрицательных моментов является отсутствие версий информационных ресурсов на других языках, прежде всего английском и китайском. На наш взгляд, очень важно иметь иностранные версии сайтов с целью привлечения иностранных туристов для развития въездного туризма в крае. Что касается продвижения информационных ресурсов, а, следовательно, и имиджа туристской территории, то здесь тоже имеются определенные проблемы. При запросе в поисковых системах информационные ресурсы появляются, к сожалению, не на первых местах. Необходимо создание системы поддержки сайта, предполагающей содержание ссылок на других сайтах [17].

Важным моментом является процесс управления имиджем территории, что позволяет осуществлять позиционирование территории, учитывая различные целевые группы потребителей. Имидж территории подвержен влиянию различных событий и действий, происходящих на данной территории. С помощью применения маркетинговых инструментов возможно корректировать, усиливать или трансформировать восприятие образа туристской территории потребителями [3; 22; 24; 25]. Каждая территория определяется определенными характеристиками и чертами, формирующими ее образ в сознании потенциальных потребителей. В качестве таких характеристик выступают уникальные, привлекательные с туристической точки зрения, достопримечательности: памятники культуры, история, архитектура, заповедники, заказники или, например, политическая и экономическая стабильность региона, уровень развития социальной сферы, и так далее. Данные показатели могут иметь как положительный, так и отрицательный характер. Поэтому необходимо выделение основных положительных черт туристской территории и с помощью маркетингового инструментария осуществлять их корректировку в целях наполнения более привлекательным смыслом. Основное значение управления имиджем заключается в том, чтобы имидж территории отражался в сознании потенциальных потребителей позитивно.

Анализ факторов, влияющих на формирование имиджа туристической территории – Забайкальского края, произведен на основе нормативно-правовых документов [7; 14; 23] и представлен в таблице 1.

Результаты PEST-анализа

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИКИ
<ol style="list-style-type: none"> 1. Политическая устойчивость региона 2. Отсутствие достаточно серьезного лидера 3. Направленность национальной политики на создание благоприятных инвестиционных условий 4. Правительственная помощь туристской отрасли 5. Расположение территории на пересечении трансконтинентальных транзитных грузовых и пассажирских потоков 6. Наличие международных и внутригосударственных связей 7. Создание туристического кластера на основе развития туристско-рекреационной зоны «Алханай» 8. Постановление Правительства Забайкальского края от 29 мая 2014 г. № 314 «Об утверждении государственной программы Забайкальского края «Развитие международной, внешнеэкономической деятельности и туризма в Забайкальском крае (2014–2020 годы)» 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Экономика туристской территории находится на 51 месте среди 82 субъектов РФ 2. Повышение производства промышленности и электроэнергетики 3. Туристская территория входит в список 20 наименее привлекательных регионов РФ с инвестиционной точки зрения 4. Показатель уровня инфляции территории является самым высоким среди регионов Сибирского федерального округа 5. Цена минимального набора основных продуктов питания в крае ниже средней по Российской Федерации 6. Высокое загрязнение воздуха и экологические последствия являются результатами экономической деятельности территории 7. Развитие туризма в крае характеризуется снижением уровня выездного туризма и ростом объемов внутреннего и въездного туризма 8. Значительный туристический потенциал способствует развитию специализированных видов туризма: лечебного, экстремального, познавательного, активного, событийного 9. Приграничное положение Забайкальского края, наличие общих границ с КНДР и Монголией
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ
<ol style="list-style-type: none"> 1. Численность населения – 1 083 012 человек. Край многонационален (русские, буряты, украинцы, татары, армяне, азербайджанцы, узбеки и многие др.) 2. Устойчивая тенденция снижения численности населения за счет миграционного оттока активно настроенной и квалифицированной части населения 3. Забайкальский край – этнокультурный регион, специфику которого составляет слияние русских, бурятских, татарских народных традиций 4. Проведение межрегионального туристического фестиваля «Кодар» и других социально-культурных и спортивных мероприятий регионального, всероссийского и международного уровней 5. Достаточно низкая экономическая активность населения относительно среднероссийского показателя 6. Низкий уровень развития инфраструктуры и жизни в регионе 7. По индексу качества жизни Забайкальский край занимает 75 место среди 82 регионов России 8. Показатели уровня заработной платы населения и численности безработных в Забайкальском крае намного хуже по сравнению с соседними регионами 9. Отсутствие туристского имиджа Забайкальского края 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Низкий уровень научной и инновационной деятельности 2. Принятие закона Забайкальского края от 20 ноября 2009 г. № 275-ЗСК «Об инновационной деятельности в Забайкальском крае» и концепции развития инновационной деятельности в Забайкальском крае, утвержденной распоряжением Правительства Забайкальского края от 19 июля 2011 г. № 373-р 3. Создание парковых и кластерных образований 4. Развитие зон опережающего и территориального развития 5. Создание и развитие региональной сети особо охраняемых природных территорий 6. Транспортная инфраструктура характеризуется слабой доступностью территорий и низкой плотностью транспортных коммуникаций 7. Увеличение объема оказываемых услуг по виду деятельности «Связь»

Таблица 2

Результаты SWOT-анализа

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
<ol style="list-style-type: none"> 1. Достаточно проработанная нормативно-правовая база по стратегическому планированию, государственно-частному партнерству и содействию инвестиционной деятельности 2. Наличие богатого туристического потенциала территории для развития специализированных видов туризма 3. Благоприятное транспортно-географическое положение территории с целью реализации транзитных функций и взаимовыгодного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона 4. Выгодное приграничное положение с Китайской Народной Республикой, потенциал которой постоянно растет 5. Высокий уровень развития информационных технологий и средств коммуникации 6. Сфера строительства территории характеризуется динамичными темпами развития 7. Наличие образовательных учреждений, обеспечивающих потребность экономики в высококвалифицированных ресурсах 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Миграционный отток населения 2. Экономика территории характеризуется слабым уровнем восприятия новых разработок, что препятствует росту инноваций 3. Туристская инфраструктура территории характеризуется физическим и моральным износом большого числа объектов туристской индустрии, построенных в советское время 4. Слабое развитие каналов продвижения товаров и услуг на рынке 5. Высокая зависимость бюджета туристской территории от федеральных трансфертов 6. Природная среда характеризуется высоким уровнем загрязнения 7. Достаточно высокий уровень цен на энергоносители 8. Большая часть территории характеризуется экстремальными климатическими условиями 9. Туристические услуги, предлагаемые территорией, не соответствуют международным стандартам и требованиям 10. Недостаточный брендинг территории на российском и международном рынках туристических услуг
ВОЗМОЖНОСТИ	УГРОЗЫ
<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание промышленных парков и кластеров (туристско-рекреационная зона «Алханай») 2. Развитие взаимовыгодного сотрудничества в социальном и экономическом планах со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и, в частности, с КНР 3. Привлечение инвестиционных ресурсов, создание равных условий конкуренции и поддержки малого предпринимательства 4. Формирование и дальнейшее развитие индустрии туризма 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нестабильность экономики в мире и стране 2. Повышающийся уровень безработицы 3. Усиление техногенного воздействия на природные ресурсы территории, ведущее к их ухудшению 4. Низкая инвестиционная привлекательность территории 5. Продолжение миграции населения в другие регионы 6. Отсутствие квалифицированных трудовых ресурсов в сферах культуры и туризма, что сказывается на эффективности работы предприятий и организаций данных отраслей 7. Снижение привлекательности края для работы и проживания

Результаты PEST-анализа свидетельствуют о наличии в Забайкальском крае богатого туристско-рекреационного потенциала для развития разнообразных видов туризма. В качестве положительных факторов, оказывающих влияние на развитие туризма, можно выделить приграничное положение края, создание и развитие региональной сети ООПТ, парковых и кластерных образований, проведение мероприятий социально-культурного, спортивного характера. Однако общая экономическая и социальная ситуация в крае – отсутствие транспортной инфраструктуры, недостаточно развитая инфраструктура туризма,

отсутствие положительного имиджа края указывают на низкую инвестиционную привлекательность территории и слабый туристический поток как из соседних регионов России, так и из-за рубежа.

Следующий этап нашего исследования – проведение SWOT-анализа, который позволил выявить причины эффективности или неэффективности процесса создания и продвижения имиджа Забайкальского края. Результаты SWOT-анализа (табл. 2) позволяют выделить факторы, оказывающие повышающее или понижающее действие на конкурентоспособность территории на рынке туристско-рекреационных услуг [5; 11; 13; 16; 18; 20].

Результаты SWOT-анализа свидетельствуют о наличии на территории Забайкальского края туристического потенциала для развития специализированных видов туризма, о выгодном географическом положении территории и возможностях развития туристической инфраструктуры и индустрии туризма в целом. Однако среди слабых стороны функционирования территории на рынке туристско-рекреационных услуг можно выделить такие, как нестабильное развитие экономики края, высокий уровень безработицы, постоянный отток населения и низкая привлекательность территории с точки зрения инвестиций. В связи с этим для формирования туристического имиджа территории необходимо принятие эффективных мер с целью продвижения туристического продукта на российском и международном рынках туристско-рекреационных услуг. Выделение доминантных характеристик определяет стратегические и текущие цели и задачи формирования и продвижения имиджа территории [6; 19].

Заключение. На основе проведенного анализа информационных ресурсов, а также выявленных конкурентных преимуществ и слабых сторон туристской территории, среди основных направлений по формированию и продвижению туристического имиджа Забайкальского края нам видятся, в частности, следующие:

– **организация и проведение мероприятий** – формирование образа благоприятной для туризма территории, что подразумевает обновление данных о сервисной инфраструктуре районов и городских округов края, издание туристических карт, книг, атласов, которые будут способствовать популяризации туризма как среди жителей, так и приграничных территорий;

– **новейшие электронные технологии** – залог успешного продвижения имиджа туристской территории; так, мультимедийные диски могут выступать в качестве маркетинговых инструментов (информацию на дисках следует размещать на разных языках); привлечение методов Email-маркетинга для рассылки информации о туристическом продукте края;

– **обновление существующих информационных ресурсов и разработка новых** – большая часть информационных ресурсов предоставляет лишь общую информацию о туристской территории, не предлагая конкретных разработанных туристических маршрутов;

– **проведение рекламных кампаний** – к примеру, использование «доски объявлений» в сети Интернет с размещением информации о рассылках, отзывах клиентов, рейтингов туристических достопримечательностей и маршрутов.

Таким образом, проведенный анализ показал низкий уровень темпов роста индустрии туризма, рекреации и оздоровления в Забайкальском крае, т.е. туризм оказывает малозначительную роль на жизнь региона и его воздействие носит локальный характер. Перед Краем стоит, на наш взгляд, стоит стратегическая задача – формирование единого комплексного имиджа туристской территории в целях его продвижения на внутреннем и международном туристических рынках.

Список литературы

1. Арутюнова Д.В. Стратегический менеджмент. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. 122 с.
2. Борлакова М.И., Биджиева Ф.М., Борлакова А.Р. Тенденции и перспективы развития инновационного предпринимательства в Северо-Кавказском федеральном округе // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 3 (116). С. 24–30.

3. Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 326 с.
4. Важенина И.С. Репутация территории: теория, методология, практика. Екатеринбург: Экономика, 2007. 360 с.
5. Гордеева Т.Н. Управление системой формирования имиджа города (на примере городского округа «Город Чита»): дис. ... канд. социол. наук. Чита: ЧитГУ, 2008. 186 с.
6. Горохов А.Ф. Комплексный подход к формированию маркетинговой стратегии развития туристической дестинации: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2007. 210 с.
7. Государственная программа Забайкальского края «Развитие международной, внешнеэкономической деятельности и туризма в Забайкальском крае (2014–2020 годы)». URL: http://минмвэст.зabayкальскийкрай.рф/gos_prog.html (дата обращения: 12.10.2017).
8. Гребенюк А.А. Последствия воздействия внешней трудовой иммиграции на экономику принимающего государства // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 28–36.
9. Егорова Е.Н., Мухоморова И.В., Малолетко А.Н., Солодуха П.В. Современное состояние и тенденции развития государственно-частного партнерства в России // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 4 (117). С. 17–25.
10. Замятина Н.Ю. Изучение образов в географии и образ страны в туризме // Современные туристско-рекреационные исследования. М.: Советский спорт, 2008. С. 376–390.
11. Зимина Н.С., Колпакова Т.В. Внутренний имидж Байкальского региона в контексте его социокультурного развития (на примере Забайкальского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15402> (дата обращения: 07.10.2017).
12. Кирьянова Л.Г. Маркетинг и брендинг туристских дестинаций. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 256 с.
13. Козырева К.С. Уровневый подход к позиционированию территории в туризме (на примере Забайкальского края) // Ученые записки ЗабГГПУ. 2011. № 1 (36). С. 90–94.
14. Концепция развития туристской отрасли Забайкальского края до 2020 года. URL: http://минмвэст.зabayкальскийкрай.рф/tourism/legislation_on_tourism.html (дата обращения: 12.11.2017).
15. Крюкова Е.М., Мосалёв А.И., Юхин К.Е., Дробышев Е.А. Технологии социальных медиа в индустрии туризма и гостеприимства // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 25–33.
16. Кучинская Т.Н. Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2010. № 1(4). С. 24–33.
17. Лиханова В.В. Медиаимидж как средство продвижения туристской территории // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. Т. 2. 2016. № 3. С. 23–32.
18. Морозова В.С. Региональная культура как ресурс формирования положительного имиджа Забайкальского края в контексте взаимодействия РФ и КНР // Вестник ЧитГУ. 2010. № 1. С. 130–135.
19. Никанорова Е.В. Формирование туристского образа территории: дис. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2009. 168 с.
20. Официальный портал Забайкальского края. URL: www.zabaykalskiykray.ru. (дата обращения: 15.11.2017).
21. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006. 416 с.
22. Спирченко М.А. Образ, имидж и бренд туристского города. М., 2013. 125 с.
23. Стратегия развития Забайкальского края до 2030 года. URL: <http://opzab.ru/news/144> (дата обращения: 15.11.2017).
24. Таранова Ю.В. Имидж региона для инвестора // PR и реклама в системе территориального маркетинга / под ред. Д.П. Гавра. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 51–56.
25. Таранова Ю.В. Формирование имиджа региона в условиях информационного общества: технологии, методология, исследование. М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 с.

References

1. Arutyunova D.V. Strategicheskij menedzhment. Taganrog: Izd-vo TTI YuFU, 2010. 122 s.

2. Borlakova M.I., Bidzhieva F.M., Borlakova A.R. Tendencii i perspektivy razvitiya innovacionnogo predprinimatel'stva v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 3 (116). S. 24–30.
3. Vazhenina I.S. Imidzh, reputaciya i brend territorii. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2013. 326 s.
4. Vazhenina I.S. Reputaciya territorii: teoriya, metodologiya, praktika. Ekaterinburg: Ekonomika, 2007. 360 s.
5. Gordeeva T.N. Upravlenie sistemoy formirovaniya imidzha goroda (na primere gorodskogo okruga «Gorod Chita»): dis. ... kand. sociol. nauk. Chita: ChitGU, 2008. 186 s.
6. Gorokhov A.F. Kompleksnyj podkhod k formirovaniyu marketingovoj strategii razvitiya turisticheskoy destinacii: dis. ... kand. ekon. nauk. SPb., 2007. 210 s.
7. Gosudarstvennaya programma Zabajkal'skogo kraja «Razvitie mezhdunarodnoj, vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti i turizma v Zabajkal'skom krae (2014–2020 godi)». URL: http://minmsvest.zabajkal'skijkray.rf/gos_prog.html (data obrashcheniya: 12.10.2017).
8. Grebenyuk A.A. Posledstviya vozdejstviya vneshnej trudovoj immigracii na ekonomiku primimayushchego gosudarstva // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 28–36.
9. Egorova E.N., Mukhomorova I.V., Maloletko A.N., Solodukha P.V. Sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 4 (117). S. 17–25.
10. Zamyatina N.Yu. Izuchenie obrazov v geografii i obraz strany v turizme // Sovremennye turistsko-rekreacionnye issledovaniya. M.: Sovetskij sport, 2008. S. 376–390.
11. Zimina N.S., Kolpakova T.V. Vnutrennij imidzh Bajkal'skogo regiona v kontekste ego sociokul'turnogo razvitiya (na primere Zabajkal'skogo kraja) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15402> (data obrashcheniya: 07.10.2017).
12. Kir'yanova L.G. Marketing i brending turistskikh destinacij. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2011. 256 s.
13. Kozyreva K.S. Urovnevnyj podkhod k pozicionirovaniyu territorii v turizme (na primere Zabajkal'skogo kraja) // Uchenye zapiski ZabGGPU. 2011. № 1 (36). S. 90–94.
14. Konceptiya razvitiya turistkoj otrasli Zabajkal'skogo kraja do 2020 goda. URL: http://minmsvest.zabajkal'skijkray.rf/tourism/legislation_on_tourism.html (data obrashcheniya: 12.11.2017).
15. Kryukova E.M., Mosalyov A.I., Yukhin K.E., Drobyshev E.A. Tekhnologii social'nykh media v industrii turizma i gostepriimstva // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 25–33.
16. Kuchinskaya T.N. Regional'nyj brending kak instrument pozicionirovaniya imidzha Zabajkal'skogo kraja v sisteme mezhregional'nykh svyazej RF i KNR // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2010. № 1(4). S. 24–33.
17. Likhanova V.V. Mediaimidzh kak sredstvo prodvizheniya turistkoj territorii // Nauchnyj rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa. T. 2. 2016. № 3. S. 23–32.
18. Morozova V.S. Regional'naya kul'tura kak resurs formirovaniya polozhitel'nogo imidzha Zabajkal'skogo kraja v kontekste vzaimodejstviya RF i KNR // Vestnik ChitGU. 2010. № 1. S. 130–135.
19. Nikanorova E.V. Formirovanie turistskogo obraza territorii: dis. ... kand. geogr. nauk. M.: MGU, 2009. 168 s.
20. Oficial'nyj portal Zabajkal'skogo kraja. URL: www.zabajkal'skijkray.rf. (data obrashcheniya: 15.11.2017).
21. Pankrukhin A.P. Marketing territorij. SPb.: Piter, 2006. 416 s.
22. Spirchenko M.A. Obraz, imidzh i brend turistskogo goroda. M., 2013. 125 s.
23. Strategiya razvitiya Zabajkal'skogo kraja do 2030 goda. URL: <http://opzb.ru/news/144> (data obrashcheniya: 15.11.2017).
24. Taranova Yu.V. Imidzh regiona dlya investora // PR i reklama v sisteme territorial'nogo marketinga / pod red. D.P. Gavra. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2012. S. 51–56.
25. Taranova Yu.V. Formirovanie imidzha regiona v usloviyakh informacionnogo obshchestva: tekhnologii, metodologiya, issledovanie. M.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 s.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Лиханова В.В. Формирование имиджа туристской территории как инструмент развития сферы услуг // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 5–12. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-5-12 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Likhanova V.V. Formirovanie imidzha turistskoj territorii kak instrument razvitiya sfery uslug // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 5–12. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-5-12 (Reference in Roman script).

Likhanova, V.V. (2018) Formation of the Image of the Touristic Territory As a Tool of Development of Service Sphere, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 5–12. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-5-12 (International bibliographic description).

Л.В. Матраева,

д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, Российский государственный социальный университет, Москва.

L.V. Matraeva,

doctor of economic sciences, professor of the department of economic theory and world economy, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: matraeva@rambler.ru

Е.С. Васютина,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики, Российский государственный социальный университет, Москва.

E.S. Vasiutina,

candidate of economic sciences, associate professor of the department of economic theory and world economy, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: Vasjutinaes@rgsu.net

УДК 338.1

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-13-20

Научометрический контент-анализ подходов к оценке эффективности государственного управления

Scientometric Content Analysis of Approaches to Assessing the Effectiveness of Public Administration

Дата поступления

23.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: в современной экономической науке вопросы оценки эффективности государственного управления традиционно являются дискуссионными. В статье авторами на основе проведенного контент-анализа систематизируются основные подходы к оценке эффективности государственного управления через призму становления научных концепций о роли и значении государства в рамках экономической теории. Научометрический анализ публикаций по данной проблеме позволил авторам выявить профили наиболее перспективных исследовательских фронтов, в рамках которых идет формирование современной научной мысли в данном направлении. На основании проведенных исследований авторы приходят к выводу, что в условиях становления парадигмы управления проектным циклом государственных политик и программ (англ. Project Cycle Management) активно формируется новый этап – современная четвертая «волна оценивания».

Annotation: in modern economic science, the issues of assessing the effectiveness of public administration have traditionally been controversial for several reasons. In the article the authors based on the conducted content analysis systematize the main approaches to assessing the effectiveness of public administration through the prism of the formation of scientific concepts on the role and significance of the state within the framework of economic theory. Scientometric analysis of publications on this issue allowed the authors to identify the profiles of the most promising research fronts, within which a modern scientific thought is being formed in this direction. Based on the conducted research, the authors come to the conclusion that in the conditions of the paradigm for the management of the project cycle of state policies and programs (English Project Cycle Management), a new stage is actively forming – the modern fourth «assessment wave».

Ключевые слова: эффективное государственное управление, концепция управления проектным циклом, проектный цикл государственного управления, научометрический анализ, исследовательский фронт.

Key words: effective public administration, the concept of project cycle management, the project cycle of public administration, scientometric analysis, research front.

Введение. Концептуальные подходы оценки роли и значения государства в экономической системе рождались из теорий государственного управления, основанных на трех традициях: англосаксонской, континентальной и скандинавской, каждая из которых стала основой для разнообразных экономических течений и школ, рассматривающих государственное управление как элемент общей экономической политики и оценки его эффективности. В *англосаксонской модели* изначально заложен принцип децентрализации, отношения между государством и обществом характеризуются системой переговоров и сделок, большой гибкостью и свободой. Неоклассическое направление экономической теории стало логичным продолжением системы взаимодействий между государством и остальными контрагентами в рамках данной модели, то есть фактически государственные органы лишены самостоятельности и фактически не могут ставить цели и задачи своей деятельности. В рамках неоклассического подхода родилось несколько концепций государственного управления.

Первая концепция базируется исключительно на экономическом восприятии государственного управления, где стоимостная парадигма становится доминантой в оценке эффективности. Однако такой подход имеет много недостатков, основным из которых является фокусировка на рассмотрении главных государственных приоритетов исключительно через призму экономической деятельности, включение рыночных механизмов в решении социальных задач. В связи с этим государственные учреждения коммерциализируются, переводятся на самофинансирование и наделяются полномочиями по оказанию платных услуг. Вместе с тем государственные функции управления должны реализовываться на бесплатной основе. Это подтверждается рядом моментов: 1) деятельность государства, в соответствии с общественным договором, финансируется населением через систему налогообложения; 2) цели и задачи государства в основном связаны с некоммерческим сектором; 3) центре внимания государства должны находиться общественные интересы, которые связаны с выравниваем «провалов» рыночной экономики.

Второй концепцией государственного управления в рамках неоклассического подхода является концепция минимального государства (*The minimal state*; *Р. Нозик, 1974*) [7], т.е. логическое продолжение предыдущей, и предполагает минимальную степень государственного вмешательства в экономику и частную жизнь. Между тем квинтэссенцией неоклассического подхода является внедрение концепции эффективного государства, согласно которой эффективность государственного управления означает создание инструментов идентификации и интеграции общественных предпочтений и способность их достижения. «Эффективная власть та, которая осознает ограниченность своих возможностей и готова делегировать свои полномочия агентам, способным реализовать их с большей отдачей, нежели центр» (*Л. Уайт, 1926*) [12].

В рамках *континентальной традиции* государственность рассматривается как единая система, которая распространяется на все сферы жизни общества. Для этой модели характерно четкое разделение полномочий между секторами и уровнями государственного управления. Теоретической основой континентальной модели является экономическое течение *дирижизм* – политика активного вмешательства государства в экономику, основанная на принципах индикативного государственного планирования по наиболее важным направлениям развития экономики. Оценка эффективности государственной политики при дирижизме в большей степени рассматривается через «призму благосостояния граждан» (*Я. Тинберген, 1952*) [11]. Однако эта идея на практике часто подменяется валовыми показателями, не учитывающими качество и уровень жизни отдельных категорий населения, при этом игнорируются такие показатели, как социальная мобильность граждан и такие актуальные проблемы, как безработица и неэффективное распределение ресурсов.

Скандинавская традиция сформировала тип гражданского общества, для которого характерно существование множества разнообразных общественных ассоциаций и некоммерческих организаций, нацеленных на усилении местного самоуправления и роста экономиче-

ского и административного влияния регионов. Теоретической основой данной модели стал институционализм в самом разнообразном его проявлении. Авторы институционального и неинституционального подходов анализируют неразрывные связи экономической и социальной жизни общества. Экономические и социологические доктрины основываются на теории бюрократических организационных структур (*М. Вебер, 1922*) [4], теории прав собственности (*А. Алчиан, 1972, Р. Коуз, 1937*) [5; 1], теории общественного выбора (*Дж. Бьюкенен, 1962, К. Эрроу, 1951*) [10; 15], новой экономической теории (*Д. Норт, 1990*) [8], теории агентов (*Т. Стиглиц, 1969*) [10], транзакционной организации (*О. Уильямсон, 1985*) [13]. Оценка государственной политики *в рамках институционального подхода* выстраивается как сложная система: сначала достигаются показатели экономической эффективности, в дальнейшем акцент перемещается на эффективность административную и социальную, что обусловлено необходимостью формирования общественных институтов, способных повысить доверие граждан. Таким образом, скандинавская модель реализует уникально высокий уровень децентрализации в сферах принятия решений и финансового менеджмента с учетом сильного контролирующего начала со стороны общественных институтов.

В настоящее время на фоне глобальных процессов наблюдается сближение государственных систем и моделей управления. Это привело к тому, что на современном этапе можно говорить о двух основных конкурирующих парадигмах государственного регулирования: **бюрократической** (*государственное администрирование*) и **менеджеральной** (*государственное управление*). В последнее время в сферу государственного управления все глубже проникают идеи менеджериализма, в соответствии с которыми в общественный сектор переносятся методы управления, выработанные корпорациями, а государственное администрирование (РА) уступает место государственному управлению (Public Management).

В рамках менеджериализма особую популярность приобрели концепции корпоративного управления (Corporate governance), Нового государственного менеджмента (New public management – NPM) и Управления проектным циклом государственных политик и программ (англ. Project Cycle Management). В отношении государственного управления проекция **концепции корпоративного управления** затрагивает целый ряд важнейших проблем, связанных с отношениями общества и органами власти, которые должны действовать в интересах народа. Государственные приоритеты смещаются в область наблюдения, контроля, оценки деятельности, подотчетности управляющих органов (*Carver, 2001*) [16]. **Концепция нового государственного менеджмента** (NPM) совершила кардинальный переворот в подходах к организации государственной машины, преобразовала цели и задачи государственного управления. Многие ученые (*Kuhlmann and Wollmann, 2014; Razzouk 2017; Hellmut Wollmann (ed.) 2003, Raczyńska 2015*) [19; 23–25] именно в рамках данной концепции предпочитают говорить о кардинальной смене парадигмы оценки эффективности государственных политик. В практику государственного управления внедряются технологии современного менеджмента, а при оценке эффективности акцент делается не столько на целевые результаты и затраченные ресурсы, сколько на интегральный показатель эффективности.

Концепция управления проектным циклом (УПЦ) **государственных политик и программ** является одной из самых молодых методик менеджериализма, получивших свое активное распространение в государственном секторе только в начале XXI века. Эта концепция предполагает, что в основе любой государственной программы можно выделить несколько проектных кластеров и рассматривать программу как совокупность взаимосвязанных проектов. В этом случае «проектный цикл» понимается как последовательный процесс, в рамках которого планируются, выполняются и оцениваются проекты. Неоспоримое преимущество этой концепции состоит в том, что она объединяет различные этапы в единый цикл таким образом, когда проектные цели и вопросы устойчивости остаются в центре внимания в те-

чение всей «жизни» программы. Специфика применения данного подхода в рамках государственного управления заключается в том, что его использование позволяет максимально привлечь потенциальных бенефициариев в процесс оценки эффективности программы и ее модификации.

Методика. Для понимания актуализации направлений современных научных исследований в данной области видится весьма перспективным *применение метода наукометрического анализа с использованием технологии взаимного цитирования*. Возрастающий интерес к обозначенной тематике подтверждается и результатами количественной оценки документарно-информационного массива публикаций в Web of Science. Так, согласно запросу по ключевому слову «Public administration», около 70% публикаций приходится на период с 2008 года по настоящее время, при этом публикационная активность (по данной тематике) за последние три года (с 2015) выросла в 1,6 раза, что дает основание отнести ее к быстрорастущим предметным областям (рис. 1).

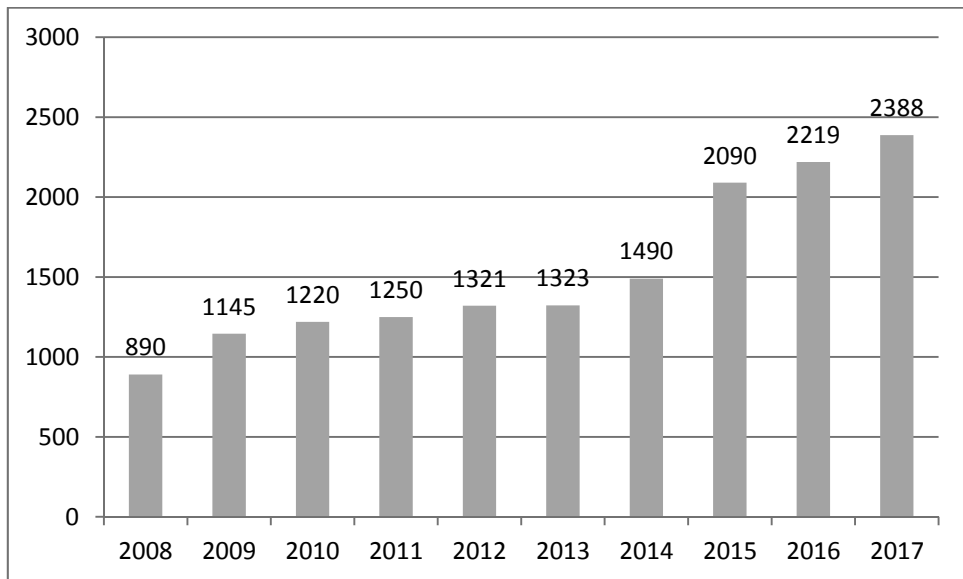

Рис. 1. Количество публикаций по годам с 2008 по 2017 г.

Анализ предложенной методики цитирования, проведенный авторами в программе Cite Space V, позволил разделить сеть цитирований на несколько исследовательских кластеров (фронтов), представляющих особый интерес для исследователей в последние 10 лет, и составить базовую научную карту данной проблемной области (табл. 1).

Результаты. Исследование показало, что ярко выраженного, преобладающего по количеству кластера в данном случае нет, научная мысль развивается по пяти выделенным направлениям равномерно, однако, следует отметить повышение количества работ, относящихся к нескольким выделенным фронтам, то есть тенденцию к объединению проблематики, касающуюся, в частности кластера 4 и 5. Анализ наиболее активных проблем исследования через эволюцию цитирования публикаций в данной области в рамках исторической модели показал три ключевые работы, лежащие в «перекрестье» этих кластеров, вокруг которых формируется поле цитирования. Эти публикации, очевидно, привлекли исключительное внимание со стороны научного сообщества, так как формирующий вокруг них кластер содержит многочисленные узлы с сильными циклами цитирования, то есть такие кластеры в целом захватывают активную область исследований или возникающую тенденцию в течение года или нескольких лет (рис. 2).

Таблица 1

Описание профилей исследовательских фронтов

Кол-во публикаций	Оценка силуэта	Основные темы	Основные профессиональные термины
1. Изменение бухгалтерского учета			
17	0.794	муниципальная власть; интеллектуальный капитал; улучшение государственных услуг; представление ресурсов; изменение на основе начислений; изменение бухгалтерского учета	изменение бухгалтерского учета; государственная служба; создание ценности; реляционный архетип
2. Муниципальные показатели деятельности			
16	0.832	управление эффективностью; измерение производительности; система аналитической отчетности; удовлетворенность граждан; результаты реформ; публичное исполнение	муниципальная деятельность; новая перспектива; управление эффективностью; результаты реформы
3. Реформа государственного управления			
16	0.787	новое государственное управление; управление изменениями; системы управления производительностью; пенсия реформа; социальная защита	реформа государственного управления; ориентированная на эффективность; реформа управления; европейская литература; новое государственное управление
4. Институциональная логика			
16	0.807	новое государственное управление; системы управления производительностью в государственном секторе; управление изменениями в государственном секторе; здравоохранение	институциональная логика; исполнительные удостоверения; мотивация общественного обслуживания; мотивация государственных служащих
5. Новое государственное управление			
15	0.762	новое государственное управление; реформа государственного сектора; государственное управление; бенедиктинская энциклика; психологическая экономика	новое государственное управление; классическая континентальная европейская модель управления; местный уровень; модернизация местного самоуправления; сравнительная перспектива

Top 3 References with the Strongest Citation Bursts

References	Year	Strength	Begin	End	2004 - 2018
POLLITT C, 2004, PUBLIC MANAGEMENT RE, V0, P0	2004	5.4782	2004	2011	
KUHLMANN S, 2008, PUBLIC ADMIN REV, V68, P851, DOI	2008	2.9757	2011	2013	
POLLITT C, 2011, PUBLIC MANAGEMENT RE, V0, P0	2011	3.0833	2016	2018	

Рис. 2. Эволюция цитирования топ-3 статей с максимальным числом цитирований

Обсуждение. Анализ полученных результатов дает основание для обоснованной научной дискуссии и позволяет говорить о формировании наиболее активных исследовательских областей («всплесков»). Наиболее резонансной в данной области является монография Pollitt, C., & Bouckaert, G. (2004) [20], США в которой авторы приводят сравнительный анализ реформ государственного управления в большинстве стран Западной Европы, Северной Америки и Австралии. Она отличается академическим подходом к описанию про-

блематики: авторы приводят эволюцию подходов и теорий государственного управления, которые использовались в течение последних трех десятилетий, дают их критический анализ; освещают последствия и инструменты перехода этих стран к новым моделям государственного управления в эпоху «жесткой экономики». Работа этих же авторов 2011 года [21] представляет собой переиздание данной книги. Однако в нее внесены два существенных дополнения: во-первых, расширен и дополнен анализ о последствиях жесткой экономики. Во-вторых, добавлены важные материалы о событиях, происшедших после глобального экономического кризиса, касающиеся реформ государственного управления.

В другой работе, Kuhlmann S. (2008) [18], дана оценка результатов и последствий административной модернизации в Германии после более чем 10-летнего опыта государственного управления в новых условиях, оценка эффективности этих реформ и процесса перехода от «веберовской» бюрократии к концепции Нового государственного управления. В своей последующей работе Kuhlmann S. (2010) [17], которая становится центром кластера, автор проводит сравнительный анализ опыта реформ не только в Германии, но и в других европейских странах: Великобритании, Франции, Швеции. На основе результатов эмпирического исследования рассматриваются две основные темы: сходства и различия между системами оценки эффективности, с одной стороны, и влияние этих реформ на административные действия в странах, с другой стороны.

Как видим, все эти работы касались вопросов *поиска оптимизации государственных реформ управления, ориентированных на эффективность и ее измерение, а широкий обзор опыта различных стран позволил говорить об универсальности проблемы и глобальном характере проведенных исследований*. Актуализация проблемы эффективности государственного управления отражается в активном использовании терминологии: «управление эффективностью», «ориентированная на эффективность реформа управления». Примечательно, что в последнее время тема «подтягивает» смежные области исследования, становится междисциплинарной, так в ключевых словах научных работ стали все чаще присутствовать термины: психологическая экономика и бенедиктинская энциклика.

Заключение. Систематизируя эволюцию философской и экономической мысли в отношении государственного управления, можно выделить четыре основные «волны» в становлении методов оценивания эффективности, соответствующие основным вехам ее развития (первые три по работам Волмена (*Hellmut Wollmann (ed.) 2003*) [25], четвертая – добавлена авторами), в рамках которых постепенно происходит переход от оценивания эффективности управления по нормативам – постановка измеряемого уровня желаемых достижений и оценка их выполнения – к оцениванию результативности управления – определение степени, в которой результаты можно считать достигнутыми на основании использования индикаторов эффективности:

- 1) 1960-е – 1970-е гг. – акцент на планировании государственных программ, достижении целевых показателей;
- 2) середина 1970-х – 1980-е гг. – акцент на контроль за расходами;
- 3) конец 1980-х – 1990-е гг. – новый государственный менеджмент: акцент на интегральной эффективности государственного управления;
- 4) после 90-х – акцент на оценивании эффективности разных фаз программы. Введение «метаоценивания», то есть «оценивание самой системы оценивания». Такой вид позволяет постоянно обновлять и совершенствовать установленные показатели и процедуры, когда может происходить пересмотр ключевых показателей проекта, измениться методика их расчета и т.д.

Таким образом, предложенный авторами *системный подход* к поиску новых исследовательских фронтов в области государственного управления на основе классического контент-анализа генезиса экономических теорий с точки зрения формирования представлений о процессе государственного управления в сочетании со статистическим наукометрическим

анализом, позволил определить ключевые области исследований в области концепции «нового государственного менеджмента», активно развивающиеся в зарубежных странах.

Список литературы

1. Алчиан А. Производство, информационные затраты и экономическая организация. 1972.
2. Андреева О.В. Государственная финансовая политика в социальной сфере: основные подходы к изучению // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 2 (115). С. 6–12.
3. Бьюкенен Дж. Расчет согласия: логические основания конституционной демократии. М., 1962.
4. Вебер М. Экономика и общество. М., 1922.
5. Коуз Р. Природа фирмы. М., 1937.
6. Матраева Л.В., Васютина Е.С. Устойчивый экономический рост России: перспективы и системные вызовы // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 3 (122). С. 29–40.
7. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование хозяйства. М., 1990.
9. Руднев В.Д., Русскова А.В., Вишнякова В.А. Заработная плата в России: от интегральной политики к государственному регулированию // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 88–95.
10. Стиглиц Т. Капитал, заработная плата и структурная безработица. М., 1969.
11. Тинберген Я. Теория экономической политики. М., 1952.
12. Уайт Л. Введение в науку государственного управления. М., 1926.
13. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. М., 1985.
14. Федоров Л.В. Система государственного финансового контроля: основные меры по совершенствованию // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 42–49.
15. Эрроу К. Общественный выбор и индивидуальные ценности. М., 1951.
16. Carver J. A theory of governing the public's business: Redesigning the jobs of boards, councils, and commissions // Public Management Review. Vol. 3. 2010. Is. 1.
17. Kuhlmann S. Performance Measurement in European local governments: a comparative analysis of reform experiences in Great Britain, France, Sweden and Germany // International Review of Administrative Sciences. Vol. 76. 2010. Is. 2.
18. Kuhlmann S., Bogumil J., Grohs S. Evaluating administrative modernization in German local governments: Success or failure of the «New Steering Model»? // Public administration review. Vol. 68. 2008. Is. 5. P. 851–863.
19. Kuhlmann S., Wollmann H. Introduction to comparative public administration: Administrative systems and reforms in Europe. Cheltenham: Edward Elgar. 2014.
20. Pollitt C., Bouckaert G. Public management reform: A comparative analysis. Oxford University Press, USA, 2004.
21. Pollitt C., Bouckaert G. Public management reform: A comparative analysis. Oxford University Press, USA, 2011.
22. Project Cycle Management Guidelines. 2004. Vol. 1. March.
23. Raczyńska M. Process management in public administration // Acta universitatis Nicolai Copernici. Zarządzanie XLII – Nr. 4 (2015). URL: http://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/AUNC_ZARZ/article/viewFile/AUNC_ZARZ.2015.048/9076.
24. Razzouk D. Outcomes measurement for economic evaluation (Book Chapter) // Mental Health Economics: The Costs and Benefits of Psychiatric Care. 2017. P. 35–53.
25. Wollmann H. (ed.) Evaluation in Public Sector Reform. Cheltenham/Northampton: Edgar Elgar, 2003. P. 1–11.

References

1. Alchian A. Proizvodstvo, informacionnye zatraty i ekonomicheskaya organizaciya. 1972.
2. Andreeva O.V. Gosudarstvennaya finansovaya politika v social'noj sfere: osnovnye podkhody k izucheniyu // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 2 (115). S. 6–12.
3. Byukenen Dzh. Raschet soglasiya: logicheskie osnovaniya konstitucionnoj demokratii. M., 1962.
4. Veber M. Ekonomika i obshchestvo. M., 1922.

5. Kouz R. Priroda firmy. M., 1937.
6. Matraeva L.V., Vasyutina E.S. Ustojchivyy ekonomicheskij rost Rossii: perspektivy i sistemnye vyzovy // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 16. 2017. № 3 (122). S. 29–40.
7. Nozik R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya / per. s angl. B. Pinskera; pod red. Yu. Kuznecova i A. Kuryaeva. M.: IRISEN, 2008. 424 s.
8. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie khozyajstva. M., 1990.
9. Rudnev V.D., Russkova A.V., Vishnyakova V.A. Zarabotnaya plata v Rossii: ot integral'noj politiki k gosudarstvennomu regulirovaniyu // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 88–95.
10. Stiglic T. Kapital, zarabotnaya plata i strukturnaya bezrabotica. M., 1969.
11. Tinbergen Ya. Teoriya ekonomicheskoy politiki. M., 1952.
12. Uajt L. Vvedenie v nauku gosudarstvennogo upravleniya. M., 1926.
13. Uil'yamson O. Povedencheskie predposylki sovremennogo ekonomicheskogo analiza. M., 1985.
14. Fedorov L.V. Sistema gosudarstvennogo finansovogo kontrolya: osnovnye mery po sovershenstvovaniyu // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 16. 2017. № 5 (124). S. 42–49.
15. Errou K. Obshchestvennyj vybor i individual'nye cennosti. M., 1951.
16. Carver J. A theory of governing the public's business: Redesigning the jobs of boards, councils, and commissions // *Public Management Review*. Vol. 3. 2010. Is. 1.
17. Kuhlmann S. Performance Measurement in European local governments: a comparative analysis of reform experiences in Great Britain, France, Sweden and Germany // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 76. 2010. Is. 2.
18. Kuhlmann S., Bogumil J., Grohs S. Evaluating administrative modernization in German local governments: Success or failure of the "New Steering Model"? // *Rublic administration review*. Vol. 68. 2008. Is. 5. P. 851–863.
19. Kuhlmann S., Wollmann H. Introduction to comparative public administration: Administrative systems ad reforms in Europe. Cheltenham: Edward Elgar. 2014.
20. Pollitt C., Bouckaert G. Public management reform: A comparative analysis. Oxford University Press, USA, 2004.
21. Pollitt C., Bouckaert G. Public management reform: A comparative analysis. Oxford University Press, USA, 2011.
22. Project Cycle Management Guidelines. 2004. Vol. 1. March.
23. Raczynska M. Process management in public administration // *Acta universitatis Nicolai Copernici. Zarządzanie XLII – Nr. 4 (2015)*. URL: http://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/AUNC_ZARZ/article/viewFile/AUNC_ZARZ.2015.048/9076.
24. Razzouk D. Outcomes measurement for economic evaluation (Book Chapter) // *Mental Health Economics: The Costs and Benefits of Psychiatric Care*. 2017. P. 35–53.
25. Wollmann H. (ed.) Evaluation in Public Sector Reform. Cheltenham/Northampton: Edgar Elgar, 2003. P. 1–11.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Матраева Л.В., Васютина Е.С. Наукометрический контент-анализ подходов к оценке эффективности государственного управления // *Социальная политика и социология*. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 13–20. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-13-20 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Matraeva L.V., Vasyutina E.S. Naukometricheskij kontent-analiz podkhodov k ocenke effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 13–20. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-13-20 (Reference in Roman script).

Matraeva, L.V. & Vasiutina, E.S. (2018) Scientometric Content Analysis of Approaches to Assessing the Effectiveness of Public Administration, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 13–20. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-13-20 (International bibliographic description).

Т.В. Медведева

канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и информационных технологий управления Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, Тула.

T. V. Medvedeva,

candidate of economic sciences, associate professor of the department of finance and management information technologies Tula branch REU them.

G.V. Plekhanov, Tula.

E-mail: tanya.tula2012@mail.ru

С.Г. Ерохин,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики, Российский государственный социальный университет, Москва.

S.G. Erokhin,

candidate of economic sciences, associate professor of the department of economic theory and world economy, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: ErohinSG@rgsu.net

УДК 336.6

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-21-28

Разработка экономического механизма повышения эффективности использования оборотных средств на предприятии сферы услуг

*Development of an Economic Mechanism to Improve the Efficiency of
Working Capital Use at the Service Sphere Enterprise*

Дата поступления

23.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: в статье проведен анализ эффективности использования оборотных средств фирмы на основании данных бухгалтерской отчетности, построена математическая модель зависимости продолжительности оборота средств организации от внутренних факторов предприятия, предложены мероприятия по эффективному применению оборотных средств торговой организации.

Annotation: the article analyzes the efficiency of the use of working capital of the company on the basis of accounting data, a mathematical model of the duration of the turnover of the organization from the internal factors of the enterprise, the measures for the effective use of working capital of the trade organization.

Ключевые слова: оборотные активы, эффективное применение оборотных средств, относительные показатели оборачиваемости оборотных средств фирмы, корреляционно-регрессионный анализ, финансовый анализ, финансовые результаты организации, хозяйственная деятельность.

Key words: current assets, efficiency of use of current assets, turnover factors of company's circulating assets, correlation-regression analysis, financial analysis, financial results of the organization, economic activity.

Актуальность темы исследования. Исследования зарубежного опыта, проведенные авторами работы на основании более чем восьми источников [1; 3; 5; 6; 10; 16; 18; 22], показывают, что в регионах России недостаточно разработана методология повышения эффективности использования оборотных средств организаций, осуществляющих торговлю.

Основной проблемой в России является недостаточное внимание со стороны финансовых служб механизму управления оборотными средствами предприятий, что требует совершенствования методов, приводящих к повышению прибыли и достижению синергетического эффекта организаций. В настоящее время проблема нехватки оборотных средств организации сопряжена с ограничением заемных ресурсов, определяемая в значительной степени политикой государства, коммерческих банков и кредитных кооперативов [12].

Цель исследования: разработать экономический механизм повышения эффективности использования оборотных средств на предприятии, для достижения которой поставлены задачи:

- 1) рассмотреть эффективность использования оборотных средств организации;
- 2) построить модель зависимости продолжительности оборота средств организации от внутренних факторов;
- 3) разработать экономически обоснованные мероприятия по эффективному управлению оборотными средствами организации, за счет которого фирма в будущем получит большую прибыль и достигнет положительного синергетического эффекта.

В анализе финансового состояния организации большое внимание уделяется эффективности использования его оборотных средств, поскольку они оказывают существенное влияние на основополагающие индикаторы хозяйственной деятельности предприятия: на сокращение издержек производства, рост объема продаж, повышение рентабельности компании; помогает определить руководству фирмы дополнительные финансовые возможности и способствует повышению основных финансовых показателей экономической деятельности организации [8].

Методики исследования. Для построения математической модели зависимости продолжительности оборота средств организации от внутренних факторов был использован метод корреляционно-регрессионного анализа, состоящий в построении и анализе экономико-математической модели в виде корреляционной связи, т.е. уравнения регрессии, определяющего зависимость признака от факторов, непосредственно влияющих на него.

Корреляционно-регрессионный анализ в экономике включает в себя несколько этапов:

- предварительная аналитика, основанная на выборе методики анализа показателей и набора важных факторов;
- сбор информации и ее первоначальная обработка;
- построение экономико-математической модели;
- оценка и анализ уравнения регрессии.

Для оценки качества модели зависимости длительности оборота средств организации от совокупности факторов применялись *парный линейный коэффициент корреляции* и *коэффициент детерминации*, определяемый в качестве квадрата парного линейного коэффициента корреляции. Уравнение множественной регрессии было рассчитано для ООО «Тула-Транс-Ойл» как торгового предприятия, для которого важны оборотные активы и факторы, влияющие на эффективность их использования. Построенную модель целесообразно применить для любой торговой организации. Для аналитики дебиторской задолженности компании применялся метод анализа ее бухгалтерского баланса с учетом *коэффициента оборачиваемости дебиторской задолженности*, дающего представление об ее изменении в положительную или в отрицательную сторону. Для расчета *оборотности дебиторской задолженности в днях* используется формула

$$T_{\text{деб.з}} = \frac{LP \times 360}{B}. \quad (1)$$

Для определения *рентабельности оборотных средств* формула выглядит следующим образом:

$$P_{об.} = \frac{B-C}{E}. \quad (2)$$

Результаты. Определена модель зависимости длительности оборота средств от совокупности определяющих разнообразных концепции применения оборотных активов факторов благодаря осуществлению корреляционно-регрессионного анализа. В итоге получено уравнение множественной регрессии по ООО «Тула-Транс-Ойл», которое можно представить следующим образом:

$$Y = 6,3 - 2,6 * X1 - 5,8 * X2 + 0,02 * X3 - 0,082 * X4 + 0,0021 * X5 + 0,21 * X6 - 17,34 * X7, \quad (3)$$

где Y – длительность оборота средств, дн.;

$X1$ – величина товарной продукции в расчете на 1 работника, тыс. руб./чел.;

$X2$ – размер оборотных активов, тыс. руб.;

$X3$ – сумма оборотных фондов, принимающих участие в торговле, приходящихся на 100 руб. основных средств, руб.;

$X4$ – соотношение кредиторской и дебиторской задолженностей, %;

$X5$ – соотношение дебиторской задолженности и денег, %;

$X6$ – удельный вес оборотных фондов, принимающих участие в торговле, в общей структуре оборотных средств, %;

$X7$ – сумма оборотных активов в расчете на 1 работника, тыс. руб./чел.

Аналитика построенной модели позволила сформулировать вывод о *достаточной обеспеченности компании оборотными средствами, оптимальной структуре оборотных активов без наличия лишних остатков их в торговой деятельности, оптимальном соотношении кредиторской и дебиторской задолженностей, росте производительности труда, что приведет к ускорению оборачиваемости оборотных активов ООО «Тула-Транс-Ойл».*

Управление дебиторской задолженностью. Анализ задолженности показал, что за 2016–2017 гг. кредиторская задолженность ООО «Тула-Транс-Ойл» преобладала над дебиторской задолженностью, причем данное превышение по обществу в 2016 г. составило 427 тыс. руб., в 2017 г. – 1147 тыс. руб., т.е. в 2,7 раза, что является отрицательным результатом деятельности изучаемой организации. В структуре дебиторской задолженности ООО «Тула-Транс-Ойл» преобладает задолженность покупателей и заказчиков, в организациях регионов РФ – аналогичный показатель, причем в 2017 г. по ООО «Тула-Транс-Ойл» дебиторская задолженность покупателей и заказчиков возросла на 2,6%, в том числе просроченная – на 0,3%. С учетом сложившихся тенденций проблемы оптимальной дебиторской задолженности и снижение временного фактора ее инкассации выступают важными направлениями эффективного применения оборотных средств торговой компании [9]. В настоящее время вполне очевидно, что процесс управления дебиторской задолженностью целесообразно определить в виде алгоритма:

- осуществление оценки дебиторской задолженности и количества дебиторов;
- проведение анализа величины дебиторской задолженности в реальном выражении;
- реализация мониторинга за соотношением кредиторской и дебиторской задолженностей;
- выработка политики получения кредитов и расчетов с помощью авансовых платежей;
- прогнозирование движения денежных средств с применением показателей инкассации;
- использование факторинга и проведение ревизии погашения дебиторской задолженности.

В современных условиях развития экономики целесообразно рекомендовать банковским организациям Тульского региона включить в ассортимент собственных услуг реализацию

факторингового обслуживания организаций оптовой и розничной торговли области, а последним – воспользоваться предоставляемой услугой для более целенаправленного и действенного управления своей дебиторской задолженностью, направленной на конечный результат по повышению финансового состояния предприятия [13].

Используя факторинг банковского учреждения, ООО «Тула-Транс-Ойл», в частности, сможет ускорить оборачиваемость дебиторской задолженности почти в 10,7 раз, что, в свою очередь, приведет к повышению рентабельности оборотных средств на 0,5% (табл. 1).

Таблица 1

Определение величины факторинговых услуг и финансовых возможностей их применения при менеджменте дебиторской задолженности ООО «Тула-Транс-Ойл»

I. Величина факторинговых услуг		
Затраты по факторинговому обслуживанию	Определение величины факторинговых услуг	Размер услуг, тыс. руб.
1. Комиссия за факторинговое обслуживание	3224 тыс. руб. × 0,5%	16,1
2. Операции по учету	(381 тыс. руб. × 90%) × 17%	58,3
Всего	–	74,4
Справочно:		
Размер годового оборота – 3224 тыс. руб.		
Величина оборотных средств на конец отчетного года – 4767 тыс. руб.		
Размер переуступаемых дебиторских задолженностей – 381 тыс. руб.		
II. Оборачиваемость дебиторской задолженности		
2017 г.	Прогноз	Прогноз / 2017 г.
$T_{\text{деб.з}} = \frac{381 \times 360}{3224} = 43(\text{дня})$	$T_{\text{деб.з}} = \frac{381 \times 0,1 \times 360}{3224 - 74,4} = 4(\text{дня})$	< в 10,7 раз
III. Рентабельность оборотных активов организации		
2017 г.	Прогноз	Прогноз / 2017 г.
$P_{\text{об.}} = \frac{3224 - 4386}{4767} = -24,4\%$	$P_{\text{об.}} = \frac{3224 - 74,4 - 4386}{(4767 - (381 \times 0,9))} = -23,9\%$	> на 0,5 п.п.

Источник [15; 16; 18].

Определен финансовый результат по той или иной поставке с применением факторинговых услуг и без них. Исходные составляющие:

- инфляция – 1% в месяц;
- величина поставки – 100 тыс. руб.;
- отсрочка – 30 нерабочих дн.;
- процент за услуги финансирования по обслуживанию факторинговых услуг – в среднем 1,67% в месяц или 20,06% за год;
- отношение валовой прибыли к себестоимости – 13,6%;
- рентабельность продаж в среднем – 11,75%;
- величина финансирования – 89% (см. табл. 2).

Согласно таблице 2 дополнительная выручка по факторинговым услугам (12 104 руб.) больше величины процентов (1671,67 руб.). Ставка по факторингу в месяц больше уровня инфляции. Получение компанией дополнительного дохода благодаря финансированию по факторингу считается вполне целесообразным. Следовательно, использование факторинга в ООО «Тула-Транс-Ойл» является эффективным и экономически обоснованным.

Таблица 2

Определение финансового результата с применением факторинговых услуг и без них

Показатели	Без учета факторинга	С учетом факторинга
Коэффициент дисконтирования	0,99	0,99
Индекс цен	1,01	1,01
Потери от инфляции	$100\ 000 * 0,01 = 1000$	$(11\ 000 - 1671,67) * 0,01 = 93,28$
Расчет за проценты, руб.	0	1671,67
Финансовый эффект от осуществления операции через 30 дней, исключая дополнительную выручку от факторинговых услуг, руб.	11 632,5	9985,05
Дополнительная выручка, руб.	$89\ 000 * 0,136 = 12\ 104$	–
Общий финансовый результат, руб.	11 632,5	$12\ 104 + 9985,05 = 22\ 089,05$

Источник [4].

Совершенствование договорных отношений с заказчиками. Большинство заказчиков ООО «Тула-Транс-Ойл» осуществляют оплату договора только после оказания услуг. Речь идет также и о заказчиках, период платы которых оказался просроченным более 50 дней со дня сдачи-приемки оказываемых услуг. В связи с этим рационально осуществить ввод в договор с заказчиками пункта об обязательной авансовой плате в размере 50% от величины договора, поскольку в сложившихся условиях развития экономики компания, как правило, теряет часть размера выполненных работ в результате влияния инфляционных процессов. В таблице 3 отражен исходный и прогнозируемый варианты фирмы проведения расчетных операций с заказчиками и покупателями и за оказанные работы и услуги.

Таблица 3

Определение прогнозируемого варианта совершенствования договорных отношений с потребителями ООО «Тула-Транс-Ойл»

Заказчики	Исходный вариант			Прогнозируемый вариант			
	Дата оплаты по договору	Дата оплаты по факту	Просроченная плата (руб.)	Авансовые поступления (%)	Дни просроченной оплаты	Сумма авансовых поступлений (руб.)	Остаток денежных средств (руб.)
Чемпион	23.11.2016	12.01.2017	19 160	50	61	9580	9580
Крона	26.11.2016	22.01.2017	23 320	50	57	11 660	11 660
Техномикс	06.12.2016	03.02.2017	10 130	50	59	5065	5065
Строй-эксперт	21.12.2016	09.02.2017	12 000	50	50	6000	6000
Амкодор	31.12.2016	26.02.2017	16 900	50	57	8450	8450
ИТОГО	–	–	81 510	–	–	40 755	40 755

Источник [8; 18].

При заключении контракта целесообразно в договоре обозначить также пункт о штрафах, поскольку большинство фирм сегодня нарушают срок оплаты по договорам. В случае нарушения периода оплаты за оказанные услуги заказчик вынужден произвести оплату неустойки фирме в объеме 0,1% от величины договора за установленный день просроч-

ки. Определение варианта заключения контракта с учетом штрафных пеней с заказчиками ООО «Тула-Транс-Ойл» отражено в таблице 4.

Таблица 4

Определение расчетов с заказчиками автозапчастей ООО «Тула-Транс-Ойл»

Заказчики	Величина по договору	0,1% от суммы по контракту	Период просрочки, дн.	Неустойка, руб.
Чемпион	191 600	191,6	61	11 688
Крона	233 200	233,2	57	13 292
Техномикс	101 300	101,3	59	5976
Стройэксперт	120 000	120	50	6000
Амкодор	169 000	169	57	9633
ИТОГО	815 100	–	–	46 589

Источник [11].

С учетом данных показателей с заказчиками ООО «Тула-Транс-Ойл» увеличит размер финансовых ресурсов сумму 46 589 руб. Таким образом, предлагаемая политика эффективного использования оборотных активов организации должна быть умеренной, при которой экономическая рентабельность, риск неплатежеспособности, период оборачиваемости оборотных активов должны быть на среднем уровне [4; 7; 8]. При рассматриваемом подходе уровень риска и уровень эффективности применения оборотных активов в торговой деятельности ООО «Тула-Транс-Ойл» произойдет оптимальное соотношение.

Общие выводы. Подводя итог, следует сказать, что состояние и эффективность использования оборотных средств организации – одно из основных условий успешной ее деятельности. Эффективность применения оборотных средств организации включает экономические показатели, прежде всего оборачиваемость, к взаимосвязанным показателям которой относятся: количество оборотов за определенный временной период (коэффициент оборачиваемости), длительность оборота в днях, величину занятых в фирме оборотных средств на единицу проданных товаров (коэффициент загрузки) [9]. Общая рентабельность оборотных активов ООО «Тула-Транс-Ойл» в 2017 г. возросла на 5,64%, чистая рентабельность оборотных активов увеличилась на 5,6%. В результате исследования впервые для ООО «Тула-Транс-Ойл» разработана методология и методы повышения эффективности использования оборотных средств, в частности:

1) представлено совершенствование механизма управления задолженностями ООО «Тула-Транс-Ойл»;

2) предложено совершенствование договорных отношений с заказчиками.

Применение фирмой факторинговых услуг кредитного кооператива позволит ускорить оборачиваемость дебиторской задолженности, повысить рентабельность оборотных средств на 0,5%. Мероприятия по совершенствованию договорных отношений с заказчиками ООО «Тула-Транс-Ойл» приведут к росту денежных средств на конец прогнозного временного периода на 40 755 рублей (кстати все предложенные мероприятия по повышению эффективности применения оборотных активов внедрены в ООО «Тула-Транс-Ойл»).

Список литературы

1. Балихина Н.В. Финансы и налогообложение организаций. М.: Юнити-Дана, 2013. 623 с.
2. Баскакова О.В., Сейко Л.Ф. Экономика предприятия (организации). М.: Дашков и К°, 2013. 372 с.
3. Булдакова И.С., Суворова В.Л. Управление дебиторской и кредиторской задолженностью на предприятии // Концепт. 2015. URL: <http://e-koncept.ru/2015/65071.htm> (дата обращения: 12.01.2018).

4. Екимова К.В. Финансы организаций (предприятий). М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 375 с.
5. Ковалев В.В. Финансы организаций (предприятий). М.: Проспект, 2016. 352 с.
6. Корчагина Е.В. Анализ и оценка экономической устойчивости в структурах предпринимательства. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2002. 145 с.
7. Лупей Н.А. Финансы торговых организаций. М.: Юнити, 2014. 143 с.
8. Матраева Л.В., Медведева Т.В. Разработка методики оценки финансового состояния и прогнозирования банкротства // Отчет о НИР-№ 24 от 09.10.2015. М.: ООО Консалтинговая группа «Новая Парадигма», 2015. 60 с.
9. Медведева Т.В., Денисов В.Н. Индикаторы устойчивости региональной социально-экономической системы // Концепт. Киров: Изд-во Межрег. центр инновац. технологий в образовании, 2016. Т. 5. С. 60–67.
10. Мочалова Л.А. Модель риск-ориентированной финансовой стратегии корпорации // Вестник Сибирского государственного авиационного университета. 2010. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16347906_45401742.pdf (дата обращения: 09.01.2018).
11. Радченко В.М., Морозова Н.А. Управление оборотными активами предприятия в общем комплексе проблем повышения эффективности их использования // Концепт. 2016. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95264.htm> (дата обращения: 09.01.2018).
12. Решитова А.А. Проблемы анализа материальных оборотных активов // Молодой ученый. 2016. URL: <https://moluch.ru/archive/115/30721/> (дата обращения: 11.01.2018).
13. Романова Л.Е., Бабкин П.Ю. Определение эффективности корпоративного имиджа промышленного предприятия на основе оценки его конкурентоспособности // Менеджмент в России и за рубежом. 2013. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20184502> (дата обращения: 11.01.2018).
14. Руднев В.Д. Экономическая интеграция: российская и европейская версии // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 4 (117). С. 35–42.
15. Тютюкина Е.Б. Финансы организаций (предприятий). М.: Дашков и К°, 2016. 544 с.
16. Финансово-кредитный словарь / гл. ред. В.Ф. Гарбузов. Т. 3. М., 1986. 336 с.
17. Финансы организаций / под ред. Н.В. Колчиной, О.В. Португалово. М.: Юнити, 2016. 399 с.
18. Финансы организаций (предприятий) / под ред. Н.В. Колчиной. – М.: Юнити, 2015. 407 с.
19. Янина О.Н. Система управления собственным капиталом кредитной организации: пути совершенствования // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 113–121.
20. Decman N. Liquidity management in Small and Medium-Sized Entities, International Conference of the Faculty of Economics Sarajevo. 2012. URL: <http://ibima.org/conference/30th-ibima-conference> (date of access: 12.01.2018).
21. Farkas A. Benchmark of Working Capital Performance, Budapest: Institute for Entrepreneurship Management, 2004. URL: <http://kgk.uni-obuda.hu/sites/default/files/Farkas.Andras.pdf> (date of access: 09.01.2018).
22. Halkola T. Improving Inventory Turnover and Working Capital Management by Business Model Innovation. Tornio: Lapland University of Applied Sciences, 2014. URL: <http://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/78327/pdf> (date of access: 22.12.2017).
23. Organization for Economic Co-operation and Development (May 2013). Improving Access to Finance for SMEs in Central Asia through Credit Guarantee Schemes, Private sector development: Policy Handbook. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/381260771> (date of access: 24.12.2017).

References

1. Balikhina N.V. Finansy i nalogooblozhenie organizacij. М.: Yuniti-Dana, 2013. 623 с.
2. Baskakova O.V., Sejko L.F. Ekonomika predpriyatiya (organizacii). М.: Dashkov i Ko, 2013. 372 s.
3. Buldakova I.S., Suvorova V.L. Upravlenie debitorskoj i kreditorskoj zadolzhennost'yu na predpriyatii // Koncept. 2015. URL: <http://e-koncept.ru/2015/65071.htm> (data obrashcheniya: 12.01.2018).
4. Ekimova K.V. Finansy organizacij (predpriyatij). М.: NIC INFRA-M, 2013. 375 с.
5. Kovalev V.V. Finansy organizacij (predpriyatij). М.: Prospekt, 2016. 352 с.
6. Korchagina E.V. Analiz i ocenka ekonomicheskoy ustojchivosti v strukturakh predprinimatel'stva. SPb.: Izd-vo SPb GUEF, 2002. 145 s.
7. Lupej N.A. Finansy torgovykh organizacij. М.: Yuniti, 2014. 143 с.

8. Matraeva L.V., Medvedeva T.V. Razrabotka metodiki ocenki finansovogo sostoyaniya i prognozirovaniya bankrotstva // Otchet o NIR-№ 24 ot 09.10.2015. M.: 000 Konsaltingovaya grupa «Novaya Paradigma», 2015. 60 s.
9. Medvedeva T.V., Denisov V.N. Indikatory ustojchivosti regional'noj social'no-ekonomicheskoy sistemy // Koncept. Kirov: Izd-vo Mezhhreg. centr innovac. tekhnologij v obrazovanii, 2016. T. 5. S. 60–67.
10. Mochalova L.A. Model' risk-orientirovannoj finansovoj strategii korporacii // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aviacionnogo universiteta. 2010. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16347906_45401742.pdf (data obrashcheniya: 09.01.2018).
11. Radchenko V.M., Morozova N.A. Upravlenie oborotnymi aktivami predpriyatiya v obshchem komplekse problem povysheniya effektivnosti ikh ispol'zovaniya // Koncept. 2016. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95264.htm> (data obrashcheniya: 09.01.2018).
12. Reshitova A.A. Problemy analiza material'nykh oborotnykh aktivov // Molodoj uchenyj. 2016. URL: <https://moluch.ru/archive/115/30721/> (data obrashcheniya: 11.01.2018).
13. Romanova L.E., Babkin P.Yu. Opredelenie effektivnosti korporativnogo imidzha promyshlennogo predpriyatiya na osnove ocenki ego konkurentosposobnosti // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2013. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20184502> (data obrashcheniya: 11.01.2018).
14. Rudnev V.D. Ekonomicheskaya integraciya: rossijskaya i evropejskaya versii // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 4 (117). S. 35–42.
15. Tyutyukina E.B. Finansy organizacij (predpriyatij). M.: Dashkov i Ko, 2016. 544 s.
16. Finansovo-kreditnyj slovar' / gl. red. V.F. Garbuzov. T. 3. M., 1986. 336 s.
17. Finansy organizacij / pod red. N.V. Kolchinoj, O.V. Portugalovo. M.: Yuniti, 2016. 399 s.
18. Finansy organizacij (predpriyatij) / pod red. N.V. Kolchinoj. – M.: Yuniti, 2015. 407 s.
19. Yanina O.N. Sistema upravleniya sobstvennym kapitalom kreditnoj organizacii: puti sovershenstvovaniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 113–121.
20. Decman N. Liquidity management in Small and Medium-Sized Entities, International Conference of the Faculty of Economics Sarajevo. 2012. URL: <http://ibima.org/conference/30th-ibima-conference> (date of access: 12.01.2018).
21. Farkas A. Benchmark of Working Capital Performance. Budapest: Institute for Entrepreneurship Management, 2004. URL: <http://kgk.uni-obuda.hu/sites/default/files/Farkas.Andras.pdf> (date of access: 09.01.2018).
22. Halkola T. Improving Inventory Turnover and Working Capital Management by Business Model Innovation. Tornio: Lapland University of Applied Sciences, 2014. URL: <http://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/78327/pdf> (date of access: 22.12.2017).
23. Organization for Economic Co-operation and Development (May 2013). Improving Access to Finance for SMEs in Central Asia through Credit Guarantee Schemes, Private sector development: Policy Handbook. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/381260771> (date of access: 24.12.2017).

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Медведева Т.В., Ерохин С.Г. Разработка экономического механизма повышения эффективности использования оборотных средств на предприятии сферы услуг // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 21–28. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-21-28 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Medvedeva T.V., Erokhin S.G. Razrabotka ekonomicheskogo mekhanizma povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya oborotnykh sredstv na predpriyatii sfery uslug // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 21–28. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-21-28 (Reference in Roman script).

Medvedeva, T.V. & Erokhin, S.G. (2018) Development of an Economic Mechanism to Improve the Efficiency of Working Capital Use at the Service Sphere Enterprise, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 21–28. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-21-28 (International bibliographic description).

Г.А. Пунина,

начальник Управления кадров, Российский государственный социальный университет, Москва.

G.A. Punina,

head of Personnel Department, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: PuninaGA@rgsu.net

А.А. Ходырев,

заместитель начальника управления финансового планирования, контроля и аудита, Российский государственный социальный университет, Москва.

A.A. Khodyrev,

deputy head of financial planning, control and audit, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: khodyrev@gmail.com

УДК 33; 368.89:502/504

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-29-36

Особенности системы экологического страхования в Российской Федерации и пути ее совершенствования

*Features of the System of Environmental Insurance in the Russian
Federation and Ways to Improve It*

Дата поступления

25.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: экологическое страхование рассматривается как один из способов управления рисками загрязнения окружающей природной среды. В работе представлены результаты анализа действующей сегодня в России системы экологического страхования; оценка решения практических вопросов осуществления экологического страхования в стране и выявление основных аспектов его развития как инструмента защиты окружающей природной среды на основе опыта зарубежных стран; представлено свое видение путей совершенствования системы экологического страхования. Особый акцент авторы делают на выявление проблемных мест в системе экологического страхования и предлагают предпринять конкретные действия, направленные на совершенствование законодательства в данной области.

Annotation: environmental insurance is viewed as one way of managing risk of environmental pollution. The results of analysis are in process presented by operating today in Russia of the system of ecological insurance; estimation of decision of practical questions of realization of ecological insurance in Russia and exposure of basic aspects of his development as an instrument of defense of natural environment on the basis of experience of foreign countries; the vision of ways of perfection of the system of ecological insurance is presented. The special accent authors do on the exposure of problem places in the system of ecological insurance and suggest to define the concrete actions sent to perfection of legislation in this area.

Ключевые слова: экологический риск, экологическое страхование, ущерб, договорная ответственность природопользователей.

Key words: ecological risk, ecological insurance, damage, contractual responsibility of users of nature.

Введение. В наш век технического прогресса технологии развиваются огромными темпами, а это, в свою очередь, связано с огромными экологическими рисками. Извлечение прибыли и личное обогащение сегодня, к сожалению, стоят выше понимания того, что своими

действиями мы разрушаем окружающую нас природную среду. Любое производство, добыча полезных ископаемых, транспортировка опасных грузов – это не просто источник опасности для здоровья, это бомба замедленного действия, которая убивает всё живое вокруг. Наши современники имеют надежду не увидеть этого разрушительного действия, а вот последующие поколения могут столкнуться с ситуацией невозврата, когда восстанавливать будет уже нечего. Какими бы с точки зрения экологии не были эффективными технологии и система экологического менеджмента на предприятиях, как бы ни был высок рейтинг экологической ответственности компаний, в жизни есть обстоятельства вне нашего контроля, способные свести к минимуму любые методы по контролю риска [13]. Именно сегодня наиболее остро стоит проблема становления экострахования, которое может стать наиболее эффективным сдерживающим механизмом разрушения окружающей среды. Крайне актуально стоит вопрос о необходимости развития и совершенствования законодательной базы в сфере экострахования в нашей стране. Предметом исследования стала система экологического страхования, применяемая для оценки ущерба, нанесенного предприятиями, осуществляющими хозяйственную деятельность. Каждому этапу исследования соответствуют поставленные нами задачи: анализ действующей сегодня в России системы экострахования; обобщение и применение опыта зарубежных стран; определение путей совершенствования и оценка решения практических вопросов осуществления экострахования в Российской Федерации и выявление основных аспектов его развития как инструмента защиты окружающей среды. Полученные результаты служат главным целям исследования – выявить проблемные места в системе экологического страхования и помочь определить конкретные действия, направленные на совершенствование законодательства в данной области [4].

Методика. При изучении методологических основ экологического страхования выявлены исторические предпосылки, которые привели к возникновению системы экострахования. В соответствии с намеченными задачами была разработана методология исследования. Одним из основных методов стал аналитический, основанный на детальном изучении опыта современных теоретиков и практиков в области экологического страхования. Кроме того, нами использовался социоретроспективный метод исследования, а также был применен синергический метод, заключающийся в широком использовании теоретического багажа смежных наук (юриспруденции, экономики, социальной экологии, промышленной экологии, природопользования, экологической экспертизы и т.д.). В основу теоретико-методологического базиса исследования легли опубликованные в открытой печати экологические, экономические и юридические научные статьи, касающиеся указанной проблематики. Информационно-эмпирической основой исследования, которая обеспечила достоверность и обоснованность выводов явились документы Министерства природных ресурсов и экологии РФ. Информационно-правовую базу составили Конституция РФ, федеральные законы и нормативные правовые акты, регулирующие вопросы природоохранной деятельности в сфере экострахования. Несмотря на то что во всем развитом мире экологическому страхованию придается огромное значение, законодательство в этой сфере постоянно совершенствуется, ужесточаются условия возмещения вреда за причиненный ущерб, увеличивается уровень ответственности, в нашей стране становление института экострахования пока еще имеет формальный характер и требует глубокой проработки [5]. Вступивший в силу в 2002 году Закон № 7-ФЗ, несмотря на то что имеет статью, предполагающую экологическое страхование, по мнению экспертов, слишком лаконичен. Прделанный в ходе исследования анализ существующей нормативно-правовой базы выявил отсутствие нормы-дефиниции в законодательстве, которая дала бы четкое определение экологическому страхованию [20].

Результаты. Анализ существующих требований к экологическому страхованию в Российской Федерации выявил, что в законодательстве отсутствует четко сформулированное понятие [16]. Экологическое страхование можно определить и как способ защиты окружающей среды от опасной деятельности человека, и как инструмент, который определяет раз-

мер и порядок выплаты компенсации. В нашей стране эту функцию выполняет государство, несмотря на то что само заключение договора страхования возлагается на страховые компании, как правило, частично с государственным капиталом, то обязанность по устранению последствий причиненного вреда лежит полностью на государстве, а именно на Министерстве по чрезвычайным ситуациям РФ.

По российскому законодательству страховать риски причинения вреда должны предприятия, деятельность которых опасна сама по себе, а также предприятия, на которых есть опасные объекты. Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» определяет четкий перечень таких предприятий, а также обязывает регистрировать такие объекты в государственном реестре [19]. Свои риски загрязнения должны страховать также объекты, которые сами и не являются опасными, но вследствие возникновения природной катастрофы способны нанести серьезный ущерб. Страховщик является гарантом того, что в случае наступления опасных последствий он должен будет выплатить по договору страхования денежное возмещение пострадавшей стороне в пределах суммы, указанной в договоре [14]. В случае обязательного экологического страхования страховщиком является государство. Предприятие, которое подпадает под опасное на основании Закона № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», обязано осуществлять взносы по обязательному страхованию в виде отчислений в государственный бюджет. Страхователями могут быть как юридические, так и физические лица, главным условием для заключения договора страхования является наличие в собственности источника повышенной опасности.

Страхование делится на добровольное и обязательное [11]. В отличие от обязательного при добровольном страховании государство не принуждает, не определяет никаких критериев для страхования. Страховая компания, основываясь на Типовом положении, разрабатывает свои правила по добровольному страхованию конкретно для каждого страхователя. Еще одно отличие добровольного страхования от обязательного в том, что страхователями могут быть только юридические лица. Причем они могут быть как российского, так и иностранного происхождения. Главным условием является то, что объект страхования должен находиться на территории России. В случае наступления опасных последствий возмещению по добровольному страхованию подлежат риски загрязнения водной среды, земельных угодий, воздушного бассейна. При этом характер наступления опасных последствий должен быть внезапным и не иметь умысла нанесения ущерба. Наличие полиса существенно повышает статус и престиж любого предприятия. Это свидетельствует о том, что собственники предприятия заботятся об охране природы не на словах, а на деле, а также имеют на это свободные денежные средства. Обязательное экострахование применяется только для предприятий, которые создают повышенную опасность. Список опасных объектов регламентируется Федеральным законом «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». В случае обязательного страхования договорной ответственности природопользователей изначально довольно сложно оценить риски. Они оцениваются по каждому конкретному объекту отдельно по определенным параметрам, а именно: по материалам, которые используются на предприятии, по его местоположению, по производственному процессу и по принятым на тот момент стандартам безопасности.

Для объяснения, почему предприятия не спешат заключать договоры, есть ряд обоснованных экономических причин. Во-первых, предприятия просто не заинтересованы в добровольном страховании ответственности, так как средства на оформление договора надо выделять из прибыли предприятия, что в условиях кризиса крайне сложно. Во-вторых, государство не предусматривает никаких стимулирующих добровольное экологическое страхование программ, например налоговых льгот. Собственники предприятий предпочитают вместо заключения договоров вкладывать средства в модернизацию производства, хотя это тоже своего рода природоохранная деятельность.

Решением проблемы нежелания страховать могло бы быть введение обязательного страхования для всех хозяйствующих субъектов по принципу ОСАГО, однако пока это тоже проблематично [12]. Сегодня 90–95% всех расходов лежит на бюджете федерального и регионального уровней. При этом виновник экологических происшествий зачастую остается безнаказанным. По опыту иностранных государств на виновника причинения вреда окружающей среде помимо применения принципа «Загрязнитель платит» еще возложена обязанность устранить проблему своими силами [22]. Государственные службы подключаются только в тех случаях, когда загрязнение имеет масштабный характер и справиться самостоятельно не представляется возможным, но заметим, что все мероприятия, связанные с ликвидацией опасных последствий, оплачивает виновник. В нашей стране, кто бы ни был виноват, какой бы ни был масштаб вреда, все обязанности по ликвидации загрязнения ложится на МЧС РФ, соответственно, и финансирование государственное. При наличии договора добровольного страхования причиненный ущерб частично возмещается страховой компанией в пределах максимальной суммы страхования, прописанной в договоре. Если промышленный объект, причинивший вред, подлежит обязательному экологическому страхованию, даже в этом случае, отчисления предприятия на обязательное страхование очень малы и не покрывают всех затрат. Однако считается, что в этом случае к предприятию не может быть никаких претензий. Функция осуществления надзора в сфере промышленной безопасности принадлежит государству. Государство участвует также в процессе предупреждения и ликвидации опасных происшествий. Процент участия государства в таких мероприятиях равен 100%, и финансовая нагрузка почти полностью ложится на него.

В реализации требований экологического страхования, его экономической целесообразности есть ряд проблем [1]. Большинство предприятий оснащено изношенным оборудованием. Это влечет повышение риска опасных случаев, поэтому взносы обязательного страхования будут выше. В данном случае, целесообразно ввести налоговое послабление для предприятий в целях стимулирования заключения договоров страхования [7].

Следующая проблема кроется в том, что компании опасаются не вытянуть плату в случае возникновения последствий чрезвычайных ситуаций. В данном случае можно использовать зарубежный опыт, когда создаются страховые экологические пулы для сбора финансовых резервов, используемых в страховом случае [17]. Кроме того, проблемой остается нехватка необходимого количества кадров соответствующей квалификации для оценки риска и ущерба. В данном случае должны привлекаться и сотрудничать и страховщики, и юристы, и экологи, а также должны быть предложены программы по обмену опытом с зарубежными странами за счет страховых компаний [2]. Следующая проблема – отсутствие представительных данных статистики, что затрудняет возможности прогнозирования, необходимого для расчета страховых тарифов. В данном вопросе нужна открытость и доступность.

Около 70 миллионов жителей нашей страны проживают в зонах риска, где загрязняется природная среда, страдает население [10]. Ранее государство возмещало ущерб, но экономический кризис изменил ситуацию. Нужна альтернатива в решении данного вопроса, а именно новые источники финансирования. В нашей стране страхуется около 10% рисков разрушения природы, в то время как за рубежом – 90% [9]. В случаях, когда наносится вред природной среде, обстановка сложилась иным способом. Прибыль от добычи полезных ископаемых, например нефти и газа, несопоставима с ущербом, который наносится природе. За рубежом эта проблема решается следующим образом: государство может организовать мероприятия по предупреждению нанесения ущерба и обязать нарушителя исправить вред. У нас это пока еще не принято, а виновники могут уклоняться от выплаты компенсации [21]. Хотя понятно, что не должно оставаться никаких лазеек для возможности избежать выплаты. Кроме того, нужно идентифицировать различия в характере вреда: внезапный он или случайный. Определение сумм страховок при страховании здоровья и жизни людей тоже имеет определенную сложность. Экономистам необходимо ввести некоторый коэффициент,

который может повышать или понижать суммы выплат соразмерно ситуации [6]. Неотработанный механизм страхования сдерживает развитие экострахования. Оно до сих пор не получило четкого отражения в соответствующих законах: Законе «О страховании» и в Законе «Об охране окружающей природной среды».

Обсуждение. В ноябре 2003 года Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ принят Модельный закон «Об экологическом страховании» на основании постановления № 22–19. Страны – участницы СНГ приняли на себя обязательство привести свое законодательство в сфере экострахования в соответствие с этим Законом в течение пяти лет. Например, в Казахстане уже несколько лет успешно действует аналогичный Закон. Многие эксперты считают, что данный Закон довольно полно и четко отражает всё необходимое для регулирования экострахования и вполне мог бы быть прототипом аналогичного закона в России [18].

Для четкого функционирования экологического страхования Модельным законом предлагается создать:

- 1) общество взаимного страхования, в которое должны войти не менее 30 юридических лиц со своим уставом и органом страхового надзора, а также с солидарной субсидиарной ответственностью по всем заключенным договорам страхования;
- 2) национальное объединение страховщиков в форме саморегулируемого предприятия. Обязанностью организации станет разработка и внедрение единых методов и подходов к экологическому страхованию. Национальное объединение должно будет обеспечивать финансовую устойчивость всех мероприятий в экологическом страховании.

В Модельном законе предусмотрено также решение вопросов финансирования экологического страхования. Предлагается создать многоуровневую систему гарантий, в которую должны войти специальные требования к страховщикам и контроль за их деятельностью. Одним из требований является обязанность страховщиков сформировать специальные страховые резервные финансовые фонды, средства которых должны идти на возмещение ущерба по договорам страхования, а также на предупредительные меры. Закон предусматривает также возможность перестрахования, в том числе и в иностранных страховых компаниях. Резервные фонды должны будут формироваться из взносов страхователей, а контроль расходования этих средств будет осуществлять государство. Порядок расходования средств резервного фонда будет осуществлять орган правления национального объединения страховщиков путем принятия бюджета на соответствующий период времени. Государство, в свою очередь, выступает гарантом – для этих целей должен быть создан госфонд, который будет формироваться за счет страховых взносов по договорам обязательного экологического страхования (в этом случае тарифные ставки будет определять государство), обязательных отчислений национального объединения страховщиков, за счет предприятий, которые будут иметь свои страховые фонды, а также за счет пожертвований физических и юридических лиц. Закон накладывает также обязательство на государство принять перечень мер по стимулированию страхования, например введение определенных льгот при налогообложении предприятий.

Одной из причин задержки в принятии специального закона в Российской Федерации является невозможность в одиночку одной страховой компанией потянуть риск ответственности по договорам страхования. Сегодня назрела такая ситуация, когда без создания специального страхового резерва невозможно обеспечение страховой компанией взятых на себя обязательств по договорам экологического страхования. Такой резервный фонд может формироваться путем отчисления туда части страховой премии по договорам экологического страхования, процент такого отчисления должен быть предусмотрен в структуре страховых тарифов. При этом такой резервный фонд не только должен расходовать средства для выплат при наступлении опасных последствий, когда уже причинен вред, но и должны проводиться природоохранные мероприятия предупредительного характера [15].

Заключение. В результате исследования дана оценка нормативно-правовой базы России в сфере экострахования, сформирован перечень нормативных правовых актов, которые в данный момент определяют взаимоотношения в экостраховании. Определено, что существующее законодательство в данной сфере несовершенно и требует серьезной доработки. Выявлено, что в России нет специального закона регулирующего отношения в сфере экострахования. Рассмотрен опыт иностранных государств в страховании экологической ответственности. Установлено, что экострахование является мощным инструментом для защиты природной среды, а также существенным стимулом для предприятий хозяйственной деятельности в проведении мер по предупреждению наступления опасных последствий.

Список литературы

1. Агатьев В.В. Менеджмент в природопользовании: монография. Вологда: ВоГТУ, 2003. 320 с.
2. Апанасюк Л.А., Каурова О.В., Малолетко А.Н., Крюкова Е.М. Инновационные тенденции развития экономики как результат социально-экологического образования // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 14–20.
3. Батаев В.В., Починок Н.Б. Социальное партнерство в системе досрочного негосударственного пенсионного страхования // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 1 (114). С. 8–16.
4. Ваулин Н.Ю., Хетагурова В.Ш., Пасичная Л.С. Перспективы экологического страхования в области охраны окружающей среды // Экологические чтения: Труды V науч.-практ. конф.: сб. 2016. С. 233–240.
5. Венчикова В.Р. Изменение системы экологического нормирования и экономического стимулирования // Экология производства. 2011. № 1. С. 10–19.
6. Голина С.И., Крюкова Е.М. Экологизация экономики – важный шаг к повышению качества жизни населения // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 1 (48). С. 174–182.
7. Ильиных Ю.М., Афанасьева М.А. Проблемы реализации Ф3-225 «Об обязательном гражданском страховании ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 5. С. 184–189.
8. Кабанова Е.Е., Егоршев И.А. Внутренний туризм: факторы привлекательности муниципальных образований // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 93–100.
9. Козлова О.Н., Хайдарова А.В. Экологическое страхование в системе защиты имущественных интересов и окружающей среды // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4. С. 227–231.
10. Кулиш Т.Е., Пунина Г.А. Условия труда и их влияние на здоровье человека // Материалы Ивановских чтений. 2016. № 4–2 (9). С. 66–72.
11. Макеева Д.Р. Современное состояние и перспективы развития страхования // Сфера услуг: проблемы и перспективы развития / Бушуева И.В., Вапнярская О.И., Иванушко Д.Н., Колгушкина А.В., Макеева Д.Р., Лустина Т.Н., Платонова Н.А., Погребова Е.С., Рождественская И.А., Сюткин Г.Н., Хотинская Г.И., Христофорова И.В., Ядгаров Я.С. Проблемы и перспективы развития. М., 2001. С. 355–392.
12. Макеева Д.Р. Региональный маркетинг страховых услуг. Практический маркетинг // Практический маркетинг. 2000. № 11. С. 27–29.
13. Маркин Ю. Экологическое страхование как неотъемлемый инструмент управления рисками хозяйствующего субъекта // Нефть. Газ. Право. 2017. № 1. С. 15–18.
14. Меньшикова О.В., Меньшиков В.В. Экологическая ответственность и экологическое страхование // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-stanovleniya-mehanizma-ekologicheskogo-strahovaniya-v-rossii>.
15. Мосалёв А.И. Модернизация в мезоэкономическом контексте // Инновационный Вестник Регион. 2014. № 1. С. 6–11.
16. Наминова К.А., Яблуновский М.Ю., Надбитов Н.К. Эколого-экономическое инновационное развитие России через систему экологического страхования // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1451–1454.

17. Сосновская А.А., Крюкова Е.М. Формирование центров ответственности в разрезе процессного подхода к управлению затратами при производстве продукции // Актуальные проблемы российского законодательства. 2016. № 15. С. 147–153.
18. Сотникова Л.В., Никонова Н.Е. Экологическое страхование как инструмент экономико-правового механизма охраны окружающей среды в России и за рубежом // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. Т. 5. 2016. № 4 (15). С. 106–110.
19. Стрелкова И.И. Термин «опасные объекты» требует уточнения // Социум и власть. 2014. № 4. С. 90–94.
20. Хетагурова В.Ш., Толбузина Т.В., Ваулин Н.Ю., Пасичная Л.С. Сущность экологического страхования как экономического механизма в области охраны окружающей среды // Управление, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия: Труды Международ. науч.-практ. конф.: сб. 2016. С. 177–182.
21. Ходырев А.А. Зарубежный опыт внедрения инструментов и моделей бюджетирования, ориентированного на результат // Социальная политика и социология. Т. 14. 2015. № 6 (113). С. 68–75.
22. Ходырев А.А. Оценка государственных программ как метод управления расходными обязательствами социальной направленности // Социальная политика и социология. 2014. № 4–1 (105). С. 306–312.
23. Шинкарёва О.В. Доходы и расходы Фонда социального страхования Российской Федерации: основные проблемы и тенденции // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 3 (122). С. 60–69.
24. Kryukova E.M., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Vetrova E.A., Dusenko S.V. Social-economic problems of russian mono-towns // Asian Social Science. Vol. 11. 2015. No. 1. P. 258–267.

References

1. Agat'ev V.V. Menedzhment v prirodopol'zovanii: monografiya. Vologda: VoGTU, 2003. 320 s.
2. Apanasyuk L.A., Kaurova O.V., Maloletko A.N., Kryukova E.M. Innovacionnye tendencii razvitiya ekonomiki kak rezul'tat social'no- ekologicheskogo obrazovaniya // Social'naya politika i sociologiya. Т. 16. 2017. № 2 (121). S. 14–20.
3. Bataev V.V., Pochinok N.B. Social'noe partnerstvo v sisteme dosrochnogo negosudarstvennogo pensionnogo strakhovaniya // Social'naya politika i sociologiya. Т. 15. 2016. № 1 (114). S. 8–16.
4. Vaulin N.Yu., Khetagurova V.Sh., Pasichnaya L.S. Perspektivy ekologicheskogo strakhovaniya v oblasti okhrany okruzhayushchej sredy // Ekologicheskie chteniya: Trudy V nauch.-prakt. konf.: sb. 2016. S. 233–240.
5. Venchikova V.R. Izmenenie sistemy ekologicheskogo normirovaniya i ekonomicheskogo stimulirovaniya // Ekologiya proizvodstva. 2011. № 1. S. 10–19.
6. Golina S.I., Kryukova E.M. Ekologizaciya ekonomiki – vazhnyj shag k povysheniyu kachestva zhizni naseleniya // Servis v Rossii i za rubezhom. 2014. № 1 (48). S. 174–182.
7. Il'inykh Yu.M., Afanas'eva M.A. Problemy realizacii FZ-225 «Ob obyazatel'nom grazhdanskom strakhovanii otvetstvennosti vladel'ca opasnogo ob'ekta za prichinenie vreda v rezul'tate avarii na opasnom ob'ekte» // Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 5. S. 184–189.
8. Kabanova E.E., Egorshchikov I.A. Vnutrennij turizm: faktory privlekatel'nosti municipal'nykh obrazovanij // Social'naya politika i sociologiya. Т. 15. 2016. № 5 (118). S. 93–100.
9. Kozlova O.N., Khajdarova A.V. Ekologicheskoe strakhovanie v sisteme zashchity imushchestvennykh interesov i okruzhayushchej sredy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4. S. 227–231.
10. Kulish T.E., Punina G.A. Usloviya truda i ikh vliyanie na zdorov'e cheloveka // Materialy Ivanovskikh chtenij. 2016. № 4–2 (9). S. 66–72.
11. Makeeva D.R. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya strakhovaniya // Sfera uslug: problemy i perspektivy razvitiya / Bushueva I.V., Vapnyarskaya O.I., Ivanushko D.N., Kolgushkina A.V., Makeeva D.R., Lustina T.N., Platonova N.A., Pogrebova E.S., Rozhdestvenskaya I.A., Syutkin G.N., Khotinskaya G.I., Khristoforova I.V., Yadgarov YA.S. Problemy i perspektivy razvitiya. M., 2001. S. 355–392.
12. Makeeva D.R. Regional'nyj marketing strakhovykh uslug. Prakticheskij marketing // Prakticheskij marketing. 2000. № 11. S. 27–29.
13. Markin Yu. Ekologicheskoe strakhovanie kak neot'emlemyj instrument upravleniya riskami khozaystvuyushchego sub'ekta // Neft'. Gaz. Pravo. 2017. № 1. S. 15–18.

14. Men'shikova O.V., Men'shikov V.V. Ekologicheskaya otvetstvennost' i ekologicheskoe strakhovanie // Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk. Russkaya sekciya. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-mehanizma-ekologicheskogo-strahovaniya-v-rossii>.
15. Mosalyov A.I. Modernizatsiya v mezoekonomicheskom kontekste // Innovacionnyj Vestnik Region. 2014. № 1. S. 6–11.
16. Naminova K.A., Yablunovskij M.Yu., Nadbitov N.K. Ekologo-ekonomicheskoe innovacionnoe razvitie Rossii cherez sistemu ekologicheskogo strakhovaniya // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2–7. S. 1451–1454.
17. Sosnovskaya A.A., Kryukova E.M. Formirovanie centrov otvetstvennosti v razreze processnogo podkhoda k upravleniyu zatratami pri proizvodstve produktsii // Aktual'nye problemy rossijskogo zakonodatel'stva. 2016. № 15. S. 147–153.
18. Sotnikova L.V., Nikonova N.E. Ekologicheskoe strakhovanie kak instrument ekonomiko-pravovogo mekhanizma okhrany okruzhayushchej sredy v Rossii i za rubezhom // Vestnik Soveta molodykh uchenykh i specialistov Chelyabinskoy oblasti. T. 5. 2016. № 4 (15). S. 106–110.
19. Strelkova I.I. Termin «opasnye ob'ekty» trebuetsya utochneniya // Socium i vlast'. 2014. № 4. S. 90–94.
20. Khetagurova V.Sh., Tolbuzina T.V., Vaulin N.Yu., Pasichnaya L.S. Sushchnost' ekologicheskogo strakhovaniya kak ekonomicheskogo mekhanizma v oblasti okhrany okruzhayushchej sredy // Upravlenie, ekonomika i social'naya sfera: problemy vzaimodejstviya: Trudy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. 2016. S. 177–182.
21. Khodyrev A.A. Zarubezhnyj opyt vnedreniya instrumentov i modelej byudzhetrovaniya, orientirovannogo na rezul'tat // Social'naya politika i sociologiya. T. 14. 2015. № 6 (113). S. 68–75.
22. Khodyrev A.A. Ocenka gosudarstvennykh programm kak metod upravleniya raskhodnymi obyazatel'stvami social'noj napravlenosti // Social'naya politika i sociologiya. 2014. № 4–1 (105). S. 306–312.
23. Shinkaryova O.V. Dokhody i raskhody Fonda social'nogo strakhovaniya Rossijskoj Federacii: osnovnye problemy i tendentsii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 3 (122). S. 60–69.
24. Kryukova E.M., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Vetrova E.A., Dusenko S.V. Social-economic problems of russian mono-towns // Asian Social Science. Vol. 11. 2015. No. 1. P. 258–267.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Пунина Г.А., Ходырев А.А. Особенности системы экологического страхования в Российской Федерации и пути ее совершенствования // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 29–36. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-29-36 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Punina G.A., Khodyrev A.A. Osobennosti sistemy ekologicheskogo strakhovaniya v Rossijskoj Federacii i puti ee sovershenstvovaniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 29–36. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-29-36 (Reference in Roman script).

Punina, G.A. & Khodyrev, A.A. (2018) Features of the System of Environmental Insurance in the Russian Federation and Ways to Improve It, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 29–36. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-29-36 (International bibliographic description).

Д.С. Соколов,

канд. экон. наук, старший научный сотрудник

Научно-исследовательского института перспективных направлений и технологий, Российский государственный социальный университет, Москва.

D.S. Sokolov,

candidate of economic sciences, senior researcher of Scientific and Research Institute of Prospective Trends and Technologies, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: tapa86@gmail.com

УДК 33; 346

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-37-44

Роль социальной ответственности бизнеса в поддержке социально уязвимых категорий населения в различных типах экономик

*The Role of Social Responsibility of Business in Support of Socially
Vulnerable Categories of the Population in Different Types of Economies*

Дата поступления

30.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: в статье рассмотрены особенности поддержки социально уязвимых категорий населения, в частности обобщается опыт США, стран Европы, развивающихся стран. Выявлены существенные отличия понимания сути социальной ответственности бизнеса в экономически развитых странах и в России, различные группы интересов (стейкхолдеры), в том числе: бизнес-сообщество, государственные органы, некоммерческие организации и население.

Annotation: the article considers the features of support for socially vulnerable categories of the population, in particular, the experience of the United States, Europe and developing countries. Significant differences in the understanding of the essence of social responsibility of business in economically developed countries and in Russia, various groups of interests (stakeholders), including: business community, government agencies, non-profit organizations and the public are revealed.

Ключевые слова: социально уязвимые группы населения, социальная стабильность, государственное регулирование, государственная поддержка, социальная политика, социальная ответственность, уровень жизни, стейкхолдеры.

Key words: socially vulnerable groups, social stability, state regulation, state support, social policy, standard of living, social responsibility, stakeholders.

Введение. В любой стране мира социально незащищенные категории граждан подвергаются повышенным социальным, финансовым и другим видам рисков. Однако в странах со стабильным уровнем жизни, эффективной нормативно-правовой базой и развитым гражданским обществом, эти риски несколько снижаются. В России же актуальность темы за последние годы, и особенно в настоящее время, остается высокой в связи с достаточно напряженной ситуацией на рынке труда и в обществе в целом, недостаточной социальной стабильностью. За 2016 год средние денежные доходы в 20 субъектах снизились более, чем на 10%, а в отдельных субъектах **обеднение за 2016 год составило 21%** [21]. По данным 2015 года, 13,3% членов домохозяйств имели доходы ниже 10 000 рублей [16]. Одновременно растут число и доля пожилых

граждан и инвалидов, в том числе детей-инвалидов. Это не только российская, но общемировая тенденция. Например, прогнозируется, что «доля граждан в возрасте 60 лет и более в мире увеличится... до 21,5% в 2050 году» [27]. Кроме того, ежегодно количество инвалидов в России увеличивается на один миллион человек, пенсию по инвалидности получает уже 10% россиян [1]. Рассмотрим более подробно критерии выделения социально уязвимых групп.

Методика отнесения различных категорий граждан к социально незащищенным / социально уязвимым. Здесь выделяется несколько подходов. Например, в концепциях активов (*assets-based approaches*), *уязвимость* определяется как состояние бедности, являющееся следствием недостаточного доступа к материальным и нематериальным активам [32]. В последнее время весьма широкое распространение получили различные социологические теории, связанные с концепцией социального исключения (эксклюзии), в которых основное внимание уделяется распаду социальных связей [28]. В большинстве современных стран к социально уязвимым относят такие группы населения, как:

- **социально незащищенные слои населения** – малообеспеченные группы людей, дети, сироты, инвалиды, лица с тяжелыми заболеваниями (в том числе ВИЧ-инфицированные, лица с психическими расстройствами), пенсионеры (особенно одинокие), многодетные семьи, а также матери-одиночки;

- **социально неблагополучные слои населения** – безработные, бездомные, алкоголики, наркоманы, беженцы, и другие.

Опыт поддержки социально уязвимых групп в США и европейских странах. Больше всего исследований посвящены американской и европейской моделям социальной помощи и благотворительности, поскольку они считаются наиболее развитыми и успешными. Рассмотрим их подробнее. Для **американской модели** характерно прежде всего незначительное вмешательство в эту сферу со стороны государства [4]. Правительство дает возможность бизнесу самостоятельно выстраивать отношения с местной властью для решения социальных проблем. Экономическая политика в США основана на поддержке развития предпринимательской активности и непрепятствовании обогащению наиболее успешной и активной части населения. Немаловажная характеристика – *адресность предоставления помощи с ориентацией на определенные категории; ориентированность на местные сообщества, широкое развитие частной благотворительности, волонтерства* [29]. В волонтерской деятельности участвует почти половина экономически активного населения США. К сферам, в которых наиболее часто осуществляется волонтерская деятельность в США, относятся [12]:

- социальная служба;
- медицина и уход за больными;
- иммиграционная сфера;
- бесплатная юридическая помощь неимущим;
- служба для бездомных;
- тюремное служение.

Бизнес в США существенно вовлечен в решение социальных вопросов. Подавляющее большинство (около 90%) американских компаний за последние годы заявляют о реализации социально ответственной линии поведения. Для экономики США характерно многообразие некоммерческих организаций, среди которых заметно преобладание *корпоративных фондов*. Их цель – привлечение бизнеса для решения общественных проблем, в том числе для поддержки организаций сферы искусства и культуры [14]. Известны яркие примеры реализации принципов социальной ответственности в крупных американских компаниях – Google, Microsoft и других. Имеется в виду создание более тысячи рабочих мест для ветеранов войны, способствование уменьшению выбросов вредных веществ, обеспечение возможности получения образования для более семи миллионов молодых людей во всем мире и т.д. [17]. В свою очередь, бизнес, осуществляющий социальные программы, может рассчитывать на льготы, например существенное снижение штрафов.

Рассмотрим **европейскую модель**. В Европе существует несколько подходов к организации социальной защиты населения [31]. В частности, *северная модель*, иногда ее называют *социал-демократическая* (Дания, Швеция, Финляндия, Нидерланды) отличается высоким уровнем социальной защиты и универсальным характером предоставления пособий. Здесь доля государственных расходов, направляющихся на социальные цели, может достигать 50% ВВП. В **англосаксонской модели** (Великобритания, Ирландия) помощь населению оказывается лишь в крайних случаях. Рынок труда характеризуется сильной дифференциацией заработной платы со значительной долей работников, получающих относительно низкую заработную плату. Для **континентальной модели** (Германия, Австрия, Франция) характерно построение социальной защиты на профессионально-корпоративной основе. Основные каналы формирования и распределения социальных трансфертов находятся под контролем государства, взносы в систему социальной защиты производятся из средств работодателей и работников. Размер получаемых выплат напрямую зависит от величины уплачиваемых взносов работающего. Неохваченные социальным страхованием граждане рассчитывают на предоставление социальной помощи, финансирующейся из государственного бюджета. Роль профсоюзов в коллективно-договорной политике достаточно значительна. В **средиземноморской модели** (характерной для Греции, Италии, Португалии, Испании) в социальных трансфертах преобладают пенсионные выплаты, модель характеризуется высокой степенью сегментации получателей пособий по их статусу.

Существует мнение, что к современным вызовам глобализации способны адаптироваться лишь англосаксонская и северная модели, тогда как две другие окажутся неконкурентоспособны. В целом можно отметить, что если раньше европейские ученые с оптимизмом оценивали будущее европейской интеграции и социальной политики (хотя предложения были зачастую идеалистичны), то за последнее время большинство исследователей подчеркивают трудности создания «европейской социальной модели». Это связано с проблемами европейской интеграции. Многие исследования, появившиеся за последние годы, полны скептицизма относительно будущего европейской модели социальной политики. В связи с этим представляет интерес исследование [19], в котором анализируется социальная отчетность 90 европейских крупных и средних компаний. Наиболее распространенные формы проявления социальной ответственности: *стимулирование этичного потребления* (69%); *применение эффективных по отношению к окружающей среде технологий* (68%), *информирование потребителей и маркировка продукции* (66%).

В Европе распространено понятие «социальное предпринимательство». Одним из первых в этом направлении стал Закон о социальных кооперативах, принятый в Италии в 1991 г. В Польше «социальное предпринимательство» рассматривается в качестве нового и важного направления социальной политики. Социальные кооперативы в Польше вправе создавать инвалиды, бездомные, попавшие в зависимость от алкоголя и наркотиков, психические больные, освобожденные из заключения и беженцы. Основным условием является то, чтобы среди членов кооператива было не менее 50% граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Однако, по мнению некоторых авторов, более продуктивной идеологией может стать «социальное сопровождение», заключающееся в том, чтобы не ограждать человека от трудностей, а создавать условия для осознанного свободного выбора им своего жизненного пути [3].

По нашему мнению, целесообразно рассмотреть опыт отдельных ведущих экономик ЕС. Например, Ларионова [18] в своей статье подробно рассматривает проблемы благотворительности в **Германии**. Государственная социальная служба помогает каждому человеку, обратившемуся за помощью, если он там зарегистрирован. Объектом негосударственной социальной помощи являются лица, не имеющие зарегистрированного места жительства. Таким лицам оказывается помощь в приобретении постельного белья, мебели, электрических приборов,

занавесок и прочего. Также оказывается помощь лицам, которым по какой-либо причине отказали в помощи государственные социальные службы, и лицам, нуждающимся в экстренной поддержке. В Германии широко распространены благотворительные организации, некоторые из которых существуют уже много десятилетий. Например, Arbeiterwohlfart (AWO, «Рабочая благотворительность») – благотворительная организация – основана в 1919 году. Некоторые исследования [24] посвящены благотворительности, где рассмотрен опыт нескольких ведущих экономик ЕС. Так, сделана попытка выделить различные мотивы благотворительности и социальной помощи. Например, в **Великобритании** зарегистрированы и успешно функционируют 180 неправительственных организаций и ежегодно образуется четыре тысячи новых. Благотворительная деятельность в целом находится под патронажем королевской семьи и крупных деятелей искусства и политики. Финансирование благотворительных организаций осуществляется в виде добровольных пожертвований, грантов или безвозмездных ссуд правительства и местных органов власти. В **Испании** у населения преобладают религиозные мотивы благотворительности, там также активно участвуют в благотворительности кооперативные предприятия и вузы.

Социальная ответственность бизнеса и взаимодействие стейкхолдеров в развивающихся странах. Потребность в социально ответственном поведении бизнеса в странах Азии, Африки, Латинской Америки определяется социально-экономическими и политическими условиями, многие из которых за последнее время обострились. Социальная ответственность бизнеса в развивающихся странах рассматривается как альтернатива государственной социальной политике. Так, правительство **Бразилии** выделяет государственные средства для программ по социально ответственному поведению бизнеса. В стране создана специальная служба поддержки малых и средних предприятий, стимулирующая эти компании к росту социальных обязательств перед обществом. При этом основным стимулом является не жестко регламентирующее, а косвенное поощрение к социальным инвестициям через партнерство с государством [21]. Интересно, что по уровню развития благотворительности, многие развивающиеся страны за последние годы мало уступают экономически развитым странам. Перечень стран, где наиболее распространена помощь напрямую нуждающимся, включает такие развивающиеся страны, как *Коста-Рика, Нигерия, Сенегал, Сирия* [7].

Иногда выделяют также «исламскую», «японскую», «китайскую» и другие модели развития социальной сферы в развивающихся странах, отличающихся специфичностью.

Поддержка социально-незащищенных групп населения в России. Начиная с советского периода истории, движущей силой социальной поддержки уязвимых групп населения, было государство. О частной благотворительности и социальной ответственности бизнеса заговорили лишь в конце XX века. *Какова же роль бизнеса и государства в современной России, особенности их взаимодействия?* Разница в понимании значения и понятия социальной ответственности в России и в экономически развитых странах заключается в том, что у нас компании выдвигают на первый план в социальной ответственности, как правило, разовые проекты, осуществляемые с целью поддержки своей репутации, а западные компании рассматривают социальную ответственность и отчетность как норму поведения, в них преобладают долгосрочные проекты [23]. Для России характерно отсутствие широко распространенной идеологии социального предпринимательства, что подтверждается многими опросами. При этом часть авторов связывают подобную ситуацию с прошлым «наследием». Высказываются, например, такие суждения: «Наш бизнесмен – это вчерашний слесарь... комсомолец, ставший обладателем большого состояния. Требовать от него... этического поведения всё равно, что просить еду у голодного крокодила...» [10]. Другие авторы связывают это с ошибками реформирования, совершенными уже в постсоветский период. Так или иначе, на сегодняшний день в России сложилась система, которая характеризуется концентрацией олигархического капитала, охватывающего до 20% активов страны [5]. Лидерами рейтинга социальной ответственности являются крупнейшие компании топливно-энергетического сектора: «ЛУКОЙЛ», «Газпром», «Роснефть»,

ТНК-ВР, «Сургутнефтегаз» и «Транснефть». А.И. Яровой [30] в качестве положительного примера приводит опыт Банка ВТБ, который в кризисные годы не только не снизил расходы на реализацию программ корпоративной социальной ответственности, но и увеличил их на 33%. В Ненецком, Ямало-Ненецком автономном округе отдельные компании: ОАО «ЛУКОЙЛ» и ОАО «Газпром» играют более активную социальную роль, чем государство [15].

С заявлениями о готовности продемонстрировать социально одобряемое поведение регулярно выступают представители российского бизнеса. А.Н. Малолетко [20], анализируя список богатейших бизнесменов России, отмечает, что, например, «в 2010 году, после заявления В. Потанина о передаче своих активов на благотворительность, лишь треть опрошенных позитивно восприняло это заявление». Наиболее успешными механизмами повышения эффективности взаимоотношений государства и бизнеса в решении социальных проблем является *государственно-частное партнерство* [25]. Если говорить об эффективности социальной системы в целом, то «не всегда поддержку получают именно те граждане, которые в этом больше всего нуждаются. Менее 20% средств, выделяемых государством в виде выплат, пособий и льгот, попадает в малообеспеченные семьи. Осуществляемой государственной поддержкой в нынешнем виде удовлетворены лишь 16% населения» [22]. *Некоммерческий сектор* России также недостаточно эффективен. А.В. Грищенко [9] подчеркивает, что доля доходов НКО в ВВП России составляет 0,6%, а в развитых странах – 6,5%. Доля социально-ориентированных НКО (СОНКО) в общем количестве в Российской Федерации – 13%, в то время как в странах ЕС и в США – 60–70%.

Заключение. Таким образом, международный опыт свидетельствует о том, что поддержка социально-уязвимых групп не должна сводиться только к государственной помощи. Необходима гармонизация различных групп интересов. В целом можно отметить, что в России за последние годы сделан ряд шагов в сторону цивилизованного реформирования социальной сферы. Однако пока лишь наиболее крупные компании, в основном добывающих отраслей, демонстрируют социально ответственное поведение; экономика носит олигархический характер. Роль государства на данном этапе заключается в необходимости эффективного взаимодействия с главными стейкхолдерами (бизнес, некоммерческие организации) для решения социальных проблем.

Список литературы

1. Абдуллин И.И. Вопросы эффективности правовой политики государства в отношении социально незащищенных групп населения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-2. С. 83–86.
2. Бабакаев С.В., Виноградова М.В., Кулямина О.С. Корпоративная социальная ответственность бизнеса: перспективы развития негосударственного пенсионного обеспечения в оценках руководителей российских компаний // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 42–50.
3. Баркова А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 3 (33).
4. Борис О.А. Активизация создания социально ориентированных инновационных предприятий: российский и зарубежный опыт // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2013. № 7. С. 14–19.
5. Брусенцова Л.С., Брусенцов Д.В. Социальная ответственность малого бизнеса: актуальность, ограничения, формы взаимодействия со стейкхолдерами // Управление экономикой: методы, модели, технологии: 14 Междунар. науч. конф.: сб. науч. тр. Уфа, 2014.
6. Бутаева Н.В., Максимова М.Н. Применение критериев нуждаемости при предоставлении услуг социальной поддержки населению в Республике Татарстан: перспективы и проблемы // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 6–14.

7. Бутусова А.А. Опыт реализации социальной ответственности бизнеса в зарубежных странах и возможности его применения в России // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.В. Фурмана, Т.Б. Белозеровой, Е.П. Непочатых. 2016.
8. Воротников А.М. Средства негосударственных пенсионных фондов как стратегический ресурс создания и развития инфраструктуры социального обслуживания // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 15–24.
9. Грищенко А.В. Опыт налогообложения благотворительных некоммерческих организаций за рубежом и его применение в России // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 2.
10. Гущериев М. Наш бизнесмен – это вчерашний слесарь // АРК «Новый дом». URL: <http://ekb.dk.ru/news/nash-biznesmen-eto-vcherashniy-slesar-mihail-gutseriev-o-dengah-i-spravedlivosti-237072333>.
11. Дурдыева Д.А., Тимофеев Д.О. Социальное предпринимательство в современной России: перспективы развития // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 2 (115). С. 20–26.
12. Дьякова Т.В. Волонтерство как часть учебного процесса в американской высшей школе // *Lingua mobilis*. 2014. № 5 (51).
13. Евремова К.В. Социологический анализ тенденции развития благотворительности, волонтерства, социального служения в современном мире // Социальная работа в современном мире: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015.
14. Жилина И.Ю. Страновые модели корпоративной социальной ответственности / Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2016. № 1. С. 32–62.
15. Костлявая рука бедности // Аргументы недели. 2017. № 6 (548) от 16 февр. URL: <http://argumenti.ru/society/n577/522815>.
16. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Шмат В.В. О социальной ответственности сырьевых компаний на Севере в контексте меняющихся экономических условий России. URL: hse.ru/data/524/606/1238/Kryukov.abstract.doc.
17. Кузнецова Н.В., Маслова Е.В. Модели корпоративной социальной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24).
18. Ларионова Т.П. Модель координации благотворительной деятельности в современной Германии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 5.
19. Лоница Т.Ф. Анализ практики влияния потребителей на реализацию концепции социальной ответственности бизнеса российскими и зарубежными компаниями // Вестник Казанского технологического университета. 2015. № 1.
20. Малолетко А.Н. Филантропия крупного бизнеса и ловушки «социального предпринимательства»: новые угрозы экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2016. № 3 (330).
21. Материальное положение россиян продолжает ухудшаться // Карьерист.Ру. URL: <https://careerist.ru/news/doxod-rastet-narod-bedneet-materialnoe-polozhenie-rossiyan-prodolzhaet-uxudshatsya.html>.
22. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социс. 2010. № 3 (311).
23. Немгирова С.Н. Актуальные проблемы деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // Вестник ИКИАТ. 2016. № 1 (32).
24. Пешкова П.Н. Благотворительность в Европе: прихоть богатых или способ решения социальных проблем? URL: <http://www.solveurope.ru/2014/3/Peshkova.pdf>.
25. Починок Н.Б., Малолетко А.Н., Виноградова М.В., Каурова О.В., Андрющенко Г.И., Ерохин С.Г., Кулешов Г.Н., Матраева Л.В., Незнамова А.А. Софинансирование социальных программ субъектов Российской Федерации с использованием механизмов государственно-частного партнерства. М.: КноРус, 2016. URL: <https://www.livelib.ru/author/951411/latest-kaurova-ov-pochinok-nb-maloletko-an-vinogradova-mv-andryuschenko-gi-neznamova-aa-soldatov-aa-yastrebova-ai-yuhin-ke-savina-mv-bondaletov-vv-matraeva-lv-kuleshov-gn>.
26. Русских Т.Н., Тинякова В.И. Мониторинг удовлетворенности потребителей качеством и доступностью услуг амбулаторно-поликлинических учреждений: новая система критериев // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 4 (117). С. 43–50.
27. Успенская Т.Н., Никонова О.В. Социально-экономическое положение социально уязвимых граждан мегаполиса: реальность и прогнозы // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2 (200). С. 48–62.

28. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44).
29. Шадский О.Г. Становление и развитие института частной благотворительности в США // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 1-2.
30. Яровой А.И. Возможности власти в развитии социальной ответственности российского бизнеса // Власть. 2009. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vlasti-v-razviti-i-sotsialnoy-otvetstvennosti-rossiyskogo-biznesa>.
31. Sapir A. Globalisation and the Reform of European Social Models. 2005. 9 Sept. URL: <http://www.bruegel.org>.
32. Siegel P., Alwang J. An Asset-Based Approach to Social Risk Management // Social Protection Discussion Paper. 1999. No. 9926 / The World Bank. Washington, D.C. P. 10–12.

References

1. Abdullin I.I. Voprosy effektivnosti pravovoj politiki gosudarstva v otnoshenii social'no nezashchishchennykh grupp naseleniya // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2013. № 12-2. S. 83–86.
2. Babakaev S.V., Vinogradova M.V., Kulyamina O.S. Korporativnaya social'naya otvetstvennost' biznesa: perspektivy razvitiya negosudarstvennogo pensionnogo obespecheniya v ocenках rukovoditelej rossijskikh kompanij // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 42–50.
3. Barkova A.V., Serova O.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo na rynke social'nykh uslug v svete razvitiya social'nogo predprinimatel'stva: problemy garmonizacii pravovogo regulirovaniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2016. № 3 (33).
4. Boris O.A. Aktivizaciya sozdaniya social'no-orientirovannykh innovacionnykh predpriyatij: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. Tambov: Tambovskij gosudarstvennyj universitet imeni G.R. Derzhavina, 2013. № 7. S. 14–19.
5. Brusencova L.S., Brusencov D.V. Social'naya otvetstvennost' malogo biznesa: aktual'nost', ogranicheniya, formy vzaimodejstviya so stejkkholderami // Upravlenie ekonomikoj: metody, modeli, tekhnologii: 14 Mezhdunar. nauch. konf.: sb. nauch. tr. Ufa, 2014.
6. Butaeva N.V., Maksimova M.N. Primenenie kriteriev nuzhdaemosti pri predstavlenii uslug social'noj podderzhki naseleniyu v Respublike Tatarstan: perspektivy i problemy // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 6–14.
7. Butusova A.A. Opyt realizacii social'noj otvetstvennosti biznesa v zarubezhnykh stranakh i vozmozhnosti ego primeneniya v Rossii // Materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. Yu.V. Furmana, T.B. Belozerovoj, E.P. Nepochatykh. M., 2016.
8. Vorotnikov A.M. Sredstva negosudarstvennykh pensionnykh fondov kak strategicheskij resurs sozdaniya i razvitiya infrastruktury social'nogo obsluzhivaniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 15–24.
9. Grishchenko A.V. Opyt nalogooblozheniya blagotvoritel'nykh nekommercheskikh organizacij za rubezhom i ego primeneniya v Rossii // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2014. № 2.
10. Guceriev M. Nash biznesmen – eto vcherashnij slesar' // ARK «Novyj dom». URL: <http://ekb.dk.ru/news/nash-biznesmen-eto-vcherashnij-slesar-mihail-gutseriev-o-dengah-i-spravedlivosti-237072333>.
11. Durdyeva D.A., Timofeev D.O. Social'noe predprinimatel'stvo v sovremennoj Rossii: perspektivy razvitiya // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 2 (115). S. 20–26.
12. D'yakova T.V. Volonterstvo kak chast' uchebnogo processa v amerikanskoj vysshej shkole // Lingua mobilis. 2014. № 5 (51).
13. Evremova K.V. Sociologicheskij analiz tendencii razvitiya blagotvoritel'nosti, volonterstva, social'nogo sluzheniya v sovremennom mire // Social'naya rabota v sovremennom mire: mater. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2015.
14. Zhilina I.Yu. Stranovye modeli korporativnoj social'noj otvetstvennosti / Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN. 2016. № 1. S. 32–62.
15. Kostlyavaya ruka bednosti // Argumenty nedeli. 2017. № 6 (548) ot 16 fevr. URL: <http://argumenti.ru/society/n577/522815>.
16. Kryukov V.A., Sevast'yanova A.E., Shmat V.V. O social'noj otvetstvennosti syr'evykh kompanij na Severe v kontekste menyayushchikhsya ekonomicheskikh uslovij Rossii. URL: hse.ru/data/524/606/1238/Kryukov.abstract.doc.

17. Kuznecova N.V., Maslova E.V. Modeli korporativnoj social'noj otvetstvennosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2013. № 4 (24).
18. Larionova T.P. Model' koordinacii blagotvoritel'noj deyatel'nosti v sovremennoj Germanii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. № 5.
19. Lonina T.F. Analiz praktiki vliyaniya potrebitel'ev na realizaciyu koncepcii social'noj otvetstvennosti biznesa rossijskimi i zarubezhnymi kompaniyami // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2015. № 1.
20. Maloletko A.N. Filantropiya krupnogo biznesa i lovushki «social'nogo predprinimatel'stva»: novye ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti // Innovacionnoe razvitie ekonomiki. 2016. № 3 (330).
21. Material'noe polozhenie rossiyan prodolzhaet ukhushat'sya // Kar'erist.Ru. URL: <https://careerist.ru/news/doxod-rastet-narod-bedneet-materialnoe-polozhenie-rossiyan-prodolzhaet-uxudshatsya.html>.
22. Mikhajlova L.I. Social'noe samochuvstvie i vospriyatие budushchego rossiyanami // Socis. 2010. № 3 (311).
23. Nemgirova S.N. Aktual'nye problemy deyatel'nosti social'no orientirovannykh nekommercheskikh organizacij // Vestnik IKIAT. 2016. № 1 (32).
24. Peshkova P.N. Blagotvoritel'nost' v Evrope: prihot' bogatykh ili sposob resheniya social'nykh problem? URL: <http://www.soveurope.ru/2014/3/Peshkova.pdf>.
25. Pochinok N.B., Maloletko A.N., Vinogradova M.V., Kurova O.V., Andryushchenko G.I., Erokhin S.G., Kuleshov G.N., Matraeva L.V., Neznamova A.A. Sofinansirovanie social'nykh programm sub'ektov Rossijskoj Federacii s ispol'zovaniem mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. M.: Knorus, 2016. URL: <https://www.livelib.ru/author/951411/latest-kurova-ov-pochinok-nb-maloletko-an-vinogradova-mv-andryushchenko-gi-neznamova-aa-soldatov-aa-yastrebova-ai-yuhin-ke-savina-mv-bondaletov-vv-matraeva-lv-kuleshov-gn>.
26. Russkikh T.N., Tinyakova V.I. Monitoring udovletvorennosti potrebitel'ev kachestvom i dostupnost'yu uslug ambulatorno-poliklinicheskikh uchrezhdenij: novaya sistema kriteriev // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 4 (117). S. 43–50.
27. Uspenskaya T.N., Nikonova O.V. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie social'no uyazvimykh grazhdan megapolisa: real'nost' i prognozy // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2016. № 2 (200). S. 48–62.
28. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V., Smoleva E.O. Eksklyuziya kak kriterij vydeleniya social'no uyazvimykh grupp naseleniya // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2016. № 2 (44).
29. Shadskij O.G. Stanovlenie i razvitie instituta chastnoj blagotvoritel'nosti v SShA // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2011. № 1-2.
30. Yarovoj A.I. Vozmozhnosti vlasti v razvitii social'noj otvetstvennosti rossijskogo biznesa // Vlast'. 2009. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vlasti-v-razvitii-sotsialnoy-otvetstvennosti-rossiyskogo-biznesa>.
31. Sapir A. Globalisation and the Reform of European Social Models. 2005. 9 Sept. URL: <http://www.bruegel.org>.
32. Siegel P., Alwang J. An Asset-Based Approach to Social Risk Management // Social Protection Discussion Paper. 1999. No. 9926 / The World Bank. Washington, D.C. P. 10–12.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Соколов Д.С. Роль социальной ответственности бизнеса в поддержке социально уязвимых категорий населения в различных типах экономик // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 37–44. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-37-44 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Sokolov D.S. Rol' social'noj otvetstvennosti biznesa v podderzhke social'no uyazvimykh kategorij naseleniya v razlichnykh tipakh ekonomik // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 37–44. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-37-44 (Reference in Roman script).

Sokolov, D.S. (2018) The Role of Social Responsibility of Business in Support of Socially Vulnerable Categories of the Population in Different Types of Economies, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 37–44. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-37-44 (International bibliographic description).

А.П. Теренин,

аспирант, Институт региональных экономических исследований, Москва.

A.P. Terenin,

postgraduate student, Institute of regional economic researches, Moscow.

E-mail: terenin93@yandex.ru

УДК 332.13; 331.5

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-45-53

Каркасно-кластерная политика в формировании трудового потенциала региона (на примере территорий Новой Москвы)

*Carcass-Cluster Policy in the Formation of the Labor Potential of the
Region (On the Example of the New Moscow Territories)*

Дата поступления

26.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: в статье, в частности, рассматривается реализуемая кластерная политика города Москвы. На примере положительного зарубежного опыта экономически развитых стран предложены конкретные шаги по совершенствованию кластерной, промышленной и инновационной политики с учетом пространственного и инфраструктурного развития территорий в целях инициации процесса внесения некоторых изменений в отдельные правовые акты столицы.

Annotation: the article, in particular, considers the implemented cluster policy of Moscow. On the example of the positive foreign experience of economically developed countries, the concrete steps to improve the cluster, industrial and innovation policy with regard to spatial and infrastructure development of the territories in order to initiate the process of making some changes to certain legal acts of the capital are proposed.

Ключевые слова: пространственное развитие, инфраструктура, кластерная политика, трудовой потенциал, инновационное развитие.

Key words: spatial development, infrastructure, cluster policy, labor potential innovative performance.

Введение. К основным задачам исследования относятся:

- комплексный анализ стратегических основ развития государства и города Москвы на предмет реализации кластерной политики и инфраструктурного развития;
- анализ и проецирование зарубежных практик и действующего федерального законодательства в реализации кластерной политики на региональное законодательство города Москвы;
- определение модели реализации каркасно-кластерной политики в условиях реалий российской экономики.

Среди последних исследований и публикаций по данной тематике следует выделить работу Ф.С. Губайдуллиной, в которой проведен комплексный анализ международных практик и рассмотрены существующие модели кластерной политики [7]. Большое значение в проводимом исследовании имеет анализ положительных аспектов реализации кластерной политики в США, представленный А.Р. Акоюном в своей научной работе [2]. В выборе подходящей модели реализации кластерной политики в реалиях российской экономики весомую

роль сыграла публикация О.Н. Греченюк [6], в которой указана острая необходимость российской экономики в дирижистской модели каркасно-кластерной политики и государственном регулировании деятельности кластеров.

Методика. В представленной работе среди общенаучных методов исследования следует выделить:

1. **Анализ.** В исследовании приведен и тщательно проанализирован ряд нормативных правовых актов федерального и регионального уровней в Российской Федерации на предмет их направленности в инфраструктурном и пространственном развитии территорий.

2. **Сравнение.** В работе большое значение придается опыту зарубежных стран, в частности, проводится сравнительный анализ применения механизмов реализации кластерной политики на территориях экономически развитых государств и Российской Федерации.

Среди методов теоретического уровня исследования большое внимание уделено:

1. **Историко-типологическому методу** – в работе проведены трактовка и анализ исторически сложившихся моделей кластерной политики.

2. **Методу восхождения от абстрактного к конкретному** – комплексному анализу положительных практик реализации кластерной политики в зарубежных странах и реализации данных практик в федеральном и региональном законодательстве Российской Федерации.

3. **Системному методу.** Реализована возможность систематизации существующего федерального и регионального законодательства в единственный закон, который мог бы формировать основные направления развития кластерной политики в регионе (на примере Московского региона).

Результаты. В работе на основе исторического и существующего опыта экономически развитых зарубежных стран, а также на основе федерального и регионального законодательства в области кластерной политики (в том числе утратившего силу), внесены конкретные предложения об изменениях в существующий Закон города Москвы от 07.10.2015 № 55 «О промышленной политике города Москвы» (далее – Закон № 55) [9], рассмотрена возможность применения смешанной (либерально-дирижистской) модели реализации региональной кластерной политики в Российской Федерации как способа повышения трудового потенциала региона.

Обсуждение. Как известно, на федеральном уровне принят ряд нормативных правовых актов, создающих правовые и стратегические основы пространственного развития государства и повышения инфраструктурной обеспеченности конкретных территорий и регионов. основополагающим документом стратегического развития России является Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года [19]. Концепцией определена политика перехода к новой модели пространственного развития экономики, а именно формирование новых центров социально-экономического развития, опирающихся на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий. Одним из направлений указанной Концепции служит **развитие человеческого потенциала и конкурентоспособности рабочей силы**, путем повышения качества жизни населения. Другим, не менее важным нормативным правовым документом – Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [27] – определены основы социально-экономического и пространственного развития субъектов Российской Федерации (регионов). Данным документом обозначена необходимость *привлечения частных инвестиций путем формирования приоритетных инвестиционных проектов, определения мест размещения особых экономических зон, индустриальных и технологических парков с учетом прогнозов социально-экономического развития регионов и планов по инфраструктурному и социальному обустройству территорий.*

Высокую значимость в настоящее время имеет Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года [21]. Документ является принципиально новым и его проект сформирован согласно Федеральному закону от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [25]. В проекте документа указано, что одной из важнейших задач Стратегии служит содействие повышению конкурентоспособности российской экономики на основе ее инновационной модернизации с учетом современных факторов размещения производительных сил, ее пространственной организации, путем создания кластеров, территорий опережающего развития, особых экономических зон.

Кластерная политика на региональных уровнях рассматривается весьма перспективным направлением с точки зрения пространственного развития территорий, повышения конкурентоспособности предприятий и трудового потенциала региона. Успешное функционирование и взаимодействие предприятий кластеров способствует созданию основного центра привлечения инвестиций в экономику региона.

Углубляясь в практический зарубежный опыт функционирования кластеров, стоит отметить, что свое развитие региональная кластерная политика получила во многих экономически развитых странах, таких как Дания, Швеция, Италия, Германия, Франция, США, Япония. Особое место среди кластерных образований во всем мире занимает высокотехнологичный кластер – Кремниевая долина в США, компании которой производят самые передовые технологии в области компьютеризации, связи, программного обеспечения, биотехнологий. Значимую роль в бурном развитии и самоорганизации кластеров Кремниевой долины сыграли благоприятные факторы – концентрация высокообразованного населения, наличие венчурного капитала, благоприятный климат, инфраструктура, научно-исследовательская база (передовые государственные институты, исследовательские центры и т.д.). Нелишне подчеркнуть, что американский опыт показывает наглядный пример самоорганизации кластеров за счет инициатив частного сектора экономики при наличии благоприятных на то условий [21].

В регионах России, где наблюдается высокая концентрация трудовых ресурсов, наличие передовых промышленных предприятий, малых, средних частных организаций, образовательных учреждений, высокий уровень инфраструктурной обеспеченности, целесообразно проведение кластерной политики. К таким регионам относятся Москва (в том числе присоединенные к Москве территории в 2012 году [17]), Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Тамбовская область, Республика Татарстан и другие регионы, которые являются относительно экономически развитыми. В указанных регионах сформировано региональное законодательство в сфере кластерной политики и созданы целенаправленные стратегии развития региональных кластеров. Рассмотрим имеющиеся стратегии и проекты стратегий развития города Москвы, а также возможности реализации кластерной политики во взаимосвязи с пространственным, инфраструктурным развитием региона и развитием трудового потенциала.

В столице согласно распоряжению Правительства Москвы от 26.04.2011 № 326-РП [20] в 2012 году разработан проект Стратегии социально-экономического развития на период до 2025 года [22]. В ней определены основные направления развития города:

- *развитие человеческого потенциала (или же трудового потенциала)* – обусловлено в первую очередь созданием благоприятных условий для жизни и работы граждан;
- *пространственное развитие* – основано на создании точек роста (мест притяжения транспортных, деловых, трудовых ресурсов и жилищного фонда);
- *экономическое развитие* – создание высокотехнологичных кластеров и локомотивов экономического роста.

Принятая в 2016 году Инвестиционная стратегия города Москвы на период до 2025 года также отражает указанные выше направления развития города Москвы. К территориальным приоритетам Инвестиционной стратегии относится комплексное освоение присоединенных

территорий, которое предполагает опережающее по сравнению с жилым строительством создание социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры, а также создание высокопроизводительных рабочих мест в непосредственной близости к местам проживания.

К основным задачам Инвестиционной стратегии относятся:

- сбалансированное развитие жилой, транспортной и социальной инфраструктуры, повышение качества городской среды;
- создание инфраструктуры для развития наукоемких и высокотехнологических производств – кластеров, технопарков, технополисов, особых экономических зон;
- создание высокопроизводительных рабочих мест и повышение качества жизни.

Как видно из представленных документов, создание кластерных образований с развитой инфраструктурой в пространственном освоении новых территорий является одним из приоритетов долгосрочного социально-экономического и инвестиционного развития города Москвы, способствующих повышению трудового потенциала региона. В настоящий момент на территории Москвы сформированы два кластера, в стадии формирования находится девять инновационных территориальных кластеров [1]. Промышленная и кластерная региональная политика регулируются Законом № 55 [9], который пришел на смену закону о научно-технической и инновационной деятельности в городе Москве [8], принятому в 2012 году. Проведем анализ представленного Закона и выделим наиболее слабые места в законодательстве, а также в реализации промышленной и кластерной политики Московского региона. Законом № 55 предусмотрено оказание основных мер стимулирования промышленной деятельности, таких как финансовые и имущественные меры поддержки, включающие в себя предоставление субсидий, налоговых льгот, земельных участков промышленным предприятиям, в том числе и инновационно-производственным кластерам, исходя из основных требований к предприятиям для выделения финансовой и имущественной поддержки. Нужно отметить, что данные механизмы стимулирования функционирования промышленных предприятий относятся к либеральной модели развития кластеров, которая широко используется в США, Великобритании, Германии, Австралии, она предполагает минимизацию барьеров для функционирования кластеров и созданию условий для их функционирования. Либеральная модель основана на теории развития кластеров под действием рыночных сил.

Проведение кластерной политики с использованием мер финансовой поддержки создает определенные риски в условиях российской экономики, такие как неэффективное использование бюджетных средств, направляемых предприятиям в виде субсидий, дотаций. Наглядным примером служит проводимая политика государства по созданию особых экономических зон (ОЭЗ), которая в настоящее время подвергается серьезной критике со стороны федеральных властей. Правовой статус ОЭЗ определен Федеральным законом от 22.07.2005 № 116-ФЗ [26]. Однако, по статистике, 10 лет функционирования особых экономических зон стоили бюджету порядка 185,8 млрд рублей, при этом было создано только 18 тыс. рабочих мест, т.е. расходы более 10 млн рублей на одно рабочее место [23; 24]. Поэтому принципиально важно органам исполнительной власти и специализирующим организациям создавать *методику оценки эффективности использования бюджетных средств, направленных на работу кластерных организаций*. Иными словами, наличие необходимых требований к предприятиям для выделения бюджетных средств не всегда является основанием для эффективного их расходования, значит, важно иметь механизм обратной связи. Законом № 55 анализ эффективности применения мер поддержки предприятий предусмотрен, хотя конкретные методики на региональном уровне до сих пор не приняты.

Представляется, что в Московском законодательстве упущены важнейшие элементы либеральной модели кластерной политики – создание инфраструктуры для развития кластеров, а также повышение конкуренции среди научно-исследовательских органи-

заций и высших учебных учреждений на получение средств от предприятий для разработки инновационной продукции. К слову, необходимость развития инфраструктуры кластеров, а также привлечения научно-исследовательских институтов в разработке инновационной продукции, были указаны еще в утратившем силу Законе города Москвы от 06.06.2012 № 22 «О научно-технической и инновационной деятельности в городе Москве» (далее – Закон № 22) [8], на смену которому пришел Закон № 55, а также в Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации, утвержденных Министерством экономического развития Российской Федерации в 2008 году [14]. Заметим, что осуществление либеральной кластерной политики на федеральном и региональном уровнях в России является весьма спорным. В противовес либеральной модели существует дирижистская модель реализации кластерной политики, которая основана на активном вмешательстве государства в экономические процессы и функционирование предприятий [6]. Анализируя опыт США, обратим внимание, что, несмотря на либеральный и рыночный характер экономики США, государство и местные органы власти в настоящее время играют всё большую роль в функционировании кластеров. Так, процесс передачи (трансферта) технологий от исследователей в промышленность четко зафиксирован на законодательном уровне, где размер финансирования исследований и разработок зависит от их результатов [2]. Также широко используется практика создания «институтов сотрудничества», которые включают в себя представителей местной власти, научно-исследовательских институтов, университетов и бизнеса, вовлекая их в деятельность региональных кластеров.

В свою очередь, анализируя исторический опыт США в образовании Кремниевой долины, стоит указать на немаловажный факт, что трудовые ресурсы, а именно высококвалифицированные специалисты информационно-технологического направления были сконцентрированы в Кремниевой долине благодаря размещению на данной территории предприятий военно-промышленного комплекса, заключению военных контрактов и проявлению технологических инициатив Министерства обороны США в период 1950-х и 1960-х годов [7]. Таким образом, рынками сбыта для продукции новой электронной промышленности являлись военные контракты и государственная космическая программа.

Размещение государственных заказов на инновационную продукцию является весьма перспективным направлением в создании кластерных инициатив, повышении спроса на высококвалифицированные кадры и осуществлении целенаправленных разработок научно-исследовательскими институтами (кстати, полномочия органов власти по размещению государственных заказов были указаны и в утратившем силу Законе № 22).

Проводя комплексный анализ существующего регионального законодательства в сфере создания инновационных кластеров (на примере наиболее социально и экономически развитого региона – города Москвы), перспективной видится смешанная модель реализации региональной каркасно-кластерной политики (либерально-дирижистская) [11]. Предлагается к региональному законодательству города Москвы, а именно в статье 4 Закона № 55 к полномочиям Правительства Москвы и иных органов государственной власти столицы в сфере промышленной политики добавить, в частности, к исполнению пункты:

- *содействуют развитию промышленных и инновационно-производственных разработок, в том числе путем формирования государственных заказов на научно-техническую и инновационную продукцию для обеспечения потребностей города Москвы;*
- *обеспечивают создание надлежащей инфраструктурной обеспеченности (каркаса) промышленных (инновационно-производственных) кластеров, технопарков и технополисов с целью повышения их инновационного потенциала и качества жизни населения;*
- *способствуют интеграции представителей управляющей компании, резидентов технопарка, научных и образовательных организаций, путем создания «институтов сотрудничества» в целях решения основных стратегических задач технопарка.*

Заключение. Подводя итоги, следует сказать, что инфраструктурное и пространственное развитие регионов является одной из самых важных стратегических задач роста экономики, уровня жизни населения и формировании трудового потенциала. Во многих регионах России, где созданы благоприятные условия, для ускорения социально-экономического и инфраструктурного развития региона, следует проводить целенаправленную каркасно-кластерную политику. В Российской Федерации, где, по данным Федеральной антимонопольной службы, доля вклада государственных предприятий в экономику составляет около 70% [5], участие государства в создании и поддержании работы кластеров является необходимым. Методами стимулирования развития кластерных образований должны стать создание государством и органами государственной власти подходящих инфраструктурных условий, снижение административных барьеров для функционирования кластера, совершенствование законодательной базы, формирование рабочих механизмов взаимодействия участников кластера и государства, обеспечивающих коммерциализацию, конкурентное преимущество научно-исследовательских разработок, привлечение трудовых ресурсов и рост трудового потенциала кластерных образований.

Указанные в работе предложения по совершенствованию нормативной правовой базы (на примере совершенствования законодательства города Москвы) могут стать рекомендацией федеральным и региональным органам исполнительной власти при реализации промышленной и каркасно-кластерной политики, а также служить важнейшим сигналом к необходимости ускоренного инфраструктурного развития регионов.

Список литературы

1. Агентство инноваций города Москвы. Центр кластерного развития. URL: http://innoagency.ru/ru/application/support/cluster_center (дата обращения: 16.12.2017).
2. Акопян А.Р. Роль инновационных кластеров в развитии национальной экономики США // Вестник университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-innovatsionnyh-klasterov-v-razviti-natsionalnoy-ekonomiki-ssha> (дата обращения: 18.12.2017).
3. Вишнякова В.А. Занятость и безработица как объекты социальной политики // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 6–15.
4. Воробьева О.Д. Уроки российской миграционной политики и эффекты ее реализации // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 8–17.
5. Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики // Ведомости. ру. 29.09.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliuyut-ekonomiki> (дата обращения: 13.01.2018).
6. Греченюк О.Н., Греченюк А.В. Актуализация применения модели дирижистской кластерной политики в России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 1. С. 17–20.
7. Гуйбадуллина Ф.С. Международный опыт кластерной политики в промышленно развитых странах // Современная конкуренция. 2010. Серия «Экономика и экономические науки». С. 60–64.
8. Закон города Москвы от 06.06.2012 № 22 «О научно-технической и инновационной деятельности в городе Москве» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Закон города Москвы от 07.10.2015 № 55 (ред. от 12.07.2017) «О промышленной политике города Москвы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
10. Инвестиционная стратегия города Москвы на период до 2025 года // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/upload/alerts/files/is-ytverjdennaya.pdf> (дата обращения: 16.12.2017).
11. Мантаева Э.И. Мировой опыт кластерной модели развития // Управление экономическими системами. URL: <http://uecs.ru/uecs-38-382012/item/1085> (дата обращения: 18.12.2017).
12. Матраева Л.В. Создание новых рабочих мест в проектах государственно-частного партнерства // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 2 (115). С. 37–44.
13. Мельник М.С., Митюшина Е.А. Качество рабочей силы в условиях системного кризиса: параметры и факторы // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 3 (116). С. 46–54.

14. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20615-ак/д19) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
15. Мосина Е.А. Региональное малое предпринимательство: необходимые условия и перспективы развития // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 1 (114). С. 17–23.
16. Плахотная И.В. Кластерный подход в экономике как фактор развития конкурентоспособности предприятий // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 52–59.
17. Постановление СФ ФС РФ от 27.12.2011 № 560-СФ «Об утверждении изменения границы между субъектами Российской Федерации городом федерального значения Москвой и Московской областью» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
18. Причина О.С., Орехов В.Д., Есипова Э.Ю. Закономерности трудовой деятельности коллективов в области R&D: факторы и резервы повышения производительности труда // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 6 (125). С. 25–35.
19. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
20. Распоряжение Правительства Москвы от 26.04.2011 № 326-ПП «О разработке проекта стратегии социально-экономического развития города Москвы на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
21. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года (проект) // Ассоциация «Карьеры Евразии». URL: http://карьеревразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 02.12.2017).
22. Стратегия социально-экономического развития города Москвы на период до 2025 года (проект от 09.08.2012) // Московская высшая школа социальных и экономических наук. URL: https://www.mses.ru/fgu/strategija_razvitiya_moskvy_do_2025_proekt_versija_09.08.2012.pdf (дата обращения: 09.12.2017).
23. Счетная палата РФ признала особые экономические зоны неэффективными // Газета.ру. 11.04.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/04/10/10619267.shtml> (дата обращения: 17.12.2017).
24. Счетная палата усомнилась в эффективности ОЭЗ // Коммерсантъ. 04.04.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2955805> (дата обращения: 17.12.2017).
25. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
26. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
27. Указ Президента от 16.01.2017 № 13 Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

References

1. Agentstvo innovacij goroda Moskvy. Centr klasterного razvitiya. URL: http://innoagency.ru/ru/application/support/cluster_center (data obrashcheniya: 16.12.2017).
2. Akopyan A.R. Rol' innovacionnykh klasterov v razvitii nacional'noj ekonomiki SShA // Vestnik universiteta. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-innovatsionnykh-klasterov-v-razvitii-natsionalnoy-ekonomiki-ssha> (data obrashcheniya: 18.12.2017).
3. Vishnyakova V.A. Zanyatost' i bezrabotica kak ob'ekty social'noj politiki // Social'naya politika i sociologiya. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 6–15.
4. Vorob'eva O.D. Uroki rossijskoj migracionnoj politiki i efekty ee realizacii // Social'naya politika i sociologiya. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 8–17.
5. Gosudarstvo i goskompanii kontroliruyut 70% rossijskoj ekonomiki // Vedomosti.ru. 29.09.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki> (data obrashcheniya: 13.01.2018).
6. Grechenyuk O.N., Grechenyuk A.V. Aktualizaciya primeneniya modeli dirizhistskoj klasternoj politiki v Rossii // Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii. 2016. № 1. С. 17–20.

7. Gujbadullina F.S. Mezhdunarodnyj opyt klasternoj politiki v promyshlenno razvitykh stranakh // *Sovremennaya konkurenciya*. 2010. Seriya «*Ekonomika i ekonomicheskie nauki*». S. 60–64.
8. Zakon goroda Moskvy ot 06.06.2012 № 22 «*O nauchno-tehnicheskoy i innovacionnoj deyatel'nosti v gorode Moskve*» (utratil silu) // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Zakon goroda Moskvy ot 07.10.2015 № 55 (red. ot 12.07.2017) «*O promyshlennoj politike goroda Moskvy*» // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
10. Investicionnaya strategiya goroda Moskvy na period do 2025 goda // Oficial'nyj sayt Mera Moskvy. URL: <https://www.mos.ru/upload/alerts/files/is-ytverjennaya.pdf> (data obrashcheniya: 16.12.2017).
11. Mantaeva E.I. Mirovoj opyt klasternoj modeli razvitiya // *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*. URL: <http://uecs.ru/uecs-38-382012/item/1085> (data obrashcheniya: 18.12.2017).
12. Matraeva L.V. Sozdanie novykh rabochikh mest v proektakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 15. 2016. № 2 (115). S. 37–44.
13. Mel'nik M.S., Mityushina E.A. Kachestvo rabochej sily v usloviyakh sistemnogo krizisa: parametry i faktory // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 15. 2016. № 3 (116). S. 46–54.
14. Metodicheskie rekomendacii po realizacii klasternoj politiki v sub"ektakh Rossijskoj Federacii (utv. Minekonomrazvitiya RF 26.12.2008 № 20615-ak/d19) // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
15. Mosina E.A. Regional'noe maloe predprinimatel'stvo: neobkhodimye usloviya i perspektivy razvitiya // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 15. 2016. № 1 (114). S. 17–23.
16. Plakhotnaya I.V. Klasternyj podkhod v ekonomike kak faktor razvitiya konkurentosposobnosti predpriyatij // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 15. 2016. № 5 (118). S. 52–59.
17. Postanovlenie SF FS RF ot 27.12.2011 № 560-SF «*Ob utverzhenii izmeneniya granicy mezhdu sub"ektami Rossijskoj Federacii gorodom federal'nogo znacheniya Moskovoj i Moskovskoj oblast'yu*» // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
18. Prichina O.S., Orekhov V.D., Esipova E.Yu. Zakonomernosti trudovoj deyatel'nosti kollektivov v oblasti R&D: faktory i rezervy povysheniya proizvoditel'nosti truda // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 16. 2017. № 6 (125). S. 25–35.
19. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 10.02.2017) «*O Konceptcii dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda*» // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
20. Rasporjazhenie Pravitel'stva Moskvy ot 26.04.2011 № 326-RP «*O razrabotke proekta strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Moskvy na period do 2025 goda*» // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
21. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii do 2030 goda (proekt) // *Associaciya «Kar'ery Evrazii*». URL: http://kar'eryevrazii.rf/uploadedFiles/files/Kontsepsiya_SPR.pdf (data obrashcheniya: 02.12.2017).
22. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Moskvy na period do 2025 goda (proekt ot 09.08.2012) // *Moskovskaya vysshaya shkola social'nykh i ekonomicheskikh nauk*. URL: https://www.msses.ru/fgu/strategija_razvitiya_moskvy_do_2025_proekt_versija_09.08.2012.pdf (data obrashcheniya: 09.12.2017).
23. Schetnaya palata RF priznala osoby ekonomicheskie zony neeffektivnymi // *Gazeta.ru*. 11.04.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business /2017/04/10/10619267.shtml> (data obrashcheniya: 17.12.2017).
24. Schetnaya palata usomnilas' v effektivnosti O EZ // *Kommersant*". 04.04.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2955805> (data obrashcheniya: 17.12.2017).
25. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ (red. ot 30.10.2017) «*O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii*» // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
26. Federal'nyj zakon ot 22.07.2005 № 116-FZ (red. ot 18.07.2017) «*Ob osobykh ekonomicheskikh zonakh v Rossijskoj Federacii*» // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.
27. Ukaz Prezidenta ot 16.01.2017 № 13 Rossijskoj Federacii «*Ob utverzhenii osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda*» // SPS «*Konsul'tantPlyus*». URL: <http://www.consultant.ru>.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Теренин А.П. Каркасно-кластерная политика в формировании трудового потенциала региона (на примере территорий Новой Москвы) // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 45–53. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-45-53 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Terenin A.P. Karkasno-klasternaya politika v formirovanii trudovogo potenciala regiona (na primere territorij Novoj Moskvy) // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 45–53. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-45-53 (Reference in Roman script).

Terenin, A.P. (2018) Carcass-Cluster Policy in the Formation of the Labor Potential of the Region (On the Example of the New Moscow Territories), *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 45–53. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-45-53 (International bibliographic description).

Ш.К. Ахметов,

начальник управления финансового планирования, контроля и аудита,
Российский государственный социальный университет, Москва.

Sh.K. Akhmetov,

head of financial planning, control and audit department, Russian State Social
University, Moscow.

E-mail: AkhmetovShK@rgsu.net

Е.В. Кравцова,

главный бухгалтер, Российский государственный социальный университет,
Москва.

E.V. Kravtsova,

general accountant, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: KravtsovaEV@rgsu.net

УДК 338:48

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-54-61

Туристско-рекреационные кластеры Подмосковья как инновационный инструмент динамичного развития сферы услуг

*Tourist-Recreational Clusters of the Moscow Region As an Innovative Tool
for the Dynamic Development of the Sphere of Services*

Дата поступления

17.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: в статье рассматривается один из способов диверсификации экономики – кластеризация, которую можно охарактеризовать как комплексный подход с учетом новых политических вызовов к оценке региональных условий и тенденций развития. По прогнозам, уникальный рекреационный потенциал Подмосковья позволяет превратить регион в туристический центр, который станет весомым источником доходов в казну области. Однако огромный потенциал туризма в нынешних условиях остается во многом невостребованным, поскольку необходимо решение таких задач, как создание на системной основе сквозного цикла производства и реализации продукции услуг, интеграции науки, образования, предпринимательства, промышленности и сельскохозяйственных территорий.

Annotation: the article considers one of the ways of economic diversification – clustering, which can be characterized as an integrated approach to the new political challenges to the assessment of regional conditions and development trends. According to forecasts, the unique recreational potential of the Moscow region allows you to turn the region into a tourist center, which will be a significant source of income in the Treasury of the region. However, the huge potential of tourism in the current situation remains largely unclaimed, as it is necessary to solve such problems as the creation of a system-based end-cycle of production and sales of services, the integration of science, education, business, industry and agricultural areas.

Ключевые слова: дестинация, кластер, туризм, региональное развитие, рекреационный потенциал.

Key words: destination, cluster, tourism, regional development, recreational potential.

Введение. Перспективным направлением в современной экономике и политике стало создание туристско-рекреационных кластеров как своеобразных точек роста, локализован-

ных территориально. Многие субъекты РФ при формировании стратегий развития ориентируются на формирование в своих регионах кластеров как элементов управления. А учитывая тот факт, что при планировании регионального развития особое внимание уделяют туристской отрасли как одному из способов диверсифицировать экономику, **кластеризацию** можно рассматривать, как упоминалось ранее, с учетом новых политических вызовов к оценке тенденций развития региона [9]. Даже в монопрофильных дестинациях отмечается похожая тенденция. Такие регионы благодаря комплексному развитию смежных отраслей смогут усовершенствовать экономическую систему и получить реальный шанс для динамичного развития туризма [10]. Следует заметить, что регионы России отличаются сосредоточением высокого ресурсного потенциала страны. Как ни парадоксально, этот факт способствует не только развитию сырьевых отраслей экономики, но в то же время тормозит инновационное развитие несырьевых секторов. Это заставляет задуматься о том, что избыток трудовых ресурсов целесообразно, в частности, задействовать в формировании туристских рекреационных кластеров. Кроме того, кластерная политика направлена на повышение конкурентоспособности экономики страны. Разумеется, формирование кластеров зависит от государства как института, но в условиях новой экономики оно не должно препятствовать развитию бизнесу излишней опекой [4].

Методика. Материалом для исследования послужили следующие данные: концепция развития туротрасли в Московской области; программы развития рекреационно-туристических зон, нормативно-правовые документы по развитию туризма на региональном и федеральном уровнях; программы, планы социально-экономического развития городов и районов Подмосковья; фондовые и литературные материалы. В основу методики исследования положены следующие методы: *историко-географический; сравнительно-аналитический; синергический и картографический*. Научная новизна заключается в анализе существующих проблем и разработке предложений по повышению эффективности развития рекреационных территорий в Московской области, а практическое значение исследования определено обоснованием необходимости создания рекреационно-туристических кластеров на территории Подмосковья.

Результаты. Наряду с такими инициативами, как ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», создание технопарков, венчурная компания и другие программы, **кластерный подход** становится одним из «ключевых инвестиционных инициатив» в качестве инструмента диверсификации российской экономики [11]. Сегодня, в условиях перехода на рельсы социально-ориентированного курса, основным направлением развития экономики стало становление условий повышения качества жизни, что планируется и за счет развития инфраструктуры отдыха и туризма, и за счет достижения конкурентоспособности, и за счет доступности туристских услуг. **Кластер** – инструмент стабильного роста экономики, **подкластер** – это объединение связанных организаций и предприятий, которые разрабатывают, производят, продвигают и продают туристический продукт, а также занимаются деятельностью, смежной с рекреационными услугами и туризмом [8]. К сожалению, в настоящее время кластерный подход управления в туристской индустрии на российском рынке встречается редко. Вероятно, назрело время, чтобы активно приступить к разработкам методики и практических подходов создания кластеров на конкретных дестинациях в целях активизации инновационного развития регионов и их конкурентоспособности. Кластерный подход способствует усилению экономического развития и повышению динамики инновационного преобразования [28]. В общем плане объединение объектов рекреации и культуры образуют туристско-рекреационные кластеры вместе с сопутствующими сервисами, предприятий питания, коллективных средств размещения, снабженных инфраструктурой [21]. *Создание рекреационно-туристских кластеров стимулирует развитие внутреннего и въездного туризма, а также обеспечивает влияние на развитие сопутствующих услуг в смежных отраслях региона.*

Развитие туристско-рекреационного кластера в регионе предполагает полный учет уникальных особенностей каждого из подкластеров. Чтобы не допустить превращения формирующегося туркластера только в серийный набор туруслуг, нужен учет культурной жизни региона, богатого исторического прошлого, природного колорита, особенностей религиозного туризма, национальной кухни и т.д. Самое главное, чтобы формирующийся туристско-рекреационный кластер включал в себя самобытные подкластеры, «пробуждающие» у туристов стремление вновь посетить их, используя преимущества Подмосковья, в том числе природно-климатические и культурно-исторические особенности [6]. Что касается **видов рекреации**, то **по функциям** они могут быть *медико-биологическими (лечебными, оздоровительными), социально-культурными (познавательными, воспитательными, и др.) и экономическими; по формам – организованными и самостоятельными; по продолжительности – длительными и кратковременными (выходного дня); по сезонам – летними, зимними и межсезонными*. Население Москвы и области нуждается во всех возможных видах рекреационной деятельности. В настоящее время рекреационная сеть Подмосковья занимает ведущее положение на туристском рынке страны: общая вместимость рекреационных учреждений области – 292 тыс. мест [16]. Каждому виду рекреационной деятельности соответствует тип учреждения (оздоровительные лагеря, санатории, турбазы, мотели и др.), рекреационные ресурсы, состав отдыхающих (молодежь, семьи и др.), рекреационные занятия и т.д. К этому надо добавить центральное геополитическое расположение региона [19].

Московский регион обладает значительными трудовыми ресурсами, которые могли бы после профильной переподготовки перейти в туристическую отрасль и сопутствующие ей сферы [13]. Не следует забывать о необходимости подготовки профессиональных управленцев в области туризма, своевременном осуществлении мониторинга потребностей в кадрах и обслуживающем персонале, о новых учебных программах в соответствии с региональной спецификой. В качестве мер по профилактике проблем, связанных с нехваткой кадров в регионе, следует рассматривать возможные направления развития малого и среднего бизнеса [24].

Наиболее высокий потенциал имеет культурно-историческое наследие Подмосковья. Наряду с богатыми историко-культурными объектами Подмосковье характеризуется необходимыми условиями для развития спортивного, событийного, сельского туризма и индивидуального отдыха на природе, лечебно-оздоровительного. Биоклиматические ресурсы региона достаточно комфортны для различных рекреационных занятий как в летний, так и в зимний периоды. Они не имеют противопоказаний и для санаторного отдыха. Московская область в полной мере обеспечена собственными гидротермальными ресурсами. На территории выявлены минеральные воды питьевого (преимущественно сульфатные, без специфических компонентов) и бальнеологического (хлоридно-натриевые рассолы, часто с содержанием брома) назначения, имеющие площадное распространение, что дает возможность обеспечить бальнеолечение в любом районе области. Лечебные грязи в Подмосковье, представленные лечебными торфами и лечебным сапропелем (Дорохово), имеют запасы, достаточные для организации грязелечения как в санаторной, так и во внекурортной практике. Несмотря на высокую степень урбанизации Московской области, здесь сохранились уникальные естественные природные комплексы и некоторые биологические виды организмов, образующие природное наследие региона, которое в значительной степени уже взято под охрану и образует сеть особо охраняемых территорий. Они помимо прямого природоохранного значения важны также и для научного, экологического и познавательного туризма [17].

Природные и культурные рекреационные ресурсы Подмосковья активно осваивались в течение последнего столетия, в результате чего была создана самая плотная рекреационная инфраструктура в стране [20]. Переход к рыночным отношениям существенно разрушил систему отдыха в Подмосковье. Многие туристические объекты проданы и используются для иного назначения, находятся в запустении, а те, которые еще эксплуатируются, имеют сте-

пень износа более 70% и нуждаются в срочной реконструкции и обновлении [1]. В настоящее время в области действует более 300 санаториев круглогодичного пребывания и пансионатов с лечением, санаториев-профилакториев, домов отдыха, баз отдыха и турбаз, оздоровительных лагерей для школьников. Среди подмосковных санаториев наиболее известны «Архангельское», «Дорохово», «Загорские дали», «Истра», «Поречье», «Подлипки», «Пушино», «Тишково», дома отдыха – «Вороново», «Звенигород», «Жемчужина», «Руза» и другие. Сегодня индустрия туризма Московской области включает в себя более 1600 коллективных средств размещения (включая недействующие), около 500 туристских фирм, ведущих туроператорскую и турагентскую деятельность, более 100 музеев и музеев-усадеб федерального, областного и муниципального подчинения, а также ведомственной принадлежности, более 40 народных художественных промыслов, изготавливающих самобытную сувенирную продукцию на территории Подмосковья [17].

Обсуждение. Теоретическую основу исследования составили работы таких авторов, как: Кружалина В.И., Довженко О.Н., Зорина И.В., Косоножкина В.И., Крюковой Е.М., Макеевой Д.Р., Мосалёва А.И., Здорова А.Б., Зубова В.И., Голубчикова С.Н., Хетагуровой В.Ш., – и других исследователей данной проблемы. Изучение опыта развития рекреационных территорий и проведение анализа нормативно-правовой базы по развитию внутреннего и въездного туризма на федеральном и региональном уровнях позволили выявить проблемные вопросы и пути их решения. В целях развития туризма в Подмосковье еще в 2001 году был создан Комитет по туризму, но в своей деятельности он ориентируется преимущественно на развитие элитарного и спортивного туризма для узких слоев населения. Возможная утрата рекреационного потенциала стала осознаваться не только специалистами, но и руководством районов и области. Было принято решение об инвентаризации рекреационных ресурсов и о составлении программы развития туризма. В соответствии с ней введены в строй следующие туристические объекты: гостиницы – «Тропикана Отель» (Солнечногорский район), «Империал Парк Отель & SPA» (Наро-Фоминский район), «Дворянская» (г. Серпухов), яхт-клубы – «40 Меридиан» (г. Коломна), «Новый берег» (Мытищинский район), спортивно-развлекательный парк «Дракино» (Серпуховский район). Среди туристско-рекреационных объектов области выделяется расположенный в заповедном уголке Красногорского района (возле пос. Нахабино) комплекс отдыха «Le Meridian Moscow Country Club». Как видим, программа развития туризма в Московской области была нацелена на дорогой элитарный туризм для обеспеченных слоев населения и не предусматривала развития социального общедоступного (народного) туризма. Кроме того, экономический кризис отразился и сфере туризма. Текущая политическая обстановка заставила обратить внимание на относительно недорогие виды социального туризма внутри страны – лечебно-оздоровительный, краеведческий, культурно-познавательный, самодетельный и другие, хотя, как известно, в последние десятилетия туристская отрасль России была ориентирована на коммерческие формы туризма. Конечно, нельзя отрицать, что присутствуют и социальные формы, но они развиваются в основном на региональном уровне и имеют стихийный характер. **Социальный туризм** – это туризм, получаемый поддержку от государства и ориентированный на малообеспеченные слои общества – пенсионеров, школьников, студентов, инвалидов. Законопроект «О социальном туризме» пока не «движется», нет документа, который регламентировал бы виды социального туризма [18].

Заключение. Подмосковье – регион в отношении туризма перспективный и инвестиционно привлекательный. Это обусловлено следующим: наличием 12-миллионного московского мегаполиса с высокой платежеспособностью населения; высоким уровнем привлекательности природно-климатических, географических и рекреационных ресурсов; наличием культурно-исторических памятников на территории Московской области; традиционной известностью Подмосковья как санаторно-курортного и туристского центра. Но пока, по расчетам экономистов, прибыль крайне низка – не более 10%. Это обусловлено малоэффектив-

ным взаимодействием бизнеса и государства. В то же время уникальный рекреационный потенциал Подмосковья позволяет превратить регион в туристический центр, который будет являться одним из основных источников доходов в казну области. В соответствии с поручением Председателя Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2013 года разработана Концепция развития туристско-рекреационного кластера «Русская Палестина». Помимо этого в Московской области уже сейчас реализуются такие проекты, как: строительство уникального этнокультурного комплекса «Берендеево Царство. Заповедник сказок», окончание которого запланировано на 2021 год; туристско-рекреационный кластер «Дмитровские Альпы» (годы реализации проекта 2015–2018 гг.); туристско-рекреационный мегакластер «Усадьбы Подмосковья», который запланировано создать до 2020 года. Есть, несомненно, и другие проекты.

Внедрение научно обоснованных механизмов, например в форме государственно-частного партнерства, может стимулировать использование туристическо-рекреационного потенциала Подмосковья в десятки раз [3]. Отставание Московской области в определении стратегической линии на развитие инфраструктуры туризма, в том числе правовой базы, экономического механизма взаимоотношений органов власти, хозяйственных объектов с организациями туризма, приводит к потере возможной экономической выгоды от туризма [15]. В целом следует отметить, что главная проблема Подмосковного туристического кластера – *низкие инвестиции* [26]. Между тем экономические взаимоотношения внутри кластерной сети являются плюсом не только для самого кластера, но и для участников внутри нее. Кластеры могут формироваться как на временной, так и на постоянной основе [23]. Кластерные структуры направлены на стимулирование предпринимательства в регионе, так как характерная черта кластера – значимая степень специализации активизирует открытие ориентированных на разные рыночные ниши новых фирм, и за счет преобладания горизонтальных интегрированных связей уменьшает препятствия «вхождения» новых единиц в кластерные структуры [25]. Так, входящие в кластерную структуру предприятия приобретают экономическую стабильность за счет партнерских отношений, доступа к ресурсам, обмена технологиями и знаниями, становления специфической конфигурации прав собственности на разные объекты для наиболее эффективного их использования. И как следствие – повышается устойчивость экономического развития региона: крепнет материально-техническая база, поступает больше налогов, растет инвестиционная привлекательность [22].

Безусловно, имеется немало проблем, решение которых способно обеспечить поступательное развитие туристско-рекреационного кластера Подмосковья, а в частности:

- 1) отсутствие утвержденной стратегии развития отрасли, слаборазвитая инфраструктура, высокая стоимость туристических услуг при низком качестве;
- 2) низкая степень участия среднего и малого бизнеса; низкий уровень маркетинга.

Важным условием успешного развития туризма в Подмосковье выступает *синхронизация стратегии социально-экономического развития мегаполиса (Москвы) с соседними регионами, а также с федеральными целевыми и корпоративными программами*. Для реализации поставленной цели развития кластера в первую очередь необходимо создание на системной основе сквозного цикла производства и реализации продукции услуг, интеграции науки, образования, предпринимательства, промышленности и сельско-хозяйственных территорий.

Список литературы

1. Голубчиков С.Н., Хетагурова В.Ш., Брюханова Г.А. Экономический кризис как стимул развития рекреационно-туристического комплекса Северного Подмосковья // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 9. 2015. № 2. С. 41–47.
2. Горшкова Л.В. Основные направления медицинского туризма: статистический анализ // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 16–24.

3. Долженко О.Н., Зорин И.В. О научной поддержке развития туризма в Московской области. // Туризм и рекреация: матер. Междунар. науч.-практ. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова (27–28 апреля 2006 г.): сб. тр. М., 2006. С. 24–28.
4. Дробышев Е.А. Туризм и индустрия гостеприимства: траектории развития на российском рынке // Социальная политика и социология. 2014. № 4 (105). С. 294–301.
5. Егорова Е.Н., Каурова О.В., Дробышев Е.А., Михалёва Ю.Ю. Проблемы развития экологического туризма в особо охраняемых природных территориях России // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 29–37.
6. Зубов В.И., Косоножкин В.И. Природные комплексы. Экология Подмосквья: энциклопедическое пособие. М.: Современные тетради, 2001.
7. Кабанова Е.Е. Внутренний туризм в Российской Федерации: конкурентоспособность и приоритетные направления развития // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 73–80.
8. Кружалин В.И. Научные основы формирования туристско-рекреационных кластеров на принципах государственно-частного партнерства // Устойчивое развитие туризма: стратегические инициативы и партнерство: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2009. С. 308–316.
9. Крюкова Е.М., Мосалёв А.И. Туристские кластеры как база формирования туристских услуг // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. Т. 8. 2016. № 1. С. 307–312.
10. Макеева Д.Р. Региональные особенности развития туризма в России // Туризм и гостеприимство через призму инноваций: матер. науч.-практ. конф.: сб. ст. / под науч. ред. Е.М. Крюковой. 2017. С. 158–162.
11. Макеева Д.Р., Крюкова Е.М. Саморегулирование в России: тенденции, перспективы развития // Актуальные проблемы российского законодательства. 2016. № 13. С. 118–121.
12. Мосалёв А.И., Овчинников В.В., Козлова Н.А. Экологические туристские экскурсионные маршруты в арктических регионах: особенности организации // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 65–78.
13. Мухоморова И.В., Козина М.Н. Регулирование рынка туристских услуг в России в условиях социальной ответственности туристского бизнеса // Туризм и гостеприимство через призму инноваций: матер. науч.-практ. конф.: сб. ст. / под науч. ред. Е.М. Крюковой. 2017. С. 171–174.
14. Починок Н.Б., Виноградова М.В., Бабакаев С.В., Королева В.А. Социально-экономическое обоснование подходов к исследованию потребительского поведения в сфере услуг // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 1 (114). С. 24–34.
15. Сеселкин А.И., Здоров А.Б. Разработка системы и механизмов развития туристской деятельности Московской области на основе концессионных соглашений // Туризм и рекреация. Фундаментальные исследования. М.: МГУ, 2006. 372 с.
16. Туризм в цифрах. 2013. М.: Статистика России, 2014. 511 с.
17. Хетагурова В.Ш., Нагребальный Я.С., Размолодина О.В. Экономический кризис и развитие внутреннего туризма // Энергия: экономика, техника, экология. 2015. № 11. С. 66–70.
18. Ходырев А.А. Зарубежный опыт внедрения инструментов и моделей бюджетирования, ориентированного на результат // Социальная политика и социология. Т. 14. 2015. № 6 (113). С. 68–75.
19. Ходырев А.А. Оценка государственных программ как метод управления расходными обязательствами социальной направленности // Социальная политика и социология. 2014. № 4–1 (105). С. 306–312.
20. Экология Подмосквья: энциклопедическое пособие. 5-е изд. М.: Современные тетради, 2015. 560 с.
21. Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik J., Hansson E.W. The Cluster Porches // White book, IKED, 2004. URL: <http://www.competitiveness.org/article/view/241/1>.
22. Bult-Spiering M., Dewulf G. Strategic Issues in Public-Private Partnership: An International Perspective. Blackwell Publishing Ltd., UK, 2006.
23. Calder F. Global Compact Policy Dialogue: Supply Chain Management and Partnerships // UN Headquarters. N.Y.: Summary Report of Partnerships, 2003. URL: <http://www.undp.dk/business/Partnerships/PartnershipReportFinal.pdf>.
24. Egorova E.N. Taxation as a tool of improvement of competitiveness of small enterprises in the sphere of tourism // World Applied Sciences Journal. Vol. 24. 2013. No. 11. P. 1455–1459.

25. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game // Word Link. 1992. No. 5. July/August.
26. Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions / Commission of the European Communities. Bruxelles. 2004. 30 April.
27. Kryukova E.M., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Vetrova E.A., Dusenko S.V. Social-economic problems of russian mono-towns // Asian Social Science. Vol. 11. 2015. No. 1. P. 258–267.
28. Sallet J., Paisley E. Innovation Clusters Create Competitive Communities // Huff Post Social News. 2009. September 21.

References

1. Golubchikov S.N., Khetagurova V.Sh., Bryukhanova G.A. Ekonomicheskij krizis kak stimul razvitiya rekreacionno-turisticheskogo kompleksa Severnogo Podmoskov'ya // Sovremennye problemy servisa i turizma. T. 9. 2015. № 2. S. 41–47.
2. Gorshkova L.V. Osnovnye napravleniya medicinskogo turizma: statisticheskij analiz // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 5 (124). S. 16–24.
3. Dolzhenko O.N., Zorin I.V. O nauchnoj podderzhke razvitiya turizma v Moskovskoj oblasti. // Turizm i rekreaciya: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. MGU im. M.V. Lomonosova (27–28 aprelya, 2006 g.): sb. tr. M., 2006. S. 24–28.
4. Drobyshev E.A. Turizm i industriya gostepriimstva: traektorii razvitiya na rossijskom rynke // Social'naya politika i sociologiya. 2014. № 4 (105). S. 294–301.
5. Egorova E.N., Kaurova O.V., Drobyshev E.A., Mikhalyova Yu.Yu. Problemy razvitiya ekologicheskogo turizma v osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh Rossii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 29–37.
6. Zubov V.I., Kosonozhkin V.I. Prirodnye komplekсы. Ekologiya Podmoskov'ya: enciklopedicheskoe posobie. M.: Sovremennye tetradi, 2001.
7. Kabanova E.E. Vnutrennij turizm v Rossijskoj Federacii: konkurentosposobnost' i prioritetye napravleniya razvitiya // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 73–80.
8. Kruzhalin V.I. Nauchnye osnovy formirovaniya turistsko-rekreacionnykh klasterov na principakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Ustoichivoe razvitie turizma: strategicheskie iniciativy i partnerstvo: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ulan-Ude, 2009. S. 308–316.
9. Kryukova E.M., Mosalyov A.I. Turistskie klastery kak baza formirovaniya turistskikh uslug // Industriya turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy. T. 8. 2016. № 1. S. 307–312.
10. Makeeva D.R. Regional'nye osobennosti razvitiya turizma v Rossii // Turizm i gostepriimstvo cherez prizmu innovacij: mater. nauch.-prakt. konf.: sb. st. / pod nauch. red. E.M. Kryukovoj. 2017. S. 158–162.
11. Makeeva D.R., Kryukova E.M. Samoregulirovanie v Rossii: tendencii, perspektivy razvitiya // Aktual'nye problemy rossijskogo zakonodatel'stva. 2016. № 13. S. 118–121.
12. Mosalyov A.I., Ovchinnikov V.V., Kozlova N.A. Ekologicheskie turistskie ekskursionnye marshruty v arkticheskikh regionakh: osobennosti organizacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 65–78.
13. Mukhomorova I.V., Kozina M.N. Regulirovanie rynka turistskikh uslug v Rossii v usloviyakh social'noj otvetstvennosti turistskogo biznesa // Turizm i gostepriimstvo cherez prizmu innovacij: mater. nauch.-prakt. konf.: sb. st. / pod nauch. red. E.M. Kryukovoj. 2017. S. 171–174.
14. Pochinok N.B., Vinogradova M.V., Babakaev S.V., Koroleva V.A. Social'no-ekonomicheskoe obosnovanie podkhodov k issledovaniyu potrebitel'skogo povedeniya v sfere uslug // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 1 (114). S. 24–34.
15. Seselkin A.I., Zdorov A.B. Razrabotka sistemy i mekhanizmov razvitiya turistkoj deyatel'nosti Moskovskoj oblasti na osnove koncessionnykh soglashenij // Turizm i rekreaciya. Fundamental'nye issledovaniya. M.: MGU, 2006. 372 s.
16. Turizm v cifrach. 2013. M.: Statistika Rossii, 2014. 511 s.
17. Khetagurova V.Sh., Nagrebal'nyj Ya.S., Razmolodina O.V. Ekonomicheskij krizis i razvitie vnutrennego turizma // Energiya: ekonomika, tekhnika, ekologiya. 2015. № 11. S. 66–70.
18. Khodyrev A.A. Zarubezhnyj opyt vnedreniya instrumentov i modelej byudzhetrovaniya, orientirovannogo na rezul'tat // Social'naya politika i sociologiya. T. 14. 2015. № 6 (113). S. 68–75.

19. Khodyrev A.A. Ocenka gosudarstvennykh programm kak metod upravleniya raskhodnymi obyazatel'stvami social'noj napravlenosti // *Social'naya politika i sociologiya*. 2014. № 4–1 (105). S. 306–312.
20. *Ekologiya Podmoskov'ya: enciklopedicheskoe posobie*. 5-e izd. M.: Sovremennye tetradi, 2015. 560 s.
21. Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik J., Hansson E.W. The Cluster Porches // *White book, IKED*, 2004. URL: <http://www.competitiveness.org/article/view/241/1>.
22. Bult-Spiering M., Dewulf G. *Strategic Issues in Public-Private Partnership: An International Perspective*. Blackwell Publishing Ltd., UK, 2006.
23. Calder F. *Global Compact Policy Dialogue: Supply Chain Management and Partnerships // UN Headquarters*. N.Y.: Summary Report of Partnerships, 2003. URL: <http://www.undp.dk/business/Partnerships/PartnershipReportFinal.pdf>.
24. Egorova E.N. Taxation as a tool of improvement of competitiveness of small enterprises in the sphere of tourism // *World Applied Sciences Journal*. Vol. 24. 2013. No. 11. P. 1455–1459.
25. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game // *Word Link*. 1992. No. 5. July/August.
26. *Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions / Commission of the European Communities*. Bruxelles. 2004. 30 April.
27. Kryukova E.M., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Vetrova E.A., Dusenko S.V. Social-economic problems of russian mono-towns // *Asian Social Science*. Vol. 11. 2015. No. 1. P. 258–267.
28. Sallet J., Paisley E. Innovation Clusters Create Competitive Communities // *Huff Post Social News*. 2009. September 21.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Ахметов Ш.К., Кравцова Е.В. Туристско-рекреационные кластеры Подмосковья как инновационный инструмент развития сферы услуг // *Социальная политика и социология*. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 54–61. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-54-61 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Akhmetov Sh.K., Kravcova E.V. Turistsko-rekreacionnye klasteri Podmoskov'ya kak innovacionnyj instrument razvitiya sfery uslug // *Social'naya politika i sociologiya*. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 54–61. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-54-61 (Reference in Roman script).

Akhmetov, Sh.K. & Kravtsova, E.V. (2018) Tourist-Recreational Clusters of the Moscow Region As an Innovative Tool for the Development of the Sphere of Services, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 54–61. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-54-61 (International bibliographic description).

И.В. Лескова,

д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Москва.

I. V. Leskova,

doctor of sociological sciences, associate professor, professor of the department of sociology, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: leskova.i@yandex.ru

С.Ю. Зязин,

аспирант, Российский государственный социальный университет, Москва.

S. Yu. Zyazin,

postgraduate student, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: wasatyay@mail.ru

УДК 316.7

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-62-69

Мусульманская и христианская культуры: социальные механизмы гармонизации отношений¹

Muslim and Christian Cultures: Social Mechanisms of Harmonization of the Relations

Дата поступления

01.02.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: статья посвящена теоретико-методологическим проблемам исследования отношений мусульманской и христианской культур. Диалог между исламом и христианством, мусульманской и христианской культурами имеет исторические и религиозные корни. Уникальный и многовековой опыт России в вопросах религиозных взаимодействий направлен на поддержание христианами и мусульманами своей конфессиональной идентичности. Диалог в рамках христианско-исламской культуры в России не предусматривает и даже препятствует попыткам вести отбор догматической целостности и единства религиозных знаний, однако подразумевает потребность индивидуальных, личностных взаимоотношений и совместных разрешений различных социокультурных задач, где особую значимость приобретают задачи духовно-нравственного развития общества.

Annotation: the article is devoted to the theoretical and methodological problems of the study of relations between Muslim and Christian cultures. The dialogue between Islam and Christianity, Muslim and Christian cultures, has historical and religious roots. Russia's unique and centuries-old experience in religious interactions is aimed at supporting Christians and Muslims in their religious identity. Dialogue within the Christian-Islamic culture in Russia does not provide and even prevents attempts to select dogmatic integrity and unity of religious knowledge, but implies the need for individual, personal relationships and joint

¹ Статья подготовлена в рамках НИР РГСУ 2018 «Социальные механизмы гармонизации отношений мусульманской и христианской культур».

resolutions of various socio-cultural tasks, where the tasks of spiritual and moral development of society are of particular importance.

Ключевые слова: мусульманская и христианская культуры, социальные механизмы, гармонизация отношений, Коран, Библия, религиозный ренессанс.

Key words: muslim and Christian cultures, social mechanisms, harmonization of relations, the Koran, the Bible, religious renaissance.

Актуальность. Тематика настоящей статьи является весьма актуальной. Особенностью нашего времени является глобализация, для которой характерно не только возвращение многих народов к активной роли в истории, но и пересмотр значения собственных культур, многие из которых были сформированы на фундаменте определенных религий, поэтому необходимо пересмотреть роль религии для возрождения определенных культур. Сама историческая реальность ставит задачу – выяснить значение религии для человека и для культуры в целом, а также выяснить смысл религиозной культуры. Религия всегда выполняла важные функции в обществе: *функции самоидентификации, ритуализации жизни, социальной интеграции, мировосприятия, коммуникации*, и др. Все эти функции становятся особенно актуальными сегодня, когда происходят широкомасштабные социокультурные изменения и особое распространение приобретают постмодерновые представления, которые зачастую ставят под сомнение традиционные ценности. Существует даже научная позиция, в соответствии с которой в мире, где происходят хаотичные и неконтролируемые процессы социальных изменений, люди объединяются вокруг традиционных источников идентичности, этнических и религиозных. Известный ученый-медиевист У. Эко называет подобную тенденцию «возвращением к Новому Средневековью» [21]. Кроме того, *в условиях глобального продвижения терроризма вопросы сохранения традиционной христианской и мусульманской идентичности являются крайне важными, поскольку именно идентичность, которая формировалась исторически, сохраняя культурные национальные коды, может выступать основой при моделировании политики межконфессионального согласия и является гарантом религиозной стабильности.* В то же время новое геополитическое видение и глобализационные процессы создали такие условия, что жить в отдельных цивилизациях, проведя государственные и канонические границы, уже не удастся никогда. Мир стал перекрестком всех религий, где в первую очередь происходит новая встреча христианства и ислама. Сегодня христианство исповедует около 33% населения планеты, ислам – почти 23%. К середине этого века количество мусульман и христиан может сравняться.

Взаимодействие цивилизаций является неременным условием для восприятия ценностей других культур. Взаимодействие и взаимовлияние – сложный и противоречивый процесс, который обуславливает изменения разной степени. По мнению П.А. Сорокина, «такое взаимодействие, какое бы болезненное оно ни было, является необходимым условием для любой культуры, чтобы творчески развиваться в течение всего ее существования. Творческие силы любой культуры могут быть исчерпаны, и тогда культуры и общества становятся «мертвыми и нетворческими». Культуры и общества, которые не меняют форму и не находят новые пути и средства передачи ценностей, становятся инертными и непродуктивными» [16, с. 433]. Подобные мысли высказывает В.М. Межуев, считая, что «в современных условиях трудно ограничиваться одним лишь прошлым. Многое приходится переосмысливать, создавать новое или заимствовать у других народов. Без этого культура – лишь исторический реликт, место которому в музее, а не в жизни» [11, с. 569].

Мировые религии, имея общечеловеческую направленность, в то же время содержат в себе отражение национальной жизни определенного этноса. Происходит процесс воспроизводства религией в индивиде специфических черт, заложенных в культуре, быте, нравах, традициях. Поэтому одновременно она выступает в качестве особенной формы объединения или отчуждения людей одной этнонациональной принадлежности, но разного верои-

споведания. Российская социально-гуманитарная наука имеет значительные достижения в изучении ислама и христианства, концептуальных основ мирного сосуществования, правовых традиций двух мировых религий и многих касательных тем. Но христианско-мусульманский диалог как диалог христианской и мусульманской культур еще не стал предметом систематического социологического осмысления. Однако исследование прошлого, настоящего и перспективы этого диалога является не только предметом теоретического интереса. Россия заинтересована в развитии такого диалога, о чем свидетельствуют многочисленные попытки начать соответствующие дискуссии. Сегодня зачастую как религиоведам, так и теологам не хватает сил пойти дальше общих заявлений о мирном характере двух религий, о положительном опыте сосуществования, о необходимости углубления практического сотрудничества. Выявить, *какие есть концептуальные основы христианско-мусульманского диалога, христианской и мусульманской культур, каковым является истинный потенциал открытости современной теологии двух мировых религий – это фундаментальная научная задача большого значения.*

Аналитика проблемы православно-мусульманского диалога связана в первую очередь с прояснением сущности и содержания таких понятий, как «религиозная культура», «мусульманская культура», «христианская культура» [22]. Под **религиозной культурой** мы понимаем особую сферу культуры, где содержание и целеполагание действий всеми субъектами направлено на осмысление всех сложностей человеческого сосуществования метафизического характера, сообщества и мира в целом, в основании которых заложены иррациональные догмы. Важнейшей составляющей религиозной культуры считается отправление культовых обрядов. Различают религиозную культуру *материальную* (в ее основе лежит религиозный культ) и *духовную*. Религиозная основа становится ядром национальной культуры, уникальность которой зависит от особенностей видения и толкования мира. Достижения научного прогресса не могли остаться в стороне религиозной культуры. Постепенно формируется новое отношение к окружающему миру, новый тип религиозной культуры, который в обращении к Богу использует новые познавательные возможности человека. Современное состояние религиозной культуры отражает взаимоотношения между культурой и религией, в которых имплицитно заложен опыт будущей культуры, в том числе и российского общества. Существуют **внутренние факторы развития и трансформации религиозной культуры** – *это внутренняя логика развития самой религии (модернизация, реформы внутри некоторых религиозных конфессий), и внешние – это социальные и политические процессы, развитие информационных технологий.* На фоне современных трансформаций религиозной культуры особую актуальность среди внешних факторов, которые влияют на общественное сознание (политика, идеология, наука), приобретают новые информационные технологии, обладающие функцией коммуникативного и информационного обогащения культуры через установление и воспроизведения как связи человека с Богом, так и с клиром и единоверцами. В самом общем виде **христианская культура** представляет собой особый порядок построения общества, в основании которого заложено христианское поклонение и мировоззрение. **Мусульманскую культуру** в узком смысле можно представить как культуру мусульманских народов, следующих и сохраняющих ортодоксальные исламские ценности и обычаи, в широком смысле можно трактовать как классическую и современную культуру всех народов, исповедующих ислам и живущих на территории его распространения [6].

Методика. Проблему отношений между христианской и мусульманской культурой решить невозможно без выбора методологии и методологических установок, в связи с чем вопрос о методологических и теоретических основаниях открывает перспективу ввода методов междисциплинарных наук, широко используемых сегодня в философии религии, антропологии, религиоведении, философии, истории, социологии, политологии. В этой связи перспективным представляется социокультурный и цивилизационный подходы.

В *социокультурном подходе* к изучению социально-религиозной сферы существует ряд ключевых характеристик, которые указывают на его интеграционный потенциал и одновременно могут служить аргументами в пользу целесообразности его применения в исследованиях вышеупомянутой сферы. Прежде всего социокультурный подход акцентирует внимание на существовании интегральных характеристик надорганического мира, а значит, предполагает понимание общества и культуры как единого целого. Единство социального и культурного дает основания характеризовать такой мир как социокультурную реальность, а ее явления – как социокультурные явления. Социокультурный подход также предполагает понимание культуры и социальности как взаимопроникающих фрагментов реальности и актуализируется в условиях модернизации и секуляризации, когда религия все больше выходит за круг собственно религиозных идей и предстает в виде «множества» культурных значений, ценностей и смыслов. Таким примером культурной формы, которая представляет способ бытия индивида в реалиях современного социума, может стать религиозная общность (в исламской культуре – умма). Кроме того, важно обратить внимание на то, что с позиций социокультурного подхода общество, культуру и индивида нужно рассматривать интегрировано – как сложное неразрывное единство. Сама же культура в этом случае предстает в качестве репрезентативной, что охватывает верования, представления, мировосприятия и идеологии, которые люди или воспринимают активно или признают пассивно.

Что касается *цивилизационного подхода*, то он используется не только как сравнительный метод исследования специфики развития различных цивилизаций с их особыми культурными ценностями. А также показал неоправданную агрессивность антропоцентрического восприятия к истории, который нивелирует развитие высокой культуры других незападных цивилизаций. Важность цивилизационного подхода состоит в «отказе от применения принципа европоцентризма, который заключается в узком подходе к анализу всемирной истории, является следствием недостаточности знаний об истории других народов, и в определенной демонстрации превосходства над другими, незападными цивилизациями» [6, с. 60]. Цивилизационный подход наделяет вероятностью осуществления анализа исторической хронологии развития всего человечества как многовариантный и альтернативный процесс, отрицая ход развития как единый «магистральный» вектор цивилизационного исторического развития, эмпирически представленный историей Западной Европы. Данный подход способствует выявлению как уникальных, так и универсальных культурных ценностей, а также определению специфики культурных ценностей отдельных цивилизаций. Касательно отношения к религиозной культуре, методологически важной является мысль Э. Дюркгейма о том, что, по сути, нет религий, которые были бы полностью ошибочными. Все они по-своему верны; все они, хотя и по-разному, соответствуют данным условиям человеческого существования [8, с. 174–177].

Результаты. Начиная со второй половины XX века в контексте межкультурных и межрелигиозных отношений употребляется термин «диалог». К примеру, в документах II Ватиканского собора (1962–1965 гг.), в принятой декларации «Об отношении Церкви к нехристианским религиям» особо подчеркивается факт того, что церковь «оповещает своих чад, чтобы они с благоговением и любовью, в диалоге и сотрудничестве с верующими других религий признавали, берегли и укрепляли те духовные, нравственные и социокультурные ценности, которые эти верующие имеют» [4, с. 4]. Анализируя семантику термина «диалог», В.Э. Мананова отмечает, что смысл его приближен к термину «дискурс», однако традиции употребления этих терминов различны. «Содержательными и важными отличительными маркерами между ними является факт того, что “диалог” в большей степени подчеркивает интерактивный характер использования языка, тогда как для использования термина “дискурс” важно представление о включенности коммуникации в социальный контекст» [10, с. 21]. Разработка сущностной основы диалога принадлежит направлению «диалогизма» (представителями которого считают М. Бубера, М. Бахтина, Ф. Эбнера, О. Розенштока-Хюси и др.).

Следует отметить, что современный диалог культур не сводится к религиозному диалогу. Религиозный диалог – это диалог богословский. В этом смысле мусульманско-христианский богословский диалог возник, развивался и достиг значительного прогресса в последние десятилетия преимущественно в форме полемики, что, однако, не мешает теологам находить общие ценности, искать пути перехода от этики богословской толерантности к позициям широкой мировоззренческой солидарности. **Мусульманско-христианский богословский диалог** встречается с многочисленными вызовами, поскольку процессы глобализации способствовали не только конструктивным взаимоотношениям цивилизаций и религий, но и вызвали фундаменталистскую реакцию в виде исламизма и антиисламских мотивов в современной христианской эсхатологической футурологии. В условиях нарастания угроз для будущей цивилизации особое значение приобретает выявление положительного потенциала дальнейшего развития мусульманско-христианского богословского диалога. В целом исследователи выделяют три его уровня [23].

Первый – это собственно современный диалог между учеными богословами, которые являются христианами и мусульманами. К наиболее значимым, по мнению Ж. Варденбурга, является Группа исламо-христианских исследований (Muslim Christian Research Group), которая была сформирована пятнадцатью учеными по инициативе отца Г. Каспара в 1977 году. К ней относятся представители ислама, католицизма и протестантизма, широко известные собственными богословскими и историческими исследованиями. Их инициатива поддерживается и развивается с помощью римского Понтификального института арабских и исламских исследований (Pontifical Institute for Arabic and Islamic Studies), Центра исследований ислама и христианства в университете Бирнингема, Центра мусульманско-христианского понимания (Georgetown University, Washington, D.C.) и парижского Института арабских и исламских исследований. **Второй уровень** диалога – практический, где существует более широкое сотрудничество между мусульманами и христианами в западных и мусульманских странах, направленное на обеспечение прав человека, защиту меньшинств, мирное разрешение конфликтов, на поиск путей достижения справедливости и мира. **Третий уровень** диалога касается исследований, которые меняют представление Востока о Западе, и Запада о Востоке. Открытие культурного достояния «других» не позволяет видеть в «других» варваров, а открывает путь от конфликтов к толерантности. Наибольшее значение сегодня имеет первый уровень диалога, однако в средневековье имели большое значение все три уровня диалога, поскольку именно тогда формировались стереотипные представления о «другом», полного преодоления которых еще не осуществлено и сегодня. Во времена модерна и пост-модерна значительное влияние на христианско-мусульманские богословские дискуссии имеет и третий уровень диалога, который призван деконструировать стереотипные представления, укоренившиеся в научном дискурсе.

Обсуждение. Мусульманско-христианский диалог предопределяет факт наличия между сторонами, которые в него вступают, существования неких общих принципов и общих жизненных целей [10, с. 21]. По мнению, А.М. Аль-Раухани, «диалог культур должен быть основан на двух основных принципах: признание существования «другого» как его неотъемлемого права; понимание «другого» как необходимая культурная составляющая. Что касается понимания «другого», то это подразумевает понимание одних народов другими – их ментальной культурной, научной и религиозной составляющей, изучение их экономического и социального положения – для более легкого обнаружения параллелей, на основе которых мы должны вести диалог культур» [10, с. 21].

Как видим, для диалога принципиально важна фигура «другого» (собеседника). В межрелигиозном диалоге субъектами диалога являются религии. Роль «другого» играет другая религия. При таких условиях в модели **межрелигиозного диалога** главным исходным условием (сущностью такого диалога), согласно классической модели, должно быть признание «другого» – любой религии, которая потенциально может быть партнером в диалоге, равно-

правной по отношению к своей религии. Поэтому исходным условием межрелигиозного диалога является *восприятие другой религии как равноценной собственной*. Если применить данный принцип к межрелигиозному диалогу, то в механизме диалога другая религия может быть чуждой, но в ходе процессов взаимодействия должным образом становится своей. И здесь возникает вопрос: сможет та или другая религия вести межрелигиозный диалог, определяя другую религию равной себе, признавая ее вероучения равным собственному? Призывы равноправного отношения к «другим» содержатся в священных текстах мировых религий. То есть каждая религия потенциально готова признать другую как равную себе, основой чего являются *священные тексты*.

Заключение. Одним из направлений решения названной проблемы является *конструирование христианско-исламского диалога на принципах общности смыслозначимых ценностей, а это означает исключение из повестки дня догматических или ортодоксально-вероисповедных споров, которые не являются конструктивными и, как показывает история, в них принципиально невозможно нахождение консенсуса, поскольку речь идет не об истинах разума, а об истинах веры*. При проведении равноправного православно-исламского диалога запрещенным приемом должна стать миссионерская деятельность сторон, направленная на обращение оппонента к собственной вере. Здесь нужно заметить, что, как правило, православная сторона никогда и не прибегала к миссионерской деятельности среди мусульман. Иначе обстояло дело у католиков и протестантов, и в наши дни ведущих активную миссионерскую работу, в том числе и в исламских странах. Между тем их миссии всегда «имели только один результат: вспышку мусульманского гнева, жертвой которого становились не только заезжие проповедники с горсткой прозелитов, но и местные христианские общины. Между православными и мусульманами никогда и нигде не возникало столкновений на религиозной почве именно потому, что Православие всегда соблюдало главное условие добрососедства с Исламом: невмешательство в его внутренние дела» [5]. Именно такие характеристики и качества православия и ислама как приверженность традициям, основанная на уважении собственной истории и культуры, и сохранение высоких требований к нравственному уровню верующих могут стать, по нашему мнению, тем общим основанием, на котором возможно проведение конструктивного православно-исламского диалога.

Список литературы

1. Ахмедов Р.А. Сравнительный анализ института брака в христианской и исламской культурах // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2017. № 1 (34). С. 46–52.
2. Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учебник. М.: Феникс : Транслит, 2008. 504 с.
3. Брусиловский Д.А. Диалог культур и толерантность в условиях глобализации // Известия вузов Кыргызстана. 2015. № 4. С. 129–133.
4. Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям // Христиане и мусульмане: проблемы диалога: хрестоматия. М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2000. С. 3–9.
5. Иким Владимир, архиеп. Ташкентский и Среднеазиатский. Принципы православно-исламского диалога. URL: <http://www.mission-center.com/islams/vladimir.htm> (дата обращения: 20.01.2018).
6. Исламская энциклопедия. URL: <http://islamist.ru/> (дата обращения: 20.01.2018).
7. Киселева М.С. Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 48–58.
8. Классики мирового религиоведения: в 2 т. / сост. и науч. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. Т. 2. 1998. 432 с.
9. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Современные социокультурные изменения в глобальной перспективе // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 109–116.
10. Манапова В.Э. Репрезентация этнического самосознания в межкультурном диалоге (философско-культурологический анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Махачкала, 2013. 309 с.
11. Межуев В. М. Культура в зеркале философского знания // Человек. Наука, цивилизация. М.: Проспект, 2004. 650 с.

12. Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: проблема семантики и критика основных стратегий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. № 2 (16): в 2 ч. Ч. II. С. 129–134.
13. Носкова А.В. Новые подходы в семейной политике в контексте меняющихся социальных реалий // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 117–126.
14. Положенкова Е.Ю., Добронос Д.А. Брак и семья в христианской и мусульманской традициях // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 862–865.
15. Селиванова И.В. The british press coverage of muslim-christian interaction in the UK // Россия и Запад: диалог культур. Т. 2. 2015. № 17. С. 172–179.
16. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 610 с.
17. Тухтиева Г.Т. Библия и Коран как основа духовной культуры. СПб., 2003.
18. Фоменко Е.А. Воспитание мужчин в религиозных семьях: христианская и мусульманская практики // Высшая школа. 2017. № 1. С. 68–69.
19. Халиль М.А.М. Религиозная ситуация в России: социологический анализ христианско-мусульманского взаимодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 94–108.
20. Шумакова О.Н. Современные подходы в сфере гармонизации межнациональных отношений (на примере Нижегородской области) // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 184–191.
21. Эко У. Средние века уже начались. URL: <http://anthropology.ru/text/eko-u/srednieveka-uzhe-nachalis>.
22. Leskova I.V. Globalization as a factor in the transformation of social identity // Russian Society in Sociological Dimension: collected works of USSR to the 9th ESA conference in Lisbon / Union of sociologists of Russia. 2009. P. 81–83.
23. Waardenburg J. Muslim Perceptions of Other Religions. N.Y.–Oxford: Oxford University Press, 1999. 350 p.

References

1. Akhmedov R.A. Sravnitel'nyj analiz instituta braka v khristianskoj i islamskoj kul'turakh // Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii. 2017. № 1 (34). S. 46–52.
2. Bekhruz Kh. Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnik. M.: Feniks : TransLit, 2008. 504 s.
3. Brusilovskij D.A. Dialog kul'tur i tolerantnost' v usloviyakh globalizacii // Izvestiya vuzov Kyrgyzstana. 2015. № 4. S. 129–133.
4. Deklaraciya ob otnoshenii Cerkvi k nekhristsianskim religiyam // Khristiane i musul'mane: problemy dialoga: khrestomatiya. M.: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. Apostola Andrey, 2000. S. 3–9.
5. Ikim Vladimir, arkhiep. Tashkentskij i Sredneaziatskij. Principy pravoslavno-islamskogo dialoga. URL: <http://www.mission-center.com/islams/vladimir.htm> (data obrashcheniya: 20.01.2018).
6. Islamskaya enciklopediya. URL: <http://islamist.ru/> (data obrashcheniya: 20.01.2018).
7. Kiseleva M.S. Koncept vybora v khristianskoj i postkhristianskoj kul'turakh // Voprosy filosofii. 2013. № 12. S. 48–58.
8. Klassiki mirovogo religiovedeniya: v 2 t. / sost. i nauch. red. A.N. Krasnikova. M.: Kanon+, 1998. T. 2. 1998. 432 s.
9. Kuropyatnik A.I., Kuropyatnik M.S. Sovremennye sociokul'turnye izmeneniya v global'noj perspektive // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 5 (118). S. 109–116.
10. Manapova V.E. Reprezentaciya etnicheskogo samosoznaniya v mezhkul'turnom dialoge (filosofsko-kul'turologicheskij analiz): dis. ... d-ra filos. nauk. Makhachkala, 2013. 309 s.
11. Mezhuev V. M. Kul'tura v zerkale filosofskogo znaniya // CHelovek. Nauka, civilizaciya. M.: Prospekt, 2004. 650 s.
12. Mel'nik S.V. Mezhreligioznyj dialog: problema semantiki i kritika osnovnykh strategij // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2012. № 2 (16): в 2 ч. Ч. II. С. 129–134.
13. Noskova A.V. Novye podkhody v semejnoy politike v kontekste menyayushchikhsya social'nykh realij // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 5 (118). S. 117–126.
14. Polozhenkova E.Yu., Dobronos D.A. Brak i sem'ya v khristianskoj i musul'manskoj tradiciyakh // Molodoj uchenyj. 2016. № 1 (105). S. 862–865.

15. Selivanova I.V. The british press coverage of muslim-christian interaction in the UK // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. T. 2. 2015. № 17. S. 172–179.
16. Sorokin P. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. M., 1992. 610 s.
17. Tukhtieva G.T. Bibliya i Koran kak osnova dukhovnoj kul'tury. SPb., 2003.
18. Fomenko E.A. Vospitanie muzhchin v religioznykh sem'yakh: khristianskaya i musul'manskaya praktiki // Vysshaya shkola. 2017. № 1. S. 68–69.
19. Khalil' M.A.M. Religioznaya situaciya v Rossii: sociologicheskij analiz khristiansko-musul'manskogo vzaimodejstviya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2009. № 2. S. 94–108.
20. Shumakova O.N. Sovremennye podkhody v sfere garmonizacii mezhnacional'nykh otnoshenij (na primere Nizhegorodskoj oblasti) // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 5 (124). S. 184–191.
21. Eko U. Srednie veka uzhe nachalis'. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/eko-u/srednieveka-uzhe-nachalis>.
22. Leskova I.V. Globalization as a factor in the transformation of social identity // Russian Society in Sociological Dimension: collected works of USR to the 9th ESA conference in Lisbon / Union of sociologists of Russia. 2009. P. 81–83.
23. Waardenburg J. Muslim Perceptions of Other Religions. N.Y. – Oxford: Oxford University Press, 1999. 350 p.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Лескова И.В., Зязин С.Ю. Мусульманская и христианская культуры: социальные механизмы гармонизации отношений // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 62–69. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-62-69 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Leskova I.V., Zyazin S.Yu. Musul'manskaya i khristianskaya kul'turi: social'nye mekhanizmy garmonizacii otnoshenij // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 62–69. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-62-69 (Reference in Roman script).

Leskova, I.V. & Zyazin, S.Yu. (2018) Muslim and Christian Cultures: Social Mechanisms of Harmonization of the Relations, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 62–69. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-62-69 (International bibliographic description).

К.И. Муслимова,аспирантка, Российский государственный социальный университет,
Москва.*K.I. Muslimova,*

postgraduate student, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: muslimo@mail.ru

УДК 316.7

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-70-76

Мусульманская община: социологическое понимание¹

Muslim Community: Sociological Understanding

Дата поступления

29.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: *статья посвящена анализу феномена мусульманской общины. На протяжении многих веков она опиралась на собственную традиционную культуру, построенную на идеологической платформе, в основе которой лежит Коран, Сунна, шариат. Проникая во все сферы жизни человека, мусульманские общества формально сливаются в единую социальную структуру – глобальную религиозно-культурную общину – умму. В данной статье проанализирован феномен мусульманской общины (уммы) в контексте современных реалий.*

Annotation: *the article is devoted to the analysis of the phenomenon of the Muslim community. For many centuries, it has relied on its own traditional culture, built on an ideological platform, based on the Koran, Sunnah, Sharia. Penetrating into all spheres of human life, Muslim societies formally merge into a single social structure – a global religious and cultural community-the ummu. This article analyzes the phenomenon of the Muslim community (Ummah) in the context of modern realities.*

Ключевые слова: *община, умма, ислам, религия.*

Key words: *community, ummah, Islam, religion.*

Введение. В современном мире на протяжении последних двух десятилетий наблюдается повышенный интерес к религии и религиозным знаниям. Данная тенденция способствует обмену и трансформации культурных норм, жизненных ценностей, обычаев и приводит к формированию определенного культурного тренда, дающего новое направление во всех сферах жизни [12]. Ведущими мировыми религиями (по числу приверженцев и распространению) в современном мире являются христианство и ислам. Более двух миллиардов человек исповедуют эти религии, в связи с чем исследователи обращаются к изучению, сравнению и выяснению специфики этих религий. Христианство и ислам – две авраамические религии, то есть имеющие общие исторические корни. Ислам и христианство являются последовательными монотеистическими религиями [2]. Согласно христианским представлениям, мир создан и управляется единым Богом, который в качестве пророка-спасителя направлял в мир своего сына Иисуса Христа (Иса – у мусульман), передавшего людям заветы Бога-отца, записанные в «Священном Писании». По мусульманским представлениям Мухаммад – пророк единого бога Аллаха и его главный посланник, через которого был передан людям текст Священной книги мусульман – Коран [6]. По возрасту

¹ Статья подготовлена в рамках НИР РГСУ 2018 «Социальные механизмы гармонизации отношений мусульманской и христианской культур».

ислам – третья из основных мировых религий. Он возник в VII в. в западной части Аравийского полуострова, где обитали арабские племена, исповедовавшие язычество [20]. Арабские кочевники (бедуины) целиком и полностью зависели от кочевого образа жизни и своей общины. Кочевой образ жизни оказал сильное влияние на формирование мировоззрения, общественных и государственных устоев, форм хозяйствования стран мусульманского мира. Для объединения племен потребовалась общая религиозная идеология. Со временем ислам, зарождавшийся в одной из арабских деревень, где проживало не более двух тысяч человек, получил распространение на весь Аравийский полуостров. Данный феномен является знаменательным событием в истории всего человечества. Новая религия культурно обогатила людей, цивилизованно дополнила их традиции и обычаи, трансформировала нравы и черты характера, подняла уровень социальной жизни. Можно смело утверждать, что свершилась революция, которая внесла изменения не только в исторический процесс на отдельном полуострове, но и на повествование исторической хроники всего человечества.

Методика. На Западе до последнего времени к исламу подходили исключительно с точки зрения теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, видя в нем угрозу – настоящему или будущему – западной модели организации государств [22]. Специфика исламских стран заключается в особой связи религии и организации общества. Одним из традиционных объектов исследований социологии является проблема развития и влияния мусульманской общины (уммы) на западное сообщество. Макс Вебер одним из первых «обозначил» проблему ислама перед научным сообществом и обосновал ее. И хотя приступить к осуществлению задуманной работы по исламу он не успел, однако коснулся его специфики [3], прежде всего определил систему норм и правил, которые проникают во все сферы жизни, в том числе в организацию общества.

Э. Геллнер стал одним из продолжателей этой идеи. Он изучал исламскую общину в конкретных экологических и национальных условиях. В 1969 г. ученый выпустил свою первую книгу, посвященную исламу, «Святые Атласа», которая была написана по итогам годовых полевых исследований в общине мусульман-берберов Марокко. По его мнению, ислам вполне способен стать глобальной политической системой, то есть предложить альтернативный вариант глобализации. В работе «Мусульманское общество» ученый объяснил свое предположение тем, что ислам – религия повседневной жизни, определяющая не мировоззрение, а поведение, и его сущность в восстановлении общинной идентичности в противовес национальной идентичности [23, р. 89]. Э. Геллнер в работе «Условия свободы» (1994) также уделяет большое внимание феномену ислама и исламского общества. По его словам, исламский мир является исключением из общего правила современного мира, снижения роли религии как таковой – правила секуляризации [5]. Именно такое общество получило импульс к распространению и проникает в немусульманские регионы (Европа, Африка) мира, где происходит конфликт разных типов построения общества, конфликт национальной общины и религиозной *уммы*. Термин «умма» в Коране обозначает сообщества людей, которые могут быть связаны друг с другом общей религией или священным писанием. Каждая умма происходит от имени своего Пророка или духовного лидера, выступающего у ее истоков, например уммат Мусса – иудеи, уммат Иса – христиане, уммат Мухаммад – мусульмане [1].

Священное писание мусульман – Коран, условно поделен на две части – мекканские (г. Мекка) и мединские (г. Медина) суры (главы) в соответствии с их местом ниспослания Пророку Мухаммаду [21]. В *мекканских сурах* термином *умма*, обозначаются людские сообщества, составляющие в своей совокупности мир людей. История человечества в Священном писании мусульман – смена одной религиозной общины другой, которая происходит последовательно и составляет единую общность людей, объединенной религией – общиной Ибрахима (Авраама). В сурах, ниспосланных в городе Медина – *медин-*

ских сурах, – «умма» обозначает главным образом общину созданную Мухаммадом. Как Посланник Аллаха и передатчик Его воли он являлся покровителем членов мусульманской общины (уммы).

Результаты. В современном значении термин *умма* обозначает всю совокупность мусульман независимо от их места нахождения и места жительства. В современном мире ислам по количеству последователей занимает второе место после христианства, и представляет собой одну из наиболее влиятельных мировых религий [9]. Мусульмане составляют большинство населения почти в 50 странах, а всего насчитывается более одного миллиарда мусульман. Это огромная и влиятельная общность, регулируемая своими традициями, религиозными нормами и развивающаяся по собственным правилам, оказывающая влияние на различные стороны жизни на глобальном уровне [18]. Мировая статистика говорит о том, что стремительный рост мусульманской общины происходит в Соединенных Штатах Америки, где число граждан, исповедующих ислам, к 2050 году вырастет с 3,3 миллионов до 8,1 миллиона человек, составив примерно 2,1% от общей численности населения страны. Данные приводятся Pew Research Center (PRC) [16].

В Европе миллионы мусульман становятся постоянными жителями континента и стремятся вписаться в европейский ритм жизни, сохраняя генетическую и конфессиональную привязанность к своим корням. Исламская традиция становится органичной и полноправной частью европейской культуры. Представители европейской религиозной и культурной элиты отмечают необходимость обмена духовными и материальными ценностями [14]. В России последователи ислама проживают практически во всех субъектах Федерации и принадлежат к 40 различным этносам. Регионами компактного расселения российских мусульман являются Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Западная Сибирь [7; 8]. В 1937 году мусульмане в стране составляли 5,9%, в 1989 году – 7,9%, в 1994 году – более 8% населения Российской Федерации. В 2016 году по экспертным оценкам отечественных специалистов, их количество составляло в пределах 12–20 миллионов человек и может составлять от 8 до 12% населения России, а к 2030 году численность российских мусульман может достичь 30 миллионов человек [19].

Обсуждение. На современном этапе зона распространения ислама охватывает большое количество континентов, его община (умма) существует более чем в 120 государствах. В последние годы наметилась тенденция к повышению роли религии в международных отношениях, а также в общественно-политической жизни. В первую очередь это связано с особенностями вероучения ислама, так и со спецификой развития восточных сообществ в социально-экономической и политической сферах [15]. Некоторые американские и европейские ученые в своих концепциях выделяют несколько причин усиления влияния роли ислама в политической, экономической и духовной жизни восточных народов.

Во-первых, – это **молодость ислама**. Ислам возник позже других религиозных систем и играет активную роль в современном мире, находясь в расцвете своих сил.

Во-вторых, – это **тотальность ислама**. Под тотальностью ученые подразумевают обширный охват исламом всех сфер жизнедеятельности общества. Шариат (с араб. *шариа* – правильный путь к цели) свод законов, определяет социальное, экономическое устройство и управление, межличностные, нравственные и правовые отношения [13]. Для верующих ислам – это образ жизни, который всецело определяет поведение людей и их мировоззрение.

В третьих, – **доступность ислама и его простота**. Догматы ислама менее сложные, чем в других религиях. По мнению многих исследователей, в силу этой причины ислам широко распространился в последнее время в Африке и других странах.

Еще одной из причин выделяемых исследователями, является идея **завершения пророчества**. Она заключается в том, что религия ислам является заключительной религией для человечества. Посредством Пророка Мухаммада человечеству была принесена оконча-

тельная истина, и он стал последним посланником Бога на Земле [25]. Теологи отмечают, что в сравнении с другими религиями это свидетельствует об особом положении ислама и исключительности мусульман как избранного народа. Завершающей, одной из главных причин усиления роли ислама, является **аутентичность личности мусульманина**. Западные исламоведы под аутентичностью подразумевают полное выражение мусульманской религии в личности верующего. Мусульмане, соблюдающие религиозные постулаты, во всех странах одинаковы. Как уже упоминалось, люди, имеющие одну идеологию, сформированную исламским вероучением, составляют единую общность – «умму».

Заключение. Ислам, с одной стороны, обособлен от политики, власти, а с другой стороны, подчиняет их себе. В мусульманском обществе, напротив, нет обособления ислама, он растворяется в нем, регулирует все аспекты поведения личности. Ислам глубоко проникает в повседневную жизнь человека, формирует особые религиозные общности. Община (умма) становится главным инструментом сохранения традиций и борьбы с внешним влиянием, скрепленная в единое мировоззренческое формирование на основе общих традиций, веры, истории и восприятия мира. Община (умма) выстроена по исламской доктрине с особой иерархией: духовный лидер (пророк Мухаммад) – духовные наставники (сподвижники пророка) – национальные религиозные деятели (муфтии, имамы) – правоверные мусульмане – мусульмане-отступники (не выполняющие всех предписаний ислама).

Ислам можно обозначить как проект социального порядка, где формируется набор правил, вечных, ниспосланных Богом и не связанных с волей человека. Это связано с тем, что ислам на ранних стадиях своего развития получила политическую власть. Религия и государство в исламском обществе фактически слились в единый комплекс. В силу своей мощи и идеологии ислам смог быстро подчинить себе все сферы общественной и политической жизни. В результате не религия, а само общество было вынуждено приспособливаться к неизменным религиозным догмам.

Важнейшая задача ислама в мусульманском обществе – *сплочение изначально разрозненной общины (представители разных племен), формирование общих правил и норм поведения, прививание единой системы ценностей* [4]. За счет этого мусульманские общества формально сливаются в единую социальную структуру – глобальную религиозно-культурную общину – **умму**. Тем не менее, несмотря на внешнюю стабильность мусульманской общины (уммы), она, как и любая социальная группа современности, испытывает на себе влияние процессов модернизации культуры, которые усиливаются в глобальном обществе, куда вовлечены мусульмане [24]. По мере развития мусульманских государств и коммуникационных систем, а также активизации миграционных потоков, исламские общины столкнулись с проникновением в их повседневную жизнь и ценностную систему чуждых культурных элементов или трансформации традиционных устоев. В то же время изменения мусульманской общины являются движущим фактором всех современных преобразований, которые испытывает «умма».

Список литературы

1. Ахсанов К.Г., Евдокушкина Ю.С. Объединение мусульманской общины в период правления пророка Мухаммада // Аллея науки. 2017. № 5. С. 169–174.
2. Валиев Р. Что такое мир ислама? // Вокруг света. 2005. № 11. С. 136–150.
3. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 307–343.
4. Воронин С.А. Нация или умма: исламский мир в поисках самоидентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 2. С. 48–71.
5. Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004. С. 24–30.
6. Герейханов Г.П. Мусульманская умма в фокусе социально-философского анализа. Ч. 1. Религиозная доктрина и социальное пространство ислама // Пространство и Время: Альманах. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskaya-umma-v-fokuse>

- sotsialno-filosofskogo-analiza-chast-1-religioznaya-doktrina-i-sotsialnoe-prostranstvo-islama.
7. Герейханов Г.П. Мусульманская умма в фокусе социально-философского анализа. Ч. 2. Историко-культурные аспекты формирования мусульманской уммы в России // Пространство и Время: Альманах. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskaya-umma-v-fokuse-sotsialno-filosofskogo-analiza-chast-2-istoriko-kulturnye-aspekty-formirovaniya-musulmanskoj-ummy-v-rossii>.
 8. Герейханов Г.П. Мусульманская умма в фокусе социально-философского анализа. Ч. 3. Мусульманская умма России конца XX – начала XXI в. // Пространство и Время: Альманах. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskaya-umma-v-fokuse-sotsialno-filosofskogo-analiza-chast-3-musulmanskaya-umma-rossii-kontsa-hh-nachala-hhi-vv>.
 9. Керимов Г.М. Ислам, шариат, мусульмане в странах Запада // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 266–269.
 10. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Современные социокультурные изменения в глобальной перспективе // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 109–116.
 11. Лескова И.В. Качество жизни и ценностные ориентации населения московского мегаполиса // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 96–103.
 12. Лескова И.В. Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009. 373 с.
 13. Магомедова А.М., Мустафаева М.Г. Шариат, фикх и мусульманское право // Теоретические и практические проблемы развития современной науки: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 87–92.
 14. Муслимова К.И. Культурный тренд: формирование мусульманской темы в одежде // Гигиена культуры: современные повседневные практики и риски: коллективная монография / отв. ред.: Т.Н. Юдина, Д.К. Танатова. М.: Изд-во РГСУ, 2018. С. 328–337.
 15. Нурмаметов Р.Р., Костина Н.Б. Мусульманская умма в социальной реальности современной России // Материалы XVIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 417–442.
 16. Портал «Православие.Ru». URL: <http://www.pravoslavie.ru>.
 17. Пыстогова Е.А. Качество и условия жизни населения регионов России: влияние политико-экономических факторов // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 122–130.
 18. Сафронов Р.О. Современные социологические теории религии в США и Европе // Религиоведческие исследования. 2009. № 1/2. С. 24–44.
 19. Сколько процентов мусульман в России. URL: <http://kbrbank.ru>.
 20. Уланов В.П. Ислам и исламский мир: историческая специфика и возможности развития // Вестник Казанского государственного аграрного университета. Т. 4. 2009. № 1 (11). С. 173–175.
 21. Центр исследований Корана и Сунны Республика Татарстан. URL: <http://quran-sunna.ru>.
 22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
 23. Gellner E. Muslim Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
 24. Leskova I.V. Globalization as a factor in the transformation of social identity // Russian Society in Sociological Dimension: collected works of USSR to the 9th ESA conference in Lisbon / Union of sociologists of Russia. 2009. P. 81–83.
 25. The Religion of Islam. URL: <https://www.islamreligion.com/>.

References

1. Akhsanov K.G., Evdokushkina Yu.S. Ob"edinenie musul'manskoj obshchiny v period pravleniya proroka Mukhammada // Alleya nauki. 2017. № 5. S. 169–174.
2. Valiev R. Chto takoe mir islama? // Vokrug sveta. 2005. № 11. S. 136–150.
3. Veber M. Teoriya stupenej i napravlenij religioznogo nepriyatiya mira // Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva: per. s nem. M.: Yurist, 1994. S. 307–343.
4. Voronin S.A. Naciya ili umma: islamskij mir v poiskakh samoidentichnosti // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2011. № 2. S. 48–71.

5. Gellner E. *Usloviya svobody*. M., 2004. S. 24–30.
6. Gerejkanov G.P. *Musul'manskaya umma v fokuse social'no-filosofskogo analiza*. Ch. 1. *Religioznaya doktrina i social'noe prostranstvo islama* // *Prostranstvo i Vremya: Al'manakh*. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskaya-umma-v-fokuse-sotsialno-filosofskogo-analiza-chast-1-religioznaya-doktrina-i-sotsialnoe-prostranstvo-islama>.
7. Gerejkanov G.P. *Musul'manskaya umma v fokuse social'no-filosofskogo analiza*. Ch. 2. *Istoriko-kul'turnye aspekty formirovaniya musul'manskoj ummy v Rossii* // *Prostranstvo i Vremya: Al'manakh*. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskaya-umma-v-fokuse-sotsialno-filosofskogo-analiza-chast-2-istoriko-kulturnye-aspekty-formirovaniya-musulmanskoj-ummy-v-rossii>.
8. Gerejkanov G.P. *Musul'manskaya umma v fokuse social'no-filosofskogo analiza*. Ch. 3. *Musul'manskaya umma Rossii konca XX – nachala XXI v.* // *Prostranstvo i Vremya: Al'manakh*. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskaya-umma-v-fokuse-sotsialno-filosofskogo-analiza-chast-3-musulmanskaya-umma-rossii-kontsa-hh-nachala-xxi-vv>.
9. Kerimov G.M. *Islam, shariat, musul'mane v stranakh Zapada* // *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 2010. № 2. S. 266–269.
10. Kuropyatnik A.I., Kuropyatnik M.S. *Sovremennye sociokul'turnye izmeneniya v global'noj perspektive* // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 15. 2016. № 5 (118). S. 109–116.
11. Leskova I.V. *Kachestvo zhizni i cennostnye orientacii naseleniya moskovskogo megapolisa* // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 96–103.
12. Leskova I.V. *Social'naya identichnost' v usloviyakh transformacii rossijskogo obshchestva: dis. ... d-ra sociol. nauk. M., 2009. 373 s.*
13. Magomedova A.M., Mustafaeva M.G. *Shariat, fikkh i musul'manskoe pravo* // *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya sovremennoj nauki: mater. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* 2015. S. 87–92.
14. Muslimova K.I. *Kul'turnyj trend: formirovanie musul'manskoj temy v odezhdze* // *Gigiena kul'tury: sovremennye povsednevnyye praktiki i riski: kollektivnaya monografiya / otv. red.: T.N. Yudina, D.K. Tanatova. M.: Izd-vo RGSU, 2018. S. 328–337.*
15. Nurmametov R.R., Kostina N.B. *Musul'manskaya umma v social'noj real'nosti sovremennoj Rossii* // *Materiali XVIII Mezhdunarodnoj konferencii pamyati prof. L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya» (19–20 marta 2015 g., g. Ekaterinburg)*. Ekaterinburg: UrFU, 2015. S. 417–442.
16. Portal «Pravoslavie.Ru». URL: <http://www.pravoslavie.ru>.
17. Pystogova E.A. *Kachestvo i usloviya zhizni naseleniya regionov Rossii: vliyanie politiko-ekonomicheskikh faktorov* // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 122–130.
18. Safronov R.O. *Sovremennye sociologicheskie teorii religii v SShA i Evrope* // *Religiovedcheskie issledovaniya*. 2009. № 1/2. S. 24–44.
19. *Skol'ko procentov musul'man v Rossii*. URL: <http://kbrbank.ru>.
20. Ulanov V.P. *Islam i islamskij mir: istoricheskaya specifiika i vozmozhnosti razvitiya* // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. T. 4. 2009. № 1 (11). S. 173–175.
21. *Centr issledovaniy Korana i Sunny Respublika Tatarstan*. URL: <http://quran-sunna.ru>.
22. *Khantington S. Stolknovenie civilizacij*. M.: AST, 2003. 603 s.
23. Gellner E. *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
24. Leskova I.V. *Globalization as a factor in the transformation of social identity* // *Russian Society in Sociological Dimension: collected works of USR to the 9th ESA conference in Lisbon / Union of sociologists of Russia*. 2009. P. 81–83.
25. *The Religion of Islam*. URL: <https://www.islamreligion.com/>.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Муслимова К.И. Мусульманская община: социологическое понимание // *Социальная политика и социология*. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 70–76. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-70-76 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Muslimova K.I. Musul'manskaya obshchina: sociologicheskoe ponimanie // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 70–76. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-70-76 (Reference in Roman script).

Muslimova, K.I. (2018) Muslim Community: Sociological Understanding, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 70–76. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-70-76 (International bibliographic description).

В.Г. Погосян,

д-р социол. наук, профессор кафедры социологии, Российский
государственный социальный университет, Москва.

V.G. Pogosyan,

doctor of sociological sciences, professor of the department of sociology,
Russian State Social University, Moscow.

E-mail: vardgues@mail.ru

УДК 316.4

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-77-84

Самоорганизация социальной системы: основные методологические подходы

Self-Organization of the Social System: Basic Methodological Approaches

Дата поступления

16.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: в статье предпринята попытка анализа адекватности существующих исследовательских подходов на предмет выявления их дескриптивных свойств и познавательного потенциала через призму проблемы самоорганизации социальной системы. В ходе критического анализа выявлена несостоятельность методологических подходов линейного паттерна в отношении постановки заявленной проблемы и ее разрешения. Наибольшими разрешающими возможностями в раскрытии проблемы процессов саморегуляции общества и поддержания его интегральной целостности обладает цивилизационный подход (в части гомеостатики) в соединении с дискурсом синергетики (в части перехода в точках ветвления). Рассмотрение процессов институциональной перестройки в свете полученных результатов исследования актуализирует поддержание системных параметров порядка, интегрирующих общество институциональных основ.

Annotation: the article attempts to analyze the adequacy of existing research approaches to identify their descriptive properties and cognitive potential through the prism of the problem of self-organization of the social system. The critical analysis reveals the inconsistency of the methodological approaches of the linear pattern in relation to the statement of the stated problem and its solution. The civilizational approach (in the part of homeostatic), combined with the discourse of synergetic (in the part of the transition at bifurcation points), has the most resolving capabilities for the problem of the processes of society self-regulation and maintaining its integral continuity. Consideration of the processes of institutional adjustment in the light of the results of the research actualizes the maintenance of systemic order parameters and societal integrative institutional foundations.

Ключевые слова: социальная система, самоорганизация, параметры порядка, институциональные основы, методологический подход, цивилизация, социальные нормы, флуктуация, имманентные свойства, бифуркация.

Key words: social system, self-organization, order parameters, institutional bases, methodological approach, civilization, social norms, fluctuation, immanent properties, bifurcation.

Введение. Объективное существование многообразных форм общественных образований дает возможность предположить поливариантность социально-исторического процесса и обосновывает феномен цивилизации, определяемой как сложившаяся исторически уникальную систему, обладающую имманентными свойствами саморазвития и саморегуляции. Доказанный практикой жизни и утвердившийся в науке постулат [19] является, однако, предметом активных дискуссий в российском социуме в ходе общественной полемики о пу-

тях институциональной перестройки возникшего и функционирующего на коммунитарных основаниях общества на субсидиарный лад. Непрекращающиеся попытки в сферах государственного строительства, экономике, медицине, образовании и т.д. интериоризировать либерально-рыночную парадигму в российскую действительность, выстроенную на совершенно иных аксиологических основаниях, *актуализирует необходимость очередной ревизии методологических подходов к проблеме саморегуляции общества, поддержания его функциональности и сохранения интегральной целостности в условиях социальных изменений, связанных со сменой технологического уклада и разнонаправленных глобальных тенденций.*

Методология. Основной посылкой социологического анализа является то, что причины социальных изменений кроются в характере социального устройства. В центре внимания оказываются анализ условий и механизмов социального порядка, поддерживающих его элементов, происходящих в нем изменений, типологизация разновидностей такого порядка. Отправной точкой в понимании механизмов социального порядка служит положение о том, что социальный беспорядок не отличается по сути и природе от порядка и не первичен по отношению к нему, но проистекает из того же порядка, характеризуясь иным набором и соотношением условий и элементов. Предполагается, что социальная дезорганизация может быть системообразующим фактором, устанавливающим социальный порядок, и может послужить отправным моментом в исследовании социальных изменений. Выделяют два основных направления, в соответствии с которыми осуществляются исследования социальных изменений: *линейный* и *цивилизационный паттерны развития*. Линейный подход состоит в одномерном прогрессистско-поступательном развитии человечества, в рамках которого социальные изменения происходят либо путем эволюции, либо путем революции. В первом случае социальные изменения стадийны, поступательны, общества видоизменяются от простых к сложно дифференцированным, от военно-аграрных к индустриально-урбанистическим (*О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм*). Эволюционистские традиции определенным образом сохраняет в себе функционализм (*Т. Парсонс, Б. Малиновский, А. Редклифф-Браун*). Революционные же теории выводят приоритетным фактором столкновение политических интересов различных классов, а сами социальные изменения фундаментального характера являются следствием их конфликта, результатом борьбы при этом становится появление принципиально новых социальных систем (*К. Маркс, И. Валлерстайн, С. Амин, П. Боде*).

Структурно-функциональная социология исходит из попытки объяснения функционирования социальной системы. Согласно разработанному Т. Парсонсом подходу [5] главными основаниями изменений в социальных системах могут быть: нарушающие равновесие тенденции, которые всегда наличествуют в отношениях между социальной системой и ее окружением; напряженность, существующая между нормативными и структурными элементами любой социальной системы. Система гомеостатична, равновесна или находится в состоянии относительной стабильности, стабильна или находится в относительном равновесии, если в результате взаимодействия с внешней средой ее имманентные свойства остаются неизменными [6]. *В результате без должного внимания остается отношение между конфликтами вокруг власти и внутренними противоречиями, с одной стороны, и созданием новых уровней ресурсов, благодаря которым могли происходить системные изменения, – с другой.* Сам факт игнорирования конфликта как фактора общественного развития делает такой подход несостоятельным. Поэтому либеральная идеология, основанная на весьма уязвимой с точки зрения критики теории с присущей претензией на линейность и универсализм, распространяется на практике по миру не в виде учения, а насаждается компрадорскими элитами стран путем манипуляции общественным сознанием в виде норм поведения.

Конфликтный подход (*Л. Козер, Р. Дарендорф, Р. Бендикс, Р. Коллинз*) – предполагает прежде всего, что главным источником изменений в обществе является конфликт между группами, отстаивающими свои материальные или идеальные интересы. Так, Р. Бендикс

строил свою критику структурного функционализма и системного подхода в целом на том, что теория модернизация является фактически продолжением эволюционистских теорий, отмечая чрезвычайный уровень абстракции и несостоятельность в объяснении причин происходящих исторических процессов. Критически анализируя исторический материализм, автор отвергает идею о том, что процесс модернизации поступенчато-стадиален и обязателен для всех обществ [17] и оспаривает определяющую роль экономического императива в формировании идей, и, опираясь на выделенные *М. Вебером* культурные факторы, настаивает на важности их воздействия в социально-экономическом развитии [18]. Но конфликтному подходу с его сильным антисистемным уклоном не удастся объяснить ни возникающие тенденции к системообразованию, ни механизмы интеграции и солидарности.

С упором на роль органических противоречий в трансформации культурных и социальных моделей и порядков связан центральный тезис в **символико-структуралистском подходе** *К. Леви-Стросса* [2; 3]. В соответствии с этим подходом символические трансформации, происходящие при разрешении глубинных противоречий, подобных противоположности между культурой и природой, объясняют и переход социальных порядков (например, переход от тотемического общества к кастовому). В аргументации этого подхода слабым пунктом является неспособность определить природу институциональных механизмов, через которые символистские характеристики человеческой деятельности воздействуют на институциональную жизнь.

Культуроцентристский подход, применяемый *Ш. Эйзенштадтом* [15], придает особое значение присущим системе внутренним противоречиям, уровню институционализации, взаимодействию внешних и внутренних факторов. Принимая в целом парсоновскую теорию, *Ш. Эйзенштадт* ввел элиминирующие универсализацию переходного процесса ряд переменных состояний и факторов, что обуславливает иные типы общественных изменений и объясняет многочисленные варианты социального устройства и динамики. Однако данный подход европоцентричен и рассматривает объективную вариативность лишь как деривации образца-эталона. (Обстоятельная критика вышеупомянутых методологических подходов в русле линейного паттерна в научной литературе достаточно многочисленна и детализирована [9].)

Качественно иное прочтение всемирной истории человечества и социальных преобразований предлагает **цивилизационный паттерн** (*Н. Данилевский, М. Вебер, О. Шпенглер, А. Тойнби*). В его рамках социальные изменения (трансформации) считаются нормой системы и источником ее динамики (*П. Сорокин*), но абсолютизация социальных изменений имеет следствием нарушение сложившихся общественных отношений, ввергая общество как систему в состояние дезинтеграции, и приводят к революциям и войнам, которые априорно предполагают человеческие жертвы [13]. В ситуации кризиса интегративных норм и распада основных систем жизнеобеспечения общества начинает преобладать негативная поляризация, которая проявляется в падении нравов, росте различных форм девиантного поведения, преступности. Процесс социокультурных изменений нарушает сложившуюся систему отношений и обуславливает вступление общества в период дезинтеграции, который сопровождается социальными конфликтами. Опыт либеральных реформ 90-х годов XX века на постсоветском пространстве подтвердил отмеченные *П. Сорокиным* закономерности развития общества в период трансформации. Дезинтеграция нормативных систем поставила большинство граждан перед необходимостью выживания за счет нарушения закона и пренебрежения системой моральных норм. *С начала XXI века стала стабилизироваться социально-экономическая ситуация, в ряде постсоветских стран наметился возврат государства в социальную сферу, на смену либеральным ценностям постепенно приходит система традиционных. Подобный переход объясняется действием сил, заинтересованных в стабильности и выходе из кризиса, а источником нормализации социального поведения людей, выступает традиционная система ценностей, консерватизм социального сознания*

людей. Эмпирически в целом подтверждаются выводы П. Сорокина относительно системы ценностей общества в период трансформации и выявленные им закономерности динамики составляют обоснованный закон социальной поляризации [16].

Синергетический подход (И. Пригожин, Г. Хакен, Г. Николис, И. Стенгерс) обращается к исследованию нестабильности систем, их динамики, положив начало изучению явления энтропии и функционирования диссипативных структур в открытых системах. В центре внимания оказываются наиболее существенные характеристики: устройство системы; ее состав (подсистемы, элементы); среда, в пределах которой происходят процессы самоорганизации, характеризующиеся хаотичностью и ограниченной предсказуемостью. Здесь принципиально важно различить детерминизм и предсказуемость. *Мы настаиваем на неприменимости индетерминистских положений постмодернизма, нивелирующих причинно-следственные связи, сводящих на нет познавательную и прогностическую функции науки и опровергающих постулат «мудрость есть знание принципов и причин».* Рассмотрим пример действия закона, который наряду с другими причинами объясняет **феномен поливариантности**. Так, две системы, в которых действуют одинаковые законы, в определенный момент времени будут находиться в не абсолютно тождественном, но относительно схожем состоянии, однако через сравнительно короткий промежуток времени в силу различия действующих факторов станут весьма сильно различаться по своему состоянию. Здесь наблюдается явление *абберации*, или иначе – нарушения гомоцентричности по отношению к идеальному состоянию. Пришедшая из физики теория абберации применима и в социогуманитарных науках, в частности, одно из ее положений: факторы, действующие в одной системе, под воздействием ряда обстоятельств не действуют в иной. Это теоретическое положение сводит к нулю попытки неконструктивной волюнтаристской социальной инженерии (идущей в разрез с конструктивной, основанной на эндогенном социальном творчестве) универсализировать и унифицировать общества по единому образцу.

Обсуждение. Пути развития самоорганизующихся систем характеризуются определенным числом степеней свободы, которые, в свою очередь, обусловлены параметрами порядка. Попытку разработать комплексную систему социального знания, в которой общество предстало как спонтанный порядок, без накладываемых социокультурным компонентом ограничений степеней свободы, предпринял Ф. Хайек [14]. Сложный спонтанный порядок рассматривается им на примере рыночной экономики. Идея автора относительно эволюции социальных норм и институтов заключается в том, что существующие правила и обычаи, институты собственности и даже денежная система установились сами, а не в результате сознательных усилий людей. В главе третьей «Эволюция рынка: торговля и цивилизация» в разделе «Слепота философа» [14, с. 80–84]. Ф. Хайек осуждает Аристотеля, что тот не знаком с некоторыми различиями самоорганизующихся порядков, что он является противником идеи эволюции в любом ее виде, не принимая идею о происхождении высших организмов от начальных низших. При этом очевидно, что высший организм и последняя стадия возможного развития для автора – это капиталистическое общества с рыночной экономикой. Хайек негодует по поводу того, что «осуждение взимания процентов как лихоимства, церковное учение о справедливой цене и презрительное отношение к прибыли насквозь пропитаны духом аристотелизма» [14, с. 83]. Отвергается существование социокультурных различий, сам факт того, что у индивидов, групп и целых обществ могут превалировать или быть в принципе иные смысложизненные установки и ценностные ориентации, противоречащие моральному кодексу «строителя капитализма» с единственной доминантной интенцией, – извлечением максимальной прибыли. Автор считает, что в основу социалистической мысли и оформившиеся на ее основе теории, которые появились и заняли свою нишу в социальной теории в XIX–XX вв., легли наивные представления Аристотеля о мире. Существование в течение тысячелетий могущественных социалистических империй Востока, созданных без участия афинского философа и основанных на ином, условно «не западном»

способе производства, для Ф. Хайека, видимо, прошло незамеченным. Согласно ему, всё, что минимизирует или пытается устранить разницу в доходах, подлежит определению «социальный», и термин этот у него имеет негативную окраску. Он считает, что призыв к «распределительной справедливости» несовместим с конкурентным рыночным порядком, при этом разом перечеркивая весь опыт и уникальные наработки западных обществ в создании мощных нерыночных аппаратов социального обеспечения и социальной поддержки как результата крупномасштабных социальных катаклизмов XX века.

Любой уровень бытия представляет собой удаленную от равновесия структуру, которая существует за счет рассеивания вещества, энергии и информации. Однако эти диссипативные структуры существуют устойчиво, что актуализирует вопрос о поддержании порядка. Важную роль в обеспечении поддержания порядка, самоорганизации системы, определения ее контуров играет *наличие прямой и обратной связи*. Управляющее динамической системой воздействие корректируется круговой обратной связью, сигнализирующей о достигнутом приспособительном результате. *Нарушение механизмов этого вида связи приводит к уменьшению адаптивных свойств системы, количество поступившей информации, оставленной без соответствующей реакции, без должного реагирования в виде модернизационных действий, возрастает, усиливается и степень возмущения системы, что, по нашему мнению, и приводит к катастрофическим социальным последствиям: задержкам в общественном развитии, технологическому отставанию, как следствие – к экономической несостоятельности, проигрышу в войне, революциям, гуманитарным катастрофам.*

Ключевая роль в открытых системах принадлежит, согласно **синергетическому подходу**, флуктуациям, колебаниям, отклонениям, присущим динамике системы. Сильные флуктуационные отклонения, превышающие возможную амплитуду присущих средних величин параметров, может разрушить систему. *Здесь нам видится строжайшая необходимость взвешенного подхода в социальном управлении к институциональному переустройству: разрушение выполняющих роль регуляторов социальных институтов без создания полноценного замещающего предыдущий социального регулятора, что чревато катастрофическими последствиями. Равно как и игнорирование увеличения амплитуды колебаний ряда параметров (резкий рост безработицы, снижение продовольственной самодостаточности и т.д.) тоже может привести в действие негативные сценарии.*

Другой важный момент связан с прохождением системой точек выбора, бифуркации, когда перед системой встает ряд альтернатив дальнейшего движения. В этот период усиливаются нестабильность системы, флуктуационные колебания, возрастает роль аттракторов и случайно возникающих факторов. По нашему мнению, *выбор сценария дальнейшей эволюции, выход из создавшейся ситуации осуществляется с помощью социокультурного компонента общественной системы*. В случае необходимости адекватной реакции, если задействуется адаптивное свойство системы, последняя может выйти из бифуркационного состояния видоизмененной, поглотившей и усвоившей из среды часть воздействующей информации или энергии. Согласно М. Сетрову, в случае адаптации поглощаемой информации актуализируется «принцип совместимости» [12], совместимости отдельно взятого элемента со всеми другими элементами целого, т.е. элемента и системы, в которую он входит. Положение это представляется нам весьма значимым, так как условием не деструктивного взаимодействия во время модернизационного заимствования между привносимой новацией и реформируемым объектом является наличие у них относительного совместимости, в противном случае реципируемое новшество будет отторгнуто. Более того, в продолжение мысли об аттракторах: заимствования, вызывающие сами по себе дестабилизирующие систему возмущения информационного поля, не делаются на досуге или по прихоти действующих волонтаристски реформаторов, но подобная абсорбция является мерой вынужденной, адаптивной, выводящей систему из кризисной

точки ветвления. Мы предполагаем, что *уникальный социокультурный компонент конкретного общества определяет объем абсорбции новой информации, пути ее использования или полного неприятия и отторжения* [10].

Результаты. Исторически сложившиеся общества не тождественны и различаются социокультурными основаниями со своеобразием коэволюционной самоорганизации, а параметры порядка имеют привязку к конкретному обществу, то есть не являются универсальными. В части описания долговременных устойчивых состояний, относительно динамического гомеостаза системы, дескриптивные возможности синергетического подхода, лишь схематически обозначая важность в этих относительно стабильных состояниях общественных систем действия обратных связей и упоминая параметры порядка (которые, как и социальные нормативные и ценностные регуляторы различны в каждом обществе, а набор их уникален в каждом конкретном случае), нам представляются недостаточными. Синергетика вполне адекватно исследует состояние объекта в переходные моменты, энтропию, флуктуационные колебания, но недостаточна в исследовании стабильного состояния социума периоды его относительной гомеостатичности, не прослеживает трансисторическую устойчивость социальных структур [1], что актуализирует привлечение дополнительного методологического инструментария.

Поддержание устойчивости, динамической стабильности системы, ее гомеостатическое функционирование с одновременным задействованием адаптивных свойств основывается на получении обратных сигналов и последующей корректировки к исходному состоянию исполнительными механизмами. Основным вопросом самоорганизации остается проблема выявления закономерностей, которые управляют функционированием систем. Уравновешивая крайности миросистемного анализа *И. Валлерстайна*, который свел национальные социумы к эманациям мировой системы [23], *В. Каволис* высказал идею о порождении мироцелостности совокупностью различающихся цивилизаций [20]. *Р. Бенедикс* отмечал способность сохранения в каждом обществе исторически сложившихся социальных структур, которые во многих случаях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению [18]. К этой идее примыкает подход *Н. Лумана*, рассматривающий частные социальные системы как аутопоиетичные (самовоспроизводящиеся, самореферентные) [21]. Такая постановка вопроса органически связана со специфическим объектом социального знания, изучением множества конкретных обществ, которые реально сосуществовали в историческом пространстве, и подводит к проблеме изучения социокультурных кодов, генетических оснований (цивилизационных матриц) формирования локальных обществ, типов устойчивых состояний социальных систем, возникших в результате социальной самоорганизации в различающихся условиях [4], необходимости рассмотрения устойчивых институциональных структур, с трудом поддающихся изменениям и определяющих специфику и разнообразие существующих обществ, со способностью к самовоспроизведению по своим имманентным законам.

Заключение. Применение цивилизационного подхода в качестве методологического инструмента вкупе с дескриптивными возможностями синергетики открывает исследовательские перспективы в изучении конкретных обществ, в особенности присущих им систем ценностей как основы социальной самоорганизации и стратегий взаимодействия всех элементов общественной системы, с соответствующими компаративными сопоставлениями. К тому же, будучи основой анализа происходящих в обществе социальных изменений, сможет предостеречь от радикализации институциональной перестройки с привнесением недееспособных в данной среде инокультурных институций, насильственного внедрения в массовое сознание чуждых ему стереотипов, деструкции параметров порядка, поддерживающих единство системы, неизбежными последствиями чего будут потеря обществом регулятивной функции, рост социальной напряженности, дезинтеграция социума, катастрофические сценарии развития.

Список литературы

1. Ельчанинов М.С. Транссторические структуры как фактор социетальной динамики России // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2006. С. 16–19.
2. Леви-Стросс К. Первобытное мышление М.: Республика, 1994. 384 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 399 с.
4. Малков С.Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования. М.: Либроком, 2009. 240 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический проект, 2002. 155 с.
6. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1994. 496 с.
7. Погосян В.Г. Второй модерн Европы: «рефлексивное» развитие // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 3 (122). С. 163–170.
8. Погосян В.Г. Инвариантные компоненты социальных систем как естественное ограничение институционального творчества // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 147–154.
9. Погосян В.Г. Критика западнцентристской модели социально-экономической модернизации // Экономический журнал. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 2006. № 3 (13). С. 171–184.
10. Погосян В.Г. Модернизация в дискурсе исторической социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. № 4. С. 81–96.
11. Погосян В.Г. Феномен модернизации в свете цивилизационного и формационного подходов // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 2 (115). С. 138–146.
12. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. Л.: Наука, 1972. 164 с.
13. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: Русский христианский гуманитар. ин-т (РХГИ), 2000. 1054 с.
14. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости : Catallaxy, 1992. 304 с.
15. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
16. Яковец Ю.В. Великие прозрения Питирима Сорокина и глобальные тенденции XXI века. М.: МФК, 1998. 40 с.
17. Bendix R. State and Society: A Reader in Comparative Political Sociology. Berkeley: University of California Press, 1974. 648 p.
18. Bendix R. Work and Authority in Industry: Managerial Ideologies in the Course of Industrialization. 1st California ed. Berkeley: University of California Press, 1974. 464 p.
19. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. 367 p.
20. Kavolis V. Civilization theory and collective identity in the postmodern-globalized era // Kultūros barai. 2006. Vol. 7.
21. Luhmann N. Theory of Society. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. 488 p.
22. Rueschmeyer D. Theoretical generalization and historical particularity in the comparative sociology of Reinhard Bendix // Vision and method in historical sociology / ed. by T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 135–138.
23. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press, 2004. 128 p.

References

1. El'chaninov M.S. Transistoricheskie struktury kak faktor societal'noj dinamiki Rossii // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Samara, 2006. S. 16–19.
2. Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie M.: Respublika, 1994. 384 s.
3. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. M.: Nauka, 1985. 399 s.
4. Malkov S.Yu. Social'naya samoorganizaciya i istoricheskij process: vozmozhnosti matematicheskogo modelirovaniya. M.: Librokom, 2009. 240 s.
5. Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya. 2-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2002. 155 s.
6. Parsons T. Funkcional'naya teoriya izmeneniya // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1994. 496 s.

7. Pogosyan V.G. Vtoroj modern Evropy: «refleksivnoe» razvitie // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 3 (122). S. 163–170.
8. Pogosyan V.G. Invariantnye komponenty social'nykh sistem kak estestvennoe ogranichenie institucional'nogo tvorchestva // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 147–154.
9. Pogosyan V.G. Kritika zapadnocentristskoj modeli social'no-ekonomicheskoy modernizacii // Ekonomicheskij zhurnal. M.: Ros. gos. gumanit. un-t (RGGU), 2006. № 3 (13). S. 171–184.
10. Pogosyan V.G. Modernizaciya v diskurse istoricheskoy sociologii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2009. № 4. S. 81–96.
11. Pogosyan V.G. Fenomen modernizacii v svete civilizacionnogo i formacionnogo podkhodov // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 2 (115). S. 138–146.
12. Setrov M.I. Osnovy funkcional'noj teorii organizacii. L.: Nauka, 1972. 164 s.
13. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika. SPb.: Russkij khristianskij gumanit. in-t (RKhGI), 2000. 1054 s.
14. Khajek F. Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki socializma. M.: Novosti : Catallaxy, 1992. 304 s.
15. Ejzenshtadt Sh. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. M.: Aspekt Press, 1999. 416 s.
16. Yakovec Yu.V. Velikie prozreniya Pitirima Sorokina i global'nye tendencii XXI veka. M.: MFK, 1998. 40 s.
17. Bendix R. State and Society: A Reader in Comparative Political Sociology. Berkeley: University of California Press, 1974. 648 p.
18. Bendix R. Work and Authority in Industry: Managerial Ideologies in the Course of Industrialization. 1st California ed. Berkeley: University of California Press, 1974. 464 p.
19. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. 367 p.
20. Kavolis V. Civilization theory and collective identity in the postmodern-globalized era // Kulturos barai. 2006. Vol. 7.
21. Luhmann N. Theory of Society. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. 488 p.
22. Rueschmeyer D. Theoretical generalization and historical particularity in the comparative sociology of Reinhard Bendix // Vision and method in historical sociology / ed. by T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 135–138.
23. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press, 2004. 128 p.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Погосян В.Г. Самоорганизация социальной системы: основные методологические подходы // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 77–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-77-84 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Pogosyan V.G. Samoorganizaciya social'noj sistemy: osnovnye metodologicheskie podkhody // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 77–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-77-84 (Reference in Roman script).

Pogosyan, V.G. (2018) Self-Organization of the Social System: Basic Methodological Approaches, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 77–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-77-84 (International bibliographic description).

И.В. Пресняков,

аспирант, Высшая школа современных социальных наук (факультет),
кафедра социологии управления, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва.

I.V. Presnyakov,

postgraduate student, Higher School of Modern Social Sciences (faculty),
sociology of administration department, Lomonosov Moscow State University,
Moscow.

E-mail: presnyakoviliaval@gmail.com

УДК 316.42

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-85-92

Основные подходы к проблеме будущего общества в зарубежной научной литературе второй половины XX — начала XXI в.

*The Main Approaches to the Problem of the Future Society
in a Foreign Scientific Literature of the Second Half of the XX –
Beginning of the XXI Century*

Дата поступления

26.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: в статье исследуются ключевые подходы к проблеме будущего общества в зарубежной научной литературе второй половины XX – начала XXI в. Представленные теории рассматриваются в качестве элемента механизма социального конструирования реальности. Чтобы избежать только реферативного изложения, автор осуществляет поиск в них инвариантных характеристик будущего общества, которые классифицируются по основным сферам общественной жизни.

Annotation: the article analyses key approaches to the problem of the future society in the foreign scientific literature of the Second Half of the XX – Beginning of the XXI Century. The presented theories are considered as an element of the mechanism of social construction of reality. To avoid only the abstract presentation of the content the author searches for invariant characteristics of the future society which are classified according to the main spheres of society.

Ключевые слова: социальное конструирование, будущее общество, основные подходы, зарубежная научная литература.

Key words: social construction, future society, main approaches, foreign scientific literature.

Введение. Уже давно в социальных науках сформировалась позиция, согласно которой «общество полагается достаточно созревшим для того, чтобы от воздействия на окружающий мир... перейти к воздействию на само себя» [15, с. 52]. Так актуализируется проблема социального конструирования общества. На одном из его этапов обосновываются теоретические концепции данного процесса. Здесь используются существующие социальные теории или создаются новые. Теории, разработанные в зарубежной научной литературе второй половины XX – начала XXI в., содержание которых в определенной степени посвящено будущему на тот момент состоянию общества, могут быть рассмотрены в качестве примера таких теоретических оснований.

Ученые пытаются осмыслить последствия изменений, связанных с этапом научно-технической революции с конца 60-х годов XX века в развитых индустриальных обществах. Работы авторов можно содержательно поделить на следующие группы теорий: постиндустриального общества, информационного общества, сетевого общества, общества риска, общества постмодерна и общества знания. Данные названия в целом применяются как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе.

Методика и результаты. Изучение содержания обозначенных теорий осуществилось посредством анализа научной литературы, историко-генетического метода и метода сравнения. Выявление инвариантных характеристик будущего общества в различных теориях происходило с помощью методов индукции, синтеза и анализа.

Теории постиндустриального общества. Впервые идея о постиндустриальном обществе появилась в работе французского социолога **Алена Турена** «Постиндустриальное общество» [24]. Однако наибольшую известность она получила благодаря труду американского социолога **Дэниэла Белла** «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» [2]. Ученый делает акцент на экономическом факторе: новое производство возникает с развитием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и превращением научного знания в основной источник инноваций. Соответственно господствующим классом должны стать специалисты, обладающие экспертным знанием. Среди других особенностей грядущего общества Белл отмечает смещение акцента на производство услуг, демассификацию производства и рост беловоротничковой занятости. По-своему и решается проблема социального неравенства. Автор считает, что распространение научного знания как общественной собственности создает общество, которое «хотя и не устраняет социальное неравенство..., но подчиняет его принципу меритократии» [2, с. 162]. То есть основой восходящей мобильности должно стать не материальное богатство, а обладание научным знанием. Теория американского социолога подверглась критике за экономический детерминизм и идеализацию технологических инноваций. Подобные замечания предлагает, например, **Стивен Майлс** в работе «Социальная теория в реальном мире» [22]. Тем не менее теорию постиндустриального общества можно считать подходом, который впервые концептуализировал изменения в обществе во второй половине XX века, однако акцент в ней сделан преимущественно на экономических трансформациях.

Теории информационного общества. Наиболее яркий сюжет теории информационного общества представлен в работах американского социолога **Элвина Тоффлера**. Отличием и, с нашей точки зрения, главным преимуществом Тоффлера перед Беллом является то, что он исследует общество, не ограничиваясь технологической сферой и выделяя также «инфосферу» и «социосферу». В **инфосфере** будущее общество характеризуется развитием средств дальней связи и дроблением информационных каналов по запросам аудитории. СМИ. Острой становится проблема манипулирования знанием и информацией. Контроль за ними будет фактором национальной безопасности, важной социальной группой становятся «воины знания» – интеллектуалы в мундирах и в штатском, преданные той мысли, что знание может побеждать в войне» [16, с. 158]. *Передовые армии – те, которые оснащены современными информационными технологиями.* В **социосфере** автор также отмечает процессы диверсификации. Так, на смену нуклеарной семье придут разнообразные формы совместной жизни: неполные, бездетные или гомосексуальные семьи, семьи как результат повторного брака и т.д. В *политической сфере*, считает Тоффлер, национальные государства постепенно будут терять главенствующую роль, прежде всего из-за деятельности транснациональных корпораций. Их способности «мгновенно перекачивать через государственные границы миллиардные суммы, привлечение новейших технологий и оперативность часто позволяют им обгонять государство [17, с. 53]. Кроме этого, использование ИКТ будет способствовать развитию прямой демократии и учету мнений социальных меньшинств.

Практически одновременно с Тоффлером свою версию информационного общества предлагает японский ученый **Ионеджи Масуда** [21]. Его развитие мыслитель связывает с изобретением компьютера и последующим переходом от производства материальных к производству информационных ценностей: «производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества» [21, р. 89]. Будущее общество для автора будет информационным. Социально-экономическая система характеризуется, *во-первых*, повышением интеллектуальных способностей человека за счет использования компьютеров, *во-вторых*, падением доли рынка в экономике (здесь наблюдается переключка идей Масуды и Тоффлера) и расширением государственного сектора. Государство в будущем должно взять на себя ответственность за тяжелую промышленность из-за дефицита ресурсов и за рост социального потребления, объясняемый повышением качества предоставляемых населению социальных услуг как следствие использования ИКТ. И, *в-третьих*, будущее общество – это общество партиципационной демократии. С использованием компьютера у людей появится больше возможностей непосредственно принимать политические решения, формировать «культуру участия».

Некоторые идеи Тоффлера и Масуды остаются дискуссионными. Так, в ряде государств степень компьютеризации общества остается на низком уровне, неочевидной является идея о снижении роли рынка в экономике, наконец, непрозрачным остается тезис о росте интеллектуальных способностей человека. Не совсем ясно, какой инструмент необходимо использовать для его измерения и как установить, что он связан именно с использованием компьютерных технологий.

Однако в целом, теории информационного общества можно считать логичным продолжением и дополнением к теориям постиндустриального общества.

Теория сетевого общества. Теория сетевого общества, представленная в работах испанского социолога **Мануэла Кастеллса**, проливает свет на будущее капитализма. Благодаря научному знанию и ИКТ появляются сети – «открытые структуры, которые могут беспредельно расширяться, включая в себя новые узлы» [20, р. 191]. Сетевое ядро нового капитализма составляют глобальные финансовые потоки, в которых получение прибыли связано с электронными транзакциями и спекуляциями. Выигрывают высокотехнологичные фирмы, обладающие нужной информацией и организованные по сетевому принципу. Так союз финансового капитала и высоких технологий оказывается взаимовыгодным. Трудовые отношения фрагментируются и индивидуализируются. Это проявляется в таких явлениях, как аутсорсинг, субконтракты, коворкинг и др., т.е. автор говорит о размывании содержания понятия «социальный класс» как производителя. При этом конфликтность общества не исчезает, сохраняясь в сфере отношений между финансовыми игроками и простыми людьми, для них жизнь оборачивается «метасоциальным беспорядком, в котором все определяется логикой рынков и финансовых структур» [20, р. 193]. Важной с точки зрения социального конструирования представляется идея Кастеллса о независимости общества от природы. Использование электронных средств творчества, формирование «экранной культуры», умножение информации – это, по мнению автора, говорит о самодостаточности общества.

Теория сетевого общества, на наш взгляд, продолжает теорию информационного общества, особенно в позиции о сращивании финансовых и информационных потоков, росте обезличенности труда. Значимой является идея о новой конфликтности, когда социальный порядок кажется человеку неупорядоченным и неподконтрольным. Трудности, с которыми придется столкнуться человечеству в будущем, стали предметом теории общества риска.

Теории общества риска. Наиболее полно, на наш взгляд, социологическая теория рисков представлена в работах **Ульриха Бека** и **Энтони Гидденса**. У. Бек отмечает, что сама попытка заглянуть в будущее – уже риск, ведь «когда мы говорим о рисках, мы спорим о чем-то, чего нет, но что могло бы произойти» [4, с. 213]. Экспертные группы собирают необходимую для предотвращения риска информацию. Но часто их решения оказываются неверными, а риск – нака-

пливается. Поэтому задача будущего общества – заботиться не о том, чтобы жить лучше, а о том, чтобы избежать всего плохого, ведь «мир видимого изобилия оттесняется на задний план подавляющим превосходством риска» [3, с. 54]. Чтобы управлять риском, нужно рассчитывать вероятность его наступления и минимизации. Здесь исчезает грань между специалистами, обладающими «научной рациональностью» и простыми людьми с присущей им «социальной» или «практической рациональностью». Все беззащитны перед бедностью, стрессами, разрушением семей, экологической и духовной деградацией. Поэтому в обществе будущего должен осуществиться синтез двух типов рациональности, так как «научный рационализм без социального пуст, социальный без научного – слеп» [3, с. 35].

Работы Э. Гидденса посвящены субъективному переживанию риска. Люди сталкивались с риском всегда, но только сегодня складывается так называемый «климат риска» [7]. Жизнь, перегруженная информацией, превращается в постоянную калькуляцию возможных опасностей. Встреча с ними – неизбежна, потому что, например, «рискованные инициативы в сфере финансов и предпринимательства – это движущая сила глобализующейся экономики» [8, с. 19]. Дезориентация растет, когда прежние социальные регуляторы (традиция, вера, авторитеты) утрачивают свою роль. Подобно Беку, Гидденс выступает за новое мышление, которое называет «жизненной политикой». Кроме рефлексивности индивиду нужно формировать свое «поле обыденности» – накапливать положительный социальный опыт и переносить его на вновь возникающие ситуации риска.

Таким образом, теории общества риска представляют будущую социальную реальность как непредсказуемую и даже опасную. Они смещают акцент от анализа технологий и структур к переживаниям людей. Новые условия требуют новой рациональности. В этом проявляется связь теорий общества риска с социологией знания и социальным конструированием реальности.

Теории общества постмодерна. В теориях общества постмодерна отмечается, что будущее общество – качественно новое и резко отличается от предыдущих эпох. Однако не все теоретики данного подхода утверждают радикальность изменений. Американский мыслитель **Фредерик Джеймсон** считает, что постмодерн – это культурная ситуация глобального капитализма, ориентированного на потребление. Здесь прослеживается связь с идеями **М. Кастеллса**. Капитализм коммерциализирует культуру, что приводит к «исчезновению чувства истории», к тому, что «система стала лишаться способности удерживать свое прошлое, начав жить в повторяющемся настоящем» [9, с. 63–77]. Культурные тренды появляются так часто, что не успевают задержаться в сознании людей. В итоге культура не легитимизирует экономику, а сама превращается в вид экономической деятельности.

Интересными являются идеи французского мыслителя **Жана Бодрийяра**. В обществе потребления продукты одновременно являются знаками, символизирующими принадлежность человека к группе. Индивиды стремятся потреблять те знаки, которые символизируют богатство, власть и успех. Это приводит к «концу социального», когда люди перестают отличаться по своему статусу или происхождению. Они превращаются в «массу», которая искажает прежние нормы и принципы социальной жизни. Например, массы «растворили религию в переживании чудес и представлений», а «связанные с ней напряженное ожидание, отсроченность, терпение, аскезу – то высокое, с чего начинается религия, они не признают» [5, с. 8]. В экономике потребительская стоимость заменяется символической. Желаниями людей манипулируют СМИ, а популярность предмета не зависит от его характеристик. Так знаки превращаются в «симулякры». Когда обмен между символами и реальностью трансформируется в обмен между символами, формируется «гиперреальность», в которой речь идет не об имитации, удвоении реального воображаемым, а о «субституции, подмене реального знаками реального» [6, с. 7].

Французский теоретик **Жан-Франсуа Лиотар** исследует изменение статуса научного знания и принципов функционирования науки. Производство знания в обществе постмодерна зависит

от его «переводимости» на «язык машин», от способности быть сохраненным на электронных носителях. По этой причине «все непереводимое в установленном знании будет отброшено» [11, с. 17]. В будущем, считает Лиотар, знание будет распространяться не в силу своей «образовательной ценности», а аналогично потокам денежного обращения. Более того, научное знание переживает кризис «легитимации». Наука оказывается неспособной найти основу как в себе самой («спекулятивный» или «философский» метанарратив), так и через свою «освободительную функцию» («политический» или «освободительный» метанарратив). Однако, утверждает Лиотар, научное знание становится ключевой производительной силой. А потому новым источником его легитимации станет экономическая эффективность. Меняется и образование: снижается ценность фундаментальности и резко возрастает значимость формирования у студентов чисто прикладных, «операциональных» компетенций.

Еще один представитель теории постмодерна, **Зигмунт Бауман**, называет будущее общество «индивидуализированным», указывая на три его основные характеристики. Во-первых, люди теряют контроль над социальными процессами и веру в саму возможность повлиять на изменение общества. Во-вторых, снижается возможность человека контролировать собственную жизнь. В обществе это связывается с ростом социального неравенства, безработицы и бедности. В-третьих, люди отказываются от постановки целей на долгосрочную перспективу. Особое место у Баумана отводится изучению носителей научного знания – интеллектуалов. В обществе, которое характеризуется плюрализмом форм знания и стилей мышления, они больше не выступают как союзники государства, которые помогают ему в упорядочивании и рационализации жизни. Им отводится роль «интерпретаторов», которые лишь облегчают коммуникацию между культурными группами. Различные интерпретации социальной реальности конкурируют между собой, а их консенсус может быть достигнут только в единичном случае. В результате в будущем складывается «децентрализованный, фрагментарный социальный порядок, который оставляет институциональное пространство для продолжающихся дискуссий и переговоров» [19, р. 184].

Теория общества знания. Теория общества знания представлена в трудах таких авторов как **Р. Райх**, **П. Друкер**, и др. [10]. Но социологически данная теория актуализировалась немецким ученым **Нико Штером**. С его точки зрения, научное знание так активно распространяется, что происходит «сциентизация жизни». При этом знание, для Штера, важно как основа социального действия. Отсюда следует, что общество знания «в беспрецедентной степени является продуктом собственных действий» [23, р. 125]. В экономике главенствующую роль играют не собственность или труд, а «символический» капитал, включающий в себя достижения науки и нематериальные активы: патенты, ноу-хау, торговые марки и т.д. Однако, замечает автор, распространение знания – амбивалентный процесс. С одной стороны, в будущем обществе обладать знанием сможет практически каждый, так как субъектам микроуровня проще адаптироваться к изменяющимся условиям. С другой стороны, на макроуровне субъектам из-за бюрократизации, консерватизма, иерархии труднее применять научное знание. Так формы государственной власти становятся менее устойчивыми и стабильными. Рост рефлексивности и многообразие способов мышления снижают управляемость обществом. Политика превращается в борьбу не за ресурсы, а за утверждение своего стиля жизни в качестве господствующего. Штер называет общество знания «хрупким», имея в виду, что социум не застрахован от хаоса и аномии, вызванных непредсказуемым взаимодействием разнонаправленных волевых устремлений. Чтобы не потерять власть, государства стремятся установить контроль над производством и распространением научного знания. Более того, наука перестает восприниматься как абсолютное благо. Под вопросом остаются дальнейшие разработки, например, в области ядерной энергетики, генетики и др. В то же время возрастает роль научной экспертизы знания, государственного контроля его производства. Различные группировки ученых начинают конкурировать друг с другом, возникает феномен «антиэкспертов».

Общие характеристики будущего общества в рассмотренных теориях. Обобщив приведенные теории, мы обозначаем типичные для них признаки будущего общества, классифицировав их по основным сферам.

В **экономической сфере** научное знание выступает в качестве непосредственной производительной силы. Растет значение нематериальных активов: брендов, патентов, ноу-хау и т.д. Труд становится дистанционным и диверсифицируется. Производители больше учитывают желания потребителей, что приводит к демассификации производства. Работа фирм и экономики в целом приобретает форму сети. Капитализм становится глобальным за счет взаимодействия финансовых потоков, ТНК и ИКТ.

В **социальной сфере** отмечается роль новой рефлексивности субъектов в условиях нестабильности. Плюрализация жизненных стилей и разрыв социальной преемственности приводят к ролевым конфликтам, неопределенности моделей поведения, новым формам девиации. Традиционные социальные регуляторы теряют авторитет. Общество признается все менее зависимым от природы, переходит от воздействия на нее к воздействию на себя. Расширенный тип семьи уступает новым формам совместной жизни. Под влиянием роста темпов социальных изменений утрачивается «чувство истории».

В **политической сфере** происходит снижение устойчивости государства. Подчеркивается его слабость при использовании достижений науки из-за инертности, консерватизма, бюрократии. Одновременно государство пытается сохранить контроль над производством и распространением научного знания, например, с помощью института научной экспертизы. С развитием ИКТ появляются новые формы политического участия, которые, однако, не способствуют достижению политического консенсуса.

В **духовной сфере** продолжаются десакрализация и сциентизация жизни. Люди отказываются от постановки целей в долгосрочной перспективе. Это приводит к стрессам, неуверенности, ощущению небезопасности. Формируется «культура страха», требующая новых форм рациональности. Культура деидеологизируется и коммерциализируется. Научное знание также приобретает экономическое измерение, а его меркантилизация приводит к кризису собственной легитимности. В условиях глобального капитализма и манипуляций со стороны СМИ усиливается симуляция: символы, знаки, бренды становятся суверенными культурными единицами, превращаясь в симулякры.

Обсуждение. Рассмотренные теории, при кажущейся разнородности, обнаруживают концептуальные сходства. При этом их следует рассматривать не как завершенные модели, предлагающие готовые образцы социальной жизни, а как рефлексии возникающих, эмерджентных процессов. Социальный порядок постоянно адаптируется к меняющимся условиям с учетом циркулирующего в обществе знания. Данные теории раскрыты нами не только с точки зрения их содержания, но и с акцентом на том, какая роль в них отводится знанию как основному ресурсу социального конструирования.

Заключение. Отмеченные теории изучают общества, которые с технической точки зрения строились на ресурсах и достижениях пятого технологического уклада. Но уже сегодня мы наблюдаем становление шестого. Его эффекты качественным образом усложнят реальность, а потому изменят сложившиеся представления ученых о будущем социальном порядке. Тем не менее в науке важна преемственность: чтобы быть подготовленными к производству нового знания, невозможно отбросить уже зарекомендовавшие себя теоретические основы. Несмотря на научный поход, некоторые из них всё же не лишены утопичности и исследовательской наивности. В этой связи большой интерес представляет изучение того, *какое влияние данные теории оказали на российские социальные науки? как были отрефлексированы? есть ли между ними взаимосвязь?* Возможно, такое исследование обнаружит специфику подходов российских ученых, как в методологическом отношении, так и с точки зрения самого образа будущего российского общества и мира в целом.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под общ. ред. В. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под общ. ред. В. Иноземцева. 2-е изд. М.: Academia, 2004. 787 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем.; под общ. ред. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-традиция, 2000. 384 с.
4. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем.; под общ. ред. А. Филиппова. М.: Прогресс-традиция, 2001. 304 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр.; под общ. ред. Н. Сулова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 96 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр.; под общ. ред. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с. (Технология свободы).
7. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
8. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ.; под общ. ред. М. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
9. Джеймсон Ф. Постмодернизм и общество потребления. М.: Логос, 2000. № 4. С. 63–77. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 04.04.2018).
10. Иноземцев В.Л. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М.: Academia, 1999. 640 с.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр.; под общ. ред. Н. Шматко. СПб.: Алетейя, 2015. 160 с. (Gallicinium).
12. Малахов Ф.В. Образы факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова: мнение абитуриентов // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 2 (115). С. 104–113.
13. Масликов В.А. Органическая модель устойчивого развития общества // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 114–122.
14. Молодикова И.Н. Российская политика в отношении соотечественников за рубежом: роль государственных и общественных институтов // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 123–132.
15. Осипов Г.В. Измерение социальной реальности. Показатели и индикаторы. М.: ИСПИ РАН, 2011. 196 с. (Экономика и социология знания).
16. Тоффлер Э. Война и антивоина / пер. с англ.; под общ. ред. М.: АСТ, 2005. 412 с. (Philosophy).
17. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ.; под общ. ред. П. Гуревич. М.: АСТ, 2009. 800 с. (Philosophy).
18. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ.; под общ. ред. П. Гуревич. М.: АСТ, 2002. 557 с. (Philosophy).
19. Bauman Z. Intimations of postmodernity. N.Y.: Routledge, 1992. 232 p.
20. Castells M. The rise of Network Society. Oxford: Blackwell Publishing, 2000. 656 p.
21. Masuda Y. The informational society as post-industrial society. Washington D.C.: World future society, 1981. 178 p.
22. Miles S. Social Theory in the real world. L.: Sage Publications, 2001. 192 p.
23. Stehr N. Knowledge societies. L.: Sage Publications, 1994. 304 p.
24. Touraine A. The Post-industrial society. L.: Wildwood House, 1974. 245 p.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / per. s angl.; pod obshch. red. V. Inozemceva. M.: Logos, 2005. 390 s.
2. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya / per. s angl.; pod obshch. red. V. Inozemceva. 2-e izd. M.: Academia, 2004. 787 s.
3. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / per. s nem.; pod obshch. red. V. Sedel'nika, N. Fedorovoj. M.: Progress-tradiciya, 2000. 384 s.
4. Bek U. Chto takoe globalizaciya? / per. s nem.; pod obshch. red. A. Filippova. M.: Progress-tradiciya, 2001. 304 s.
5. Bodrijjar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo / per. s fr.; pod obshch. red. N. Suslova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2000. 96 s.
6. Bodrijjar Zh. Simulyakry i simulyacii / per. s fr.; pod obshch. red. A. Kachalova. M.: Postum, 2015. 240 s. (Tekhnologiya svobody).

7. Giddens E. Sud'ba, risk i bezopasnost' // THESIS. 1994. № 5. S. 107–134.
8. Giddens E. Uskol'zayushchij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn' / per. s angl.; pod obshch. red. M. Korobochkina. M.: Ves' mir, 2004. 120 s.
9. Dzhejmsom F. Postmodernizm i obshchestvo potrebleniya. M.: Logos, 2000. № 4. S. 63–77. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (data obrashcheniya: 04.04.2018).
10. Inozemcev V.L. Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya. M.: Academia, 1999. 640 s.
11. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna / per. s fr.; pod obshch. red. N. SHmatko. SPb.: Aletejya, 2015. 160 s. (Gallucinium).
12. Malakhov F.V. Obrazy fakul'tetov MGU im. M.V. Lomonosova: mnenie abiturientov // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 2 (115). S. 104–113.
13. Maslikov V.A. Organicheskaya model' ustojchivogo razvitiya obshchestva // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 114–122.
14. Molodikova I.N. Rossijskaya politika v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom: rol' gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 123–132.
15. Osipov G.V. Izmerenie social'noj real'nosti. Pokazateli i indykatory. M.: ISPI RAN, 2011. 196 s. (Ekonomika i sociologiya znaniya).
16. Toffler E. Vojna i antivojna / per. s angl.; pod obshch. red. M.: AST, 2005. 412 s. (Philosophy).
17. Toffler E. Tre'tya volna / per. s angl.; pod obshch. red. P. Gurevich. M.: AST, 2009. 800 s. (Philosophy).
18. Toffler E. Shok budushchego / per. s angl.; pod obshch. red. P. Gurevich. M.: AST, 2002. 557 s. (Philosophy).
19. Bauman Z. Intimations of postmodernity. N.Y.: Routledge, 1992. 232 p.
20. Castells M. The rise of Network Society. Oxford: Blackwell Publishing, 2000. 656 p.
21. Masuda Y. The informational society as post-industrial society. Washington D.C.: World future society, 1981. 178 p.
22. Miles S. Social Theory in the real world. L.: Sage Publications, 2001. 192 p.
23. Stehr N. Knowledge societies. L.: Sage Publications, 1994. 304 p.
24. Touraine A. The Post-industrial society. L.: Wildwood House, 1974. 245 p.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Пресняков И.В. Основные подходы к проблеме будущего общества в зарубежной научной литературе второй половины XX – начала XXI в. // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 85–92. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-85-92 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Presnyakov I.V. Osnovnye podkhody k probleme budushchego obshchestva v zarubezhnoj nauchnoj literature vtoroj poloviny XX – nachala XXI v. // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 85–92. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-85-92 (Reference in Roman script).

Presnyakov, I.V. (2018) The Main Approaches to the Problem of the Future Society in a Foreign Scientific Literature of the Second Half of the XX – Beginning of the XXI Century, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 85–92. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-85-92 (International bibliographic description).

Б.В. Сердюков,

аспирант Северо-Западного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет социальных технологий, Санкт-Петербург.

B. V. Serdyukov,

postgraduate student of North-West Institute of Management, branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), the department of social technologies, Saint-Petersburg.

E-mail: serd_bv@mail.ru

УДК 316.422.42

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-93-101

Аномия и солидарность в сфере общественной безопасности: интеграционная специфика социального контроля

*Anomie and Solidarity in the Area of Public Security:
Integral Specificity of Social Control*

Дата поступления
18.01.2018

Дата препринта
27.02.2018

Дата публикации
29.03.2018

Аннотация: в рамках эмпирического исследования гражданского солидарного поведения предприятия попытка изучения эффективности механизмов социального контроля. По итогам исследования автор статьи резюмирует, что социальная аномия в области общественной безопасности выражена в редуцированности неформальной составляющей социального контроля, а также в институциональной дисфункции некоторых компонентов формального социального контроля. Всё это препятствует проявлению солидарного поведения граждан, отстаивающих нормативный порядок. Предлагается перечень дезинтеграционных факторов, устранение которых, по мнению автора, будет способствовать повышению эффективности мер социального контроля, что создаст благоприятную обстановку на пути преодоления социальной аномии в области общественной безопасности.

Annotation: as part of the empirical study of civic solidarity behavior, an attempt is made to study the effectiveness of social control mechanisms. According to the results of the study, the author of the article summarizes that social anomie in the field of public security is expressed in the reduction of the informal component of social control, as well as in the institutional dysfunction of some components of formal social control. All this prevents the manifestation of solidary behavior of citizens who defend the regulatory order. A list of disintegration factors is proposed, the elimination of which, in the author's opinion, will contribute to the increase of the effectiveness of social control measures, which will create a favorable environment for overcoming the social anomie in the field of public security.

Ключевые слова: социальная аномия, гражданская солидарность, социальная солидарность, социальный контроль.

Key words: social anomie, civil solidarity, social solidarity, social control.

Введение, постановка проблемы исследования. Проблематика социальной дезинтеграции является чрезвычайно актуальной для современной России. Порожденная скоротечными трансформационными процессами [1, с. 96], протекавшими при правительстве «радикально-либеральных» реформаторов, социальная аномия и по сей день отчетливо проявляется в российском обществе [8, с. 113], что не раз уже отмечалось специалистами-гуманиста-

риями и как следствие редуцированности социальной солидарности [19, с. 56], и как кризис социальной консолидации [10, с. 210]. Эмиль Дюркгейм, родоначальник социологической интерпретации понятия «социальная аномия», считал это состояние «патологическим» [7, с. 77] и утверждал, что оно проистекает от несогласованности элементов общественного разделения труда, основная задача которого «создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности» [6, с. 63]. Позже Роберт Мертон определил социальную аномию как заложенное внутри культуры противоречие, вызванное несоответствием, существующим между закрепленными в ней нормами и целями социального поведения, с доступными способами их достижения, институционализированными в праве и одобряемыми общественностью [13, с. 284]. Социальная аномия современного российского общества связана с интеграционным ослаблением социетальных культурно-символических структур. Такое изменение происходит на фоне развития интернационального информационного общества и нарастающей культурной глобализации. **С одной стороны, человек ограничен в своем поведении установлениями того общества, в котором он находится, с другой стороны, волен выбирать такую ценностно-нормативную среду, которая ему ближе, что в целом соответствует провозглашаемому на государственном уровне рыночным принципам.** В этих условиях жизнь человека все чаще протекает в небольших, имеющих короткий жизненный цикл, ограниченных социумах, которые обозначены кругом его личных интересов. В работах Н. Мещеряковой такого рода аномия получила название рефлексивной [14, с. 204].

Для описания жизненного цикла интеграционного кризиса польский социолог П. Штомпка использует заимствованное из психологии понятие «культурная травма» [23, с. 9]. Демонтаж идеологических и мировоззренческих оснований советской повседневности, составлявших жизнь миллионов граждан, а также дискредитация массовой и элитарной советской культуры имели своим прямым и необратимым следствием запуск процессов, именуемых Штомпкой как «травматическая последовательность». В конечном итоге они и привели многие постсоветские общества, а российское в первую очередь к приобретению тяжелейшей «культурной травмы». Проблематика данного исследования обусловлена негативным влиянием оказываемым кризисом социальной аномии на российскую криминогенную среду. Такое влияние характерно для социальных трансформационных процессов, и вызвано полной или частичной нейтрализацией регулирующего влияния, оказываемого существовавшей прежде ценностно-нормативной системой, что неминуемо приводит к ослаблению эффективности механизмов, как формального, так и неформального социального контроля. Моральные ориентиры размываются и человек, в отсутствие действующих механизмов социального подкрепления-санкционирования, теряет нравственные основы для повседневного поведения. Отрицательное воздействие, оказываемое общественной дезинтеграцией на криминогенную среду российского общества, неоднократно ранее диагностировалось российскими социологами [12, с. 117].

Сегодня уже можно с уверенностью утверждать, что резкий всплеск преступности, случившийся в постперестроечный период новейшей российской истории, был напрямую связан с состоянием острой социальной аномии, возникшей в наскоро реформируемом обществе. По данным, предоставленным Государственным комитетом СССР по статистике (1985–1990 гг.) [15, с. 278] а также Федеральной службой государственной статистики (1990–2016 гг.) [16], этот кризис достиг своего пика в 2005 году, сменившись затем периодом интеграционной стабилизации. Однако вряд ли подобная стабилизация явилась прямым следствием государственных усилий по конструированию новой социокультурной среды (рис. 1).

Методология исследования. Понятие *социальная аномия* представляет из себя дезинтеграционный феномен, размещенный на краю одной стороны своеобразного интеграционного континуума, а на другой – расположено состояние *социальной солидарности*, социологическая интерпретация которого была введена в социальную теорию Эмилем

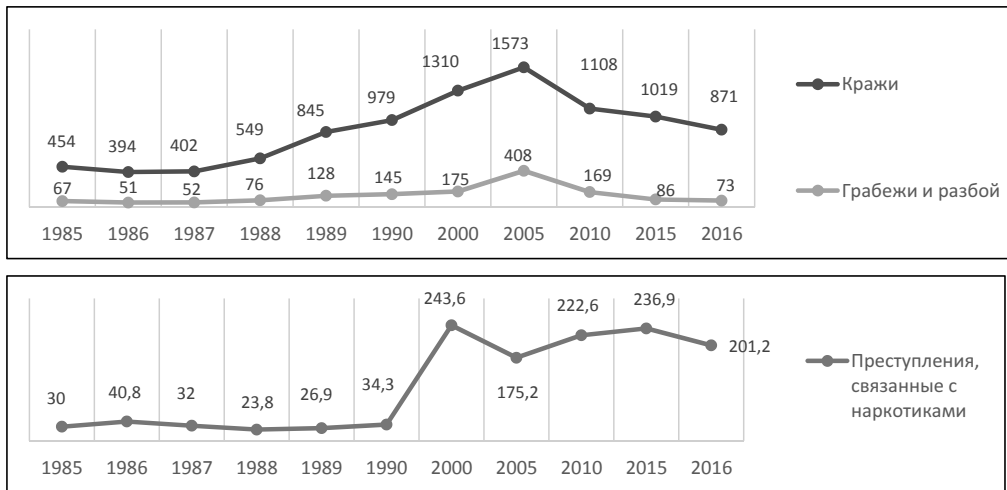

Рис. 1. Число зарегистрированных случаев краж, грабежей и разбоев, а также преступлений, связанных с наркотиками в России, тысяч за год

Дюркгеймом. В социологической теории принято считать, что социальная солидарность хоть и имеет естественное происхождение (А. Бергсон), однако поддерживается в обществе посредством репрессивных институтов (О. Конт, Э. Дюркгейм). Реализуясь в общественно-культурной нормативной системе (М. Вебер), социальная солидарность делается значимой для его представителей посредством интернализации ими экспрессивно-символических комплексов (Т. Парсонс). То есть правопорядок в обществе базируется на формальном и неформальном социальном контроле, нарушение его эффективности и приводит в конечном счете к наиболее тяжелым последствиям социальной аномии.

Согласно Максиму Веберу, действия человека могут ориентироваться на некоторые максимумы, рожденные в смысловом содержании социальных отношений [4, с. 87]. В соответствии с этими максимумами в обществе и организуется установленный в нем *социальный порядок*, имеющий для участников социальных отношений различный уровень эмпирической значимости [3, с. 515]. То есть для успешного функционирования социальной системы, нормы, сложившиеся внутри нее, должны воспроизводиться не только законами, действие которых обеспечено исполнительными органами власти. Следовательно, общественные установления должны иметь такой уровень эмпирической значимости для членов регламентируемого ими общества (говоря языком М. Вебера), чтобы среди его представителей была мотивация самостоятельно отстаивать нарушаемый в их присутствии общественный порядок. Актуализируясь в экспрессивно-символической системе, ценностно-нормативная структура общества становится чувственно значима для его представителей, что в свою очередь дает основание для солидарного поведения [18, с. 452]. Объясняя природу девиантного поведения, Парсонс подчеркивает, что для успешного функционирования социального контроля ценностные ориентации должны до известной степени быть общими для акторов в институционально интегрированной системе взаимодействия [17, с. 362].

Методика изучения криминогенной среды. Результаты социологических опросов, проведенных в Санкт-Петербурге осенью 2015 г. и 2017 г., действительно говорят о непростой криминогенной ситуации в области правопорядка на тех территориях, где проводились исследования, а именно: в двух муниципальных округах Красногвардейского района Санкт-Петербурга. Работа специалистов ООО «Агентство «Сфера»» проходила под руководством автора данной статьи и осуществлялась в рамках двух государственных контрактов (№ 0172200006115000064_146076 от 16.09.2015; № 65/17 от 30.06.2017), направленных

на создание второй и четвертой очереди автоматизированной системы «Внутриквартальная безопасность в жилых кварталах» (далее – АС ВБЖК) аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (далее – АПК БГ).

Цель исследований – уточнение и выявление изменений оценки жителями уровня личной и общественной безопасности в жилых кварталах (в том числе имущества граждан). Социологический опрос проводился методом *полуформализованного поквартирного интервью* с жителями, постоянно проживающими в этих двух муниципальных образованиях. Размер выборочной совокупности, обеспечивающий ее репрезентативность и требуемую погрешность в пределах 3,9% при 95%-м доверительном интервале, составил 611 человек. Половозрастная структура выборки была рассчитана в соответствии с данными переписи населения по Санкт-Петербургу за 2010 год [22, с. 21].

Результаты исследования криминогенной среды. Результаты проведенного социологического опроса свидетельствуют об общем ухудшении криминогенной обстановки в географической области мониторинга. Большинство из опрошенных в ходе поквартирного опроса в сентябре 2017 года, а именно 64,2% от общего числа респондентов, ответило, что в течение последних 2–3 лет им приходилось сталкиваться с различными правонарушениями, совершенными в жилых кварталах, на территории которых они проживают. Поквартирный же опрос, проведенный в октябре 2015 года, зафиксировал общее число респондентов, сталкивавшихся с различными правонарушениями, равное 24,6% от общего их числа. Если привести список правонарушений, составленный в 2017 г. в соответствие со списком правонарушений 2015 г., то число участников опроса, сталкивавшихся с правонарушениями, снизится на 8,5%, но будет более чем вдвое превышать данные двухгодичной давности, и составит 55,7% от общего числа респондентов.

Жителями обследуемых кварталов чаще стали фиксироваться **тяжкие правонарушения**. Существенное увеличение числа правонарушений обнаруживается в отношении таких правонарушений, как убийство или причинение тяжкого вреда здоровью. Столкнувшись с фактом убийства пришлось 4,4% респондентам, что на 4,2% больше чем осенью 2015 г., когда этот показатель составлял 0,2%. Причинение тяжкого вреда здоровью отметили 3,3% всех респондентов, в то время как в 2015 г. он составлял 0,4%. Наблюдается значительный рост таких правонарушений, как кража с проникновением в квартиру (8,7% – 2017; 4,9% – 2015); хулиганство (12% – 2017; 7,5% – 2015); мошенничество (4,4% – 2017 г.; 3,9% – 2015 г.).

Значительно выросло число жителей, которые сталкивались с нарушениями *водителями правил дорожного движения*, это 30,6% всех респондентов, что на 22,5% больше чем в 2015 г., когда данный показатель составлял 8,1%. Вторым по значимости фактором, вызвавшим рост числа правонарушений, является *нарушения норм проживания в многоквартирных домах*. Такого рода правонарушения в 2017 г. отметили 29,6% всех участников опроса, что на 22,5% больше, чем в 2015 году. Следует, правда, оговориться, что, несмотря на отрицательную динамику, обнаруженную в субъективных оценках жителями общего количества правонарушений, отмеченные колебания носят в некотором смысле *маятниковый характер*, а в более долгосрочной перспективе данные показатели стремятся к своему среднему значению. На это указывают, в частности, результаты поквартирного опроса 2014 г., проведенного также нашими специалистами (№ 03722002388 14 000042 от 10.10.2014) в рамках первой очереди создания автоматизированной системы «Внутриквартальная безопасность в жилых кварталах» аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Однако методологическая специфика первого этапа исследования, выполненного в 2014 году, не позволяет произвести сопоставления полученных результатов и с высокой долей достоверности говорить об динамических характеристиках, в соответствии с приведенными выше индикаторами.

Можно сделать вывод, что *негативное влияние социальной аномии более не ощущается так остро среди жителей Санкт-Петербурга, смирившихся с новыми реалиями повседне-*

ной жизни, однако характеристика криминогенной среды указывает на имплицитно протекающий кризис социальной интеграции. Следует согласиться с С.Г. Кара-Мурзой в том, что, сохраняя и сегодня аномическую симптоматику, российское общество «пребывает в условиях динамического равновесия между процессами повреждения и восстановления, которое сдвигается то в одну, то в другую сторону, но не приближается к уровню катастрофы...» [9, с. 17]. Примечательная также оценка российской аномии отечественным социологом Ж.Т. Тощенко, которая характеризует прежде всего противоречивую человеческую природу: «парадокс данной ситуации заключается в том, что в условиях даже некоторых позитивных изменений большинству людей по-прежнему присущ глубокий пессимизм» [21, с. 486].

Методика изучения механизмов социального контроля. Попытка изучения особенностей функционирования механизмов социального контроля осуществлялась осенью 2017 года специалистами нашего Агентства в рамках изучения специфических характеристик солидарного поведения граждан в сфере общественной безопасности. Исследование включало в себя поквартирный опрос и фокусированное групповое интервью, в процессе которого интервьюерам в числе прочих задавался следующий вопрос: «Представьте себе, что при вас будут совершаться те или иные правонарушения. Готовы ли вы будете сообщить об этом в полицию или попробовать предотвратить правонарушение лично?». Ответы были формализованными и составляли три основных блока, свидетельствующих о том, что: 1. Человек ничего не будет предпринимать; 2. Человек предпримет попытку личного участия; 3. Человек обратится за помощью в полицию. Территориально данный опрос также проводился в двух муниципальных округах Красногвардейского района Санкт-Петербурга. Выборка исследования составила 611 человек, что позволило обеспечить ее 95% репрезентативность при 3,9% доверительном интервале.

Предполагалось, что поведенческая установка человека, обращенная на такую ситуацию, в которой он станет свидетелем правонарушения, сможет характеризовать степень его социетальной интегрированности в рамках государственной нормативной системы. Полученные результаты позволяют также определить интеграционные свойства механизмов социального контроля, имеющие большое значение в контексте исследовательской проблематики заявленной в данной статье.

Результаты исследования механизмов социального контроля. Участникам опроса предлагалось представить, что они стали свидетелями различных правонарушений, среди которых были: убийство или нанесение увечий с угрозой для жизни; физическое насилие (побои, изнасилование; грабеж или разбой); кража из квартиры, а также кража и угон автомобиля; мошенничество или шантаж; хулиганство или вандализм. По окончании опроса были высчитаны средние значения ответов, по всем видам перечисленных выше правонарушений (рис. 2).

Результаты проведенного нами исследования (в данной статье мы ограничимся инфографическим ее представлением) отчетливо свидетельствуют о том, что социальный контроль в сфере общественной безопасности носит преимущественно *формализованный характер*. *Неформальный компонент* социального контроля на обследуемой территории значительно редуцирован, что свидетельствует о низком уровне значимости экспрессивно-символической структуры социетального нормативного каркаса. Иными словами, люди не готовы отстаивать нарушаемую при их присутствии социальную норму самостоятельно, что говорит о недостаточности эмпатической связи между ними и тем социальным порядком, в котором они живут. Если же учесть, что пропорционально большая доля опрошенных оказались полностью безучастными к происходящему, то можно говорить и о проблемах, существующих в области формального социального контроля.

В ходе *фокусированного группового интервью* проводившие их модераторы задавали те же вопросы, что и в поквартирном опросе, но исследовательский акцент делали на фак-

Рис. 2. Распределения ответов на вопрос «Представьте себе, что при вас будут совершаться те или иные правонарушения. Готовы ли вы будете сообщить об этом в полицию или попробовать предотвратить правонарушение лично?» и среднее значение, посчитанное по всем видам обсуждаемых правонарушений, представленное в % от общего числа респондентов

торах, препятствующих проявлению гражданского участия в различных ситуациях. По результатам качественного анализа можно сделать некоторые заключения, позволяющие охарактеризовать основные дезинтеграционные факторы, препятствующие эффективному функционированию неформальных механизмов социального контроля. Перечень этих факторов включает в себя следующие:

- 1) *несовершенство мер правовой защиты лиц, лично предпринимаящих попытку задержания правонарушителя или предотвращения правонарушения, свидетелем которого они оказались;*
- 2) *временные издержки, претерпеваемые свидетелем правонарушения, в результате участия его в оперативно-следственных мероприятиях;*
- 3) *непоследовательность реакции сотрудников полиции на поступающие от граждан сообщения о тех правонарушениях, свидетелями которых они стали;*
- 4) *непрофессионализм и несоблюдение служебной этики, порой встречающиеся в поведении сотрудников полиции в отношении лиц, обращающихся по вопросам сексуального и бытового насилия.*

Каждый из выявленных факторов, препятствующих реализации гражданами мер неформального социального контроля, напрямую связан с правоохранительными органами – основным агентом формального социального контроля. Такое положение вполне объяснимо, поскольку построение сколько-нибудь устойчивого взаимодействия между социальными институтами в отсутствие общественного согласия относительно различных элементов гражданственности (таких как участие, поддержка, активность, ответственность и т.д.) представляется проблематичным. Несогласованность, а порой и противостояние, сложившееся между различными составляющими социального контроля, укрепляет социальную отчужденность в обществе и препятствует формированию солидарного социума.

Заключение. Эффективность любых мер, направленных на оздоровление криминогенной среды, не может быть достигнута исключительно с помощью механизмов формализованного социального контроля. Социальную отчужденность, обнаруженную нами в области общественной безопасности, с большой долей вероятности возможно преодолеть благодаря целенаправленной государственной политике на нейтрализацию факторов, препятствующих осуществлению гражданского участия, связанного с поддержанием окружающего их общественного порядка. В отсутствии институциональных преград неформальная составляющая социального контроля будет закономерным образом усиливаться, поскольку необходимость социальной эмпатии заложена в социокультурных основаниях человеческой социальной среды, что наглядно в свое время продемонстрировал А. Бергсон в своей работе «Два источника морали и религии» [2, с. 31].

Список литературы

1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 3. С. 94–101.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. 384 с.
3. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445 с.
5. Виноградова М.В., Бабакаев С.В., Королева В.А. Интеграция России в систему глобального сотрудничества как социологическая проблема поиска идентичности // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 3 (116). С. 55–62.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
8. Жалкиев В.Т. Солидарность и аномия в современном российском обществе. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2014. 142 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
10. Кармадонов О.А., Зверев М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
11. Колударова С.В., Мазаев Ю.Н. Методологическая специфика социологического исследования различных проблематик // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 2 (115). С. 96–103.
12. Мерсиянова И.В. Аномия и безопасность личности в городе // Мониторинг. 2006. № 3.
13. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ : Хранитель, 2006. 880 с.
14. Мещерякова Н.Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 35 (2). С. 201–207.
15. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
16. Основные итоги всероссийской переписи населения 2010 года на территории Санкт-Петербурга: стат. сб. СПб.: Петростат, 2012. 62 с.
17. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
18. Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланского. 2-е изд. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
19. Самарин А.Н. О солидарности в современной России // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Т. 3. Время и пространство мировых религий и локальных культур. М., 2007. С. 51–60.
20. Сердюков Б.В. Семейно-родовая память в современной России: пути преодоления социальной аномии // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 125–132.
21. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Петростат : Юнити-Дана, 2012. 543 с.

22. Число зарегистрированных преступлений по видам / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.doc (дата обращения: 04.11.2017).
23. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

References

1. Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M. Destruktivnye aspekty social'nykh transformacij: anomiya, arkhaika, deviaciya // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Sociologiya. 2014. Vyp. 3. S. 94–101.
2. Bergson A. Dva istochnika morali i religii / per. s fr., poslesl. i prim. A.B. Gofmana. M.: Kanon, 1994. 384 s.
3. Veber M. Izbrannnye proizvedeniya / per. s nem.; sost., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova; predisl. P.P. Gajdenko. M.: Progress, 1990. 808 s.
4. Veber M. Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii: v 4 t. M.: ID Vyshej shkoly ekonomiki, 2016. T. I. Sociologiya. 445 s.
5. Vinogradova M.V., Babakaev S.V., Koroleva V.A. Integraciya Rossii v sistemu global'nogo sotrudnichestva kak sociologicheskaya problema poiska identichnosti // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 3 (116). S. 55–62.
6. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda / per. s fr. A.B. Gofmana. M.: Kanon, 1996. 432 s.
7. Dyurkgejm E. Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie / per. s fr., sost., poslesl. i prim. A.B. Gofmana. M.: Kanon, 1995. 352 s.
8. Zhalkiev V.T. Solidarnost' i anomiya v sovremennom rossijskom obshchestve. Krasnodar: Krasnodarskij un-t MVD Rossii, 2014. 142 s.
9. Kara-Murza S.G. Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya. M.: Nauchnyj ekspert, 2013. 264 s.
10. Karmadonov O.A., Zverev M.K. Konsolidaciya rossijskogo obshchestva: potoki i pregrady. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2012. 223 s.
11. Koludiarova S.V., Mazaev Yu.N. Metodologicheskaya specifika sociologicheskogo issledovaniya razlichnykh problematik // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 2 (115). S. 96–103.
12. Mersyanova I.V. Anomiya i bezopasnost' lichnosti v gorode // Monitoring. 2006. № 3.
13. Merton R. Social'naya teoriya i social'naya struktura. M.: AST, KHRanitel', 2006. 880 s.
14. Meshcheryakova N.N. Anomiya v slozhnom obshchestve // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 35 (2). S. 201–207.
15. Narodnoe khozyajstvo SSSR v 1990 g.: stat. ezhegodnik / Goskomstat SSSR. M.: Finansy i statistika, 1991. 752 s.
16. Osnovnye itogi vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda na territorii Sankt-Peterburga: stat. sb. SPb.: Petrostat, 2012. 62 s.
17. Parsons T. O social'nykh sistemakh / pod red. V.F. Chesnokovoj i S.A. Belanskogo. M.: Akademicheskij proekt, 2002. 832 s.
18. Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya / pod obshch. red. V.F. Chesnokovoj i S.A. Belanskogo. 2-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2002. 880 s.
19. Samarina A.N. O solidarnosti v sovremennoj Rossii // Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh. T. 3. Vremya i prostranstvo mirovykh religij i lokal'nykh kul'tur. M., 2007. S. 51–60.
20. Serdyukov B.V. Semejno-rodovaya pamyat' v sovremennoj Rossii: puti preodoleniya social'noj anomii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 5 (124). S. 125–132.
21. Toshchenko Zh.T. Paradoksal'nyj chelovek: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Petrostat : Yuniti-Dana, 2012. 543 s.
22. Chislo zaregistrirrovannykh prestuplenij po vidam / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.doc (data obrashcheniya: 04.11.2017).
23. Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. S. 6–16.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Сердюков Б.В. Аномия и солидарность в сфере общественной безопасности: интеграционная специфика социального контроля // Социальная политика и социология. Т. 17.

2018. № 1 (126). С. 93–101. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-93-101 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Serdyukov B.V. Anomiya i solidarnost' v sfere obshchestvennoj bezopasnosti: integracionnaya specifika social'nogo kontrolya // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 93–101. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-93-101 (Reference in Roman script).

Serdyukov, B.V. (2018) Anomie and Solidarity in the Area of Public Security: Integral Specificity of Social Control, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 93–101. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-93-101 (International bibliographic description).

Т.В. Фомичева,

канд. социол. наук, доцент кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Москва.

T.V. Fomicheva,

candidate of sociological sciences, associate professor of the department of sociology, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: fomitchevatv@mail.ru

УДК 316.752

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-102-110

Ценность счастья в мировом социуме: результаты кросскультурных исследований

*The Value of Happiness in the World Community:
The Results of Cross-Cultural Studies*

Дата поступления

22.01.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: статья посвящена изучению ценности счастья с точки зрения перекрестного социологического и демографического анализа. Цель данной публикации: проанализировать ценность (значимость) счастья методом динамического сравнительного анализа социологических и статистических данных с помощью разных приемов. Контекст рассмотрения социокультурных ценностей связан прежде всего с трансформационными процессами, существующими в российском обществе и мире. Для сравнения с демографическими процессами, протекающими в России, проведен компаративный анализ аналогичных процессов в других странах.

Annotation: the article is devoted to the study of the value of happiness in terms of cross-sociological and demographic analysis. The purpose of this publication: to analyze the value (significance) of happiness by dynamic comparative analysis of sociological and statistical data using different methods. The context of consideration of social and cultural values is primarily associated with the transformation processes existing in the Russian society and the world. A comparative analysis of similar processes in other countries was conducted to compare them with the demographic processes in Russia.

Ключевые слова: ценность, счастье, благополучие, мировой социум.

Key words: value, happiness, well-being, world society.

Введение. Проблема исследования ценности счастья до сих пор слабо изучена и является актуальным полем для разработки разнообразных теорий. Существует многообразие социологических концепций расчетов всемирных индексов счастья, международных индексов счастья, индексов качества жизни, индексов человеческого развития и проч., что, в свою очередь, говорит о неисчерпаемости актуальности данной проблематики. Во многом индексы счастья пересекаются с содержательным наполнением расчетных индексов уровня и качества жизни населения. Особое значение данная проблематика приобретает в периоды трансформации общества и демографических изменений [9; 26].

Методика. При работе над данным исследованием применялись методики анализа документов. Проведен вторичный социологический анализ данных кросскультурных исследований Всемирного исследования ценностей [20–22] (World Values Survey [25]), волна 2010–2014 гг. по итогам исследований, проведенных в 60 странах мира; анализ индексов

«уровня счастья» за 2014–2016 гг. из «Всемирного доклада о счастье» World Happiness Report 2017 [24]; анализ «Международного индекса счастья» (или «Всемирного индекса счастья») «Happy Planet Index» (HPI) за 2006, 2009, 2012 и 2016 годы [19]; и проч.

Результаты. Счастье – состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиям своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения [11]. Категория «счастье» постепенно входит в научный и политический оборот [3–5]. Так, «Всемирный доклад о счастье» публикуется ежегодно одним из подразделений ООН по поиску решений стабильного развития. В июле 2011 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция, относительно оценивания странами–членами ООН счастья населения своих стран и использования его как важной составляющей в политике государства. Впоследствии, 2 апреля 2012 г. состоялось заседание Генеральной Ассамблеи ООН под председательством премьер-министра Дж. Тинлей из Бутана, первой и пока что единственной страны, где официально принято «валовое национальное счастье» вместо валового внутреннего продукта как основного показателя развития страны. В частности, для оценки национального счастья как интегрального показателя используются следующие индикаторы: ВВП на душу населения; уровень социальной поддержки населения; ожидаемая продолжительность жизни; свобода граждан в принятии решений; щедрость; отношение к коррупции и др. [2]. Каждый показатель оценивается по 10-балльной шкале. Работа проводится исследовательским центром при Колумбийском университете «The Earth Institute» (Институтом Земли). Во всемирном докладе о счастье за 2014–2016 гг. (World Happiness Report 2017) [24], опубликован рейтинг стран, рассчитанный по данной методике. Первые места в нем заняли последовательно: Норвегия (7,537 баллов), Дания (7,522 баллов), Исландия (7,504 балла), Швейцария, Финляндия, Нидерланды. Россия занимает только лишь 49 место с 5,963 баллами [24]. На последнем 155 месте рейтинга – ЮАР (Южная Африканская Республика, 2,693 баллов). Из стран СНГ Россия уступила Узбекистану (48 место, 5,971 баллов). Результаты рейтинга могут показаться предсказуемыми (достаточно обоснованными): в «лидерах» оказались страны преимущественно с высоким уровнем и качеством жизни; наибольшей ожидаемой продолжительностью жизни при рождении. Рейтинг стран сформирован с преобладанием индикаторов, имеющих экономическую составляющую.

Еще одним интересным международным проектом, посвященным анализу ценности счастья населения, является проект «Международный индекс счастья» (или «Всемирный индекс счастья») «Happy Planet Index» (HPI), предложенный Фондом новой экономики в 2006 г. Фактически индекс является интегральным показателем для сравнения уровня жизни в разных странах. В качестве индикаторов используются: субъективная удовлетворенность людей жизнью; ожидаемая продолжительность жизни и экологические факторы (отношение к природе). Причем экологические факторы имеют очень существенное значение и скорее всего они определяют вектор формирования рейтинга стран. В 2006 году первое место в рейтинге стран по Международному индексу счастья заняла страна Вануату (68,21 балл). В 2009 и в 2011 гг. первое место заняла Коста-Рика (76,1 и 64,0 баллов соответственно). Россия в 2006 году заняла 172 место из 178 возможных с 22,76 баллами. В 2009 году Россия заняла 108 место с 34,5 баллами из 143 возможных мест, в 2016 г. – 116 место из 140 возможных с 18,7 баллами [19]. Первое место в 2016 г. занимает Коста-Рика (44,7 баллов); второе место принадлежит Мексике (40,7 баллов); третье место занимает Колумбия (40,7 баллов); четвертое место заняла Вануату (40,6%) и пятое место – Вьетнам (40,3 балла) [19]. Результаты данного рейтинга нельзя назвать предсказуемыми. Страны-лидеры объединяет ряд факторов, первый из которых – **благоприятные климатические условия**. Большинство стран расположены в Северной и Южной Америке и в Океании (Мексика, Колумбия, Коста-Рика, Вануату и др.). Многие из государств со «счаст-

ливым населением» островные или полуостровные. Уровень жизни достаточно низкий. Данные государства развивают туристические услуги.

По итогам анализа социологических данных World Values Survey [25], (исследование проводилось в 2010–2014 гг. в 60 странах мира), выявлен ряд стран, жители которых считают себя очень счастливыми (рис. 1).

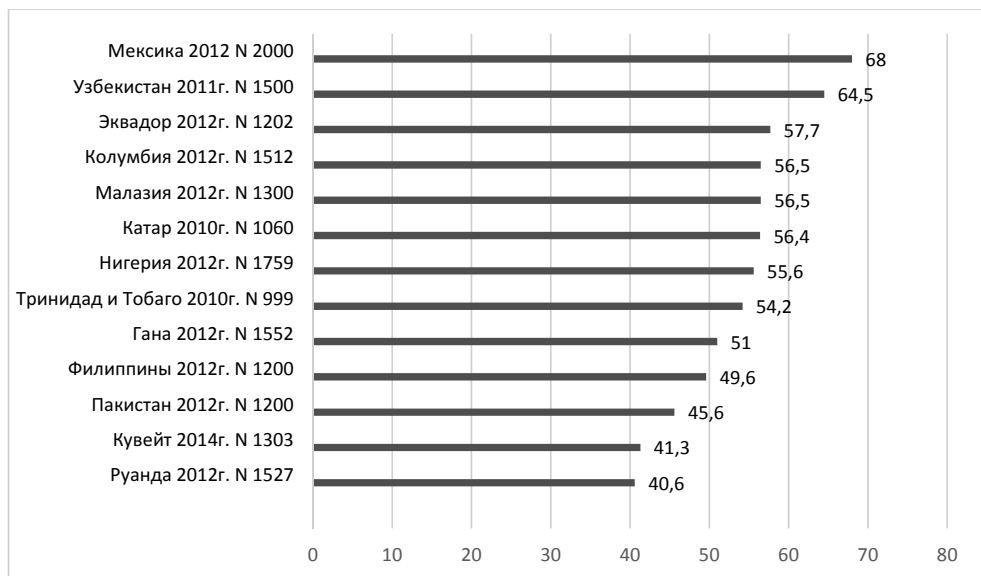

Рис. 1. Страны, жители которых считают себя очень счастливыми (в процентах от общего числа опрошенных) [по данным 25]

В проекте World Values Survey [25] организаторы измеряли ценность счастья на основе субъективной значимости ее ценности для респондентов конкретных стран. Что интересно, обозначенные в начале перечня страны (см. рис. 1) также фигурируют в рейтинге по итогам расчета «Всемирного индекса счастья» «Happy Planet Index» (HPI) за 2016 г., например Мексика (2-е место), Колумбия (3-е место), из 140 возможных [19]. С учетом относительно низких макроэкономических показателей (ВВП на душу населения; ожидаемая продолжительность жизни), у большинства стран в перечне (см. рис. 1, табл. 1) можно предположить, что особую роль в значимости счастья респондентов сыграли *внешние факторы в виде благоприятных климатических условий*. По итогам проведенного исследования World Values Survey [25] выявлен ряд стран, жители которых считают себя «скорее счастливыми» (или средне-счастливыми) (рис. 2). Затем можно обозначить ряд стран, жители которых считают себя «не очень счастливыми» (рис. 3). (Некоторые из стран данного перечня находятся в нестабильной экономической и политической ситуациях, ведут военные действия.)

Согласно статистическим данным, приведенным в таблице 1, можно отметить зависимость значения коэффициента Джини и размещения страны в группе по отношению к ценности счастья. Парадоксально, но в группе стран с очень счастливыми респондентами, показатель коэффициента Джини в среднем по массиву выше, чем в группе стран с «не очень счастливыми респондентами». Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в целом больше в группе стран со среднесчастливыми респондентами.

Обратимся к ситуации в российской действительности. Индекс счастья ВЦИОМ рассчитан как разница в доле счастливых и несчастливых респондентов (на основании самооценки респондентов). Индекс колеблется в поле от –100 до +100 пунктов. Наиболее низкий уровень

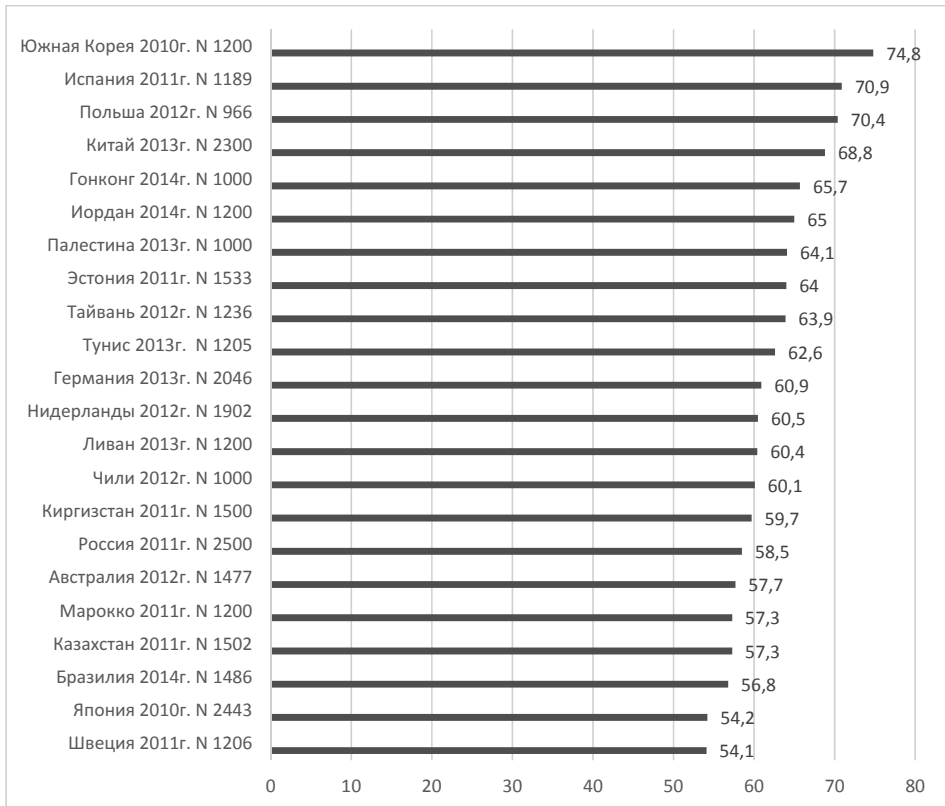

Рис. 2. Страны, жители которых считают себя скорее счастливыми (в процентах от общего числа опрошенных) [по данным 25]

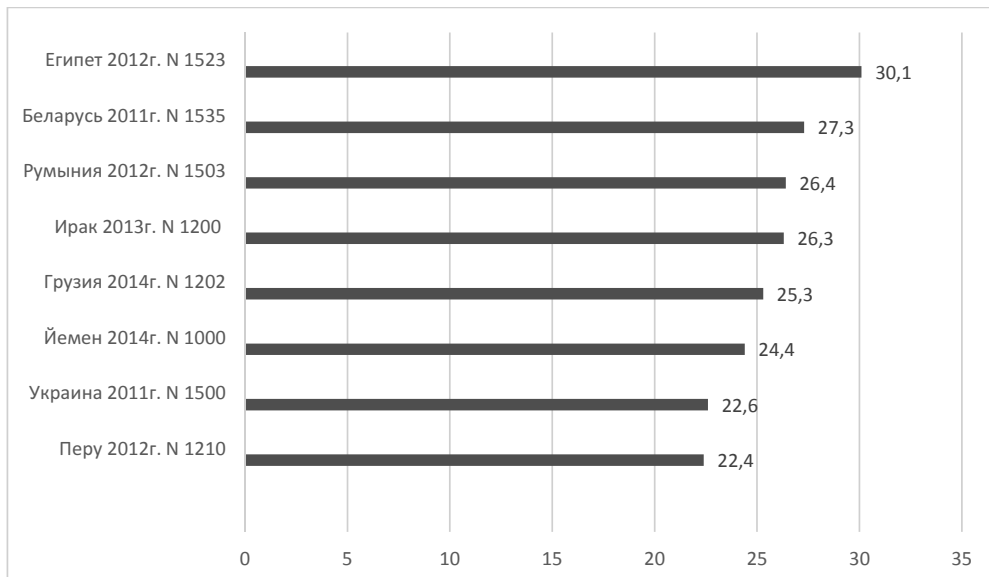

Рис. 3. Страны, жители которых считают себя не очень счастливыми (в процентах от общего числа опрошенных) [по данным 25]

Таблица 1

Выдержки из таблицы «Основные показатели уровня жизни населения»

[10, с. 104–106; 78–80]

№ п/п	Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчины (лет), 2014 г.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении женщины (лет), 2014 г.	Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), процентов, (2005–2015 гг. по последним опубликованным данным)	Валовый внутренний продукт (в текущих ценах, миллиардов единиц национальной валюты, 2014 г.)
Страны, группа «очень счастливых респондентов», группировка стран по итогам исследования World Values Survey [25]					
1	Мексика	74,4	79,2	48,1	17 050,6
2	Узбекистан	71,1	75,8	Нет данных	144 867,9
3	Нигерия	52,0	53,0	43,0	90 137
3	Филиппины	65,0	72,0	43,0	12 634,1
5	Пакистан	65,0	67,0	29,6	25 401,9
Страны, группа «среднесчастливых респондентов», группировка стран по итогам исследования World Values Survey [25]					
1	Испания	80,2	86,1	35,9	1058
2	Польша	73,4	81,3	32,4	1724,7
3	Китай	74,3	77,3	42,1	64 079,6
4	Эстония	72,8	81,9	33,2	19,5
5	Германия	78,6	83,2	30,1	2903,8
6	Нидерланды	79,5	83,2	28,0	662,8
7	Чили	78,6	84,5	50,5	147 184,9
8	Киргизия	66,5	74,5	20,8	400,7
9	Россия	65,3	76,5	41,2	77 945,1
10	Австралия	80,3	84,3	34,9	1599,8
11	Марокко	73,0	75,1	40,7	924,8
12	Казахстан	66,9	76,5	27,8	39 675,8
13	Бразилия	70,7	78,3	52,9	5521,3
14	Япония	80,5	86,8	32,1	489,6
15	Швеция	80,2	83,8	27,3	3914,7
Страны, группа «не очень счастливых респондентов», группировка стран по итогам исследования World Values Survey [25]					
1	Египет	69,0	73,4	30,8	---
2	Беларусь	67,6	78,4	27,6	778 095
3	Румыния	71,6	78,7	27,3	666,6
4	Украина	66,3	76,4	24,3	1586,9

значения индекса был зафиксирован в 1992 году (–6 пунктов) [1]. В различных регионах России фиксируется *разный уровень счастья*. Более счастливы жители крупных городов (например, столицы России), менее счастливы жители средних и малых городов. Видимо, это связано с материальным положением респондентов, развитостью инфраструктуры населенных пунктов. Уровень счастья выше у более образованных респондентов. По данным ВЦИОМ [12] (опрос проводился в России), по состоянию на август 2017 г. *наличие семьи* является одним из основных составляющих счастья (значимость – 33%). На втором месте по значимости фактор «здоровье и жизнь своя собственная и близких» – 22%. Третью позицию по значимости делают «наличие детей»; «общая удовлетворенность жизнью» – по 14%

и «хорошая работа» –13%. В среднем по массиву ощущение счастья присуще 84% опрошенных ВЦИОМ россиян в июне–июле 2017 г. По данным ВЦИОМ, традиционно счастливыми являются молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет –87%; респонденты с высоким уровнем дохода – 94%; в меньшей степени – группа пожилых людей (78% в группе от 70 и старше) и еще меньше малообеспеченные – 61%. Не способствуют ощущению счастья проблемы материального характера – назвали (10%) опрошенных и ухудшение здоровья – так считают 5% респондентов ВЦИОМ [12].

В России есть и противоположные мнения относительно индекса счастья и необходимости его исчисления. Службы Центрального банка России, в частности, отмечают, что впредь нет необходимости измерять благополучие россиян и исследовать факторы благополучия, так как исчисление «индекса счастья» нецелесообразно, эфемерно и с благополучием не очень связано [17].

Обсуждение. Во многих источниках *счастье* рассматривается скорее, как субъективная категория [13; 15; 18]. Есть точка зрения, что счастье формируют основные три группы факторов: так называемая «модель пирога» С. Любомирски и К. Шелдон [7; 23]. *Первую группу* представляют факторы *объективные (скорее внешние)*, например, где индивиды родились и проживают. *Вторую группу* формируют факторы, связанные с *типом личности (чертами характера)*, в тех или иных случаях люди по-разному трактуют или воспринимают ситуации – оптимисты и пессимисты, и проч. *Третью группу* факторов формируют способности индивидов конструировать реальность вокруг себя: *строить отношения с окружающими, поддерживать их*. Исследователи выделяют **три основных компонента счастья: удовлетворенность; положительные и отрицательные эмоции.**

Подходы к рассмотрению счастья как ценности зачастую сводятся к рассмотрению индексов уровня жизни и качества жизни в стране. Также понимание счастья иногда отождествляется со смыслом жизни. В философии данное течение получило название эвдемонизм (представителями данного течения являются Б. Спиноза, М. Монтень, Л. Фейербах, Ф. Аквинский и др.). Гедонистическое направление в эвдемонизме соотносило счастье по смыслу с удовольствием (Эпикур, Ж. Ламетри, Ф. Вольтер, П. Гольбах и др.). Однако полное содержательное совмещение категорий счастья и смысла жизни, счастья и удовольствия невозможно в силу различного содержательного наполнения данных категорий.

Заключение. Счастье является субъективной категорией, имеющей нормативно-ценностный характер. Для каждой личности ценность счастья воспринимается сугубо индивидуально.

Группировка стран на три блока с «очень счастливыми», «среднесчастливыми» и «не очень счастливыми» респондентами по итогам опросов в проекте World Values Survey [25] (см. рис. 1–3) разработана на базе вариативных значений числовых переменных в ответах респондентов. По итогам исследования в целом для ощущения счастья оказались особо значимыми условия проживания в обследуемых странах (климатические условия). Это подтверждают рейтинги стран по результатам индексирования: «Всемирный индекс счастья» «Happy Planet Index» (HPI) 2016 г. и отчасти подтверждает опрос по итогам проекта World Values Survey (волна 2010–2014 гг.). Зачастую счастье в основном связывается населением с физическим и психическим здоровьем и благополучием. Религиозность положительно влияет на концентрацию ощущения счастья. Социальная поддержка в любых ее видах (семья, друзья, религиозное сообщество и проч.) может быть мощным генерирующим фактором счастья, между тем для счастья необходимо проявлять социальную активность.

По итогам эмпирических исследований для счастливых респондентов-россиян особо важны следующие факторы: здоровье (свое и близких); наличие семьи, детей (как продолжение рода), интересная и высокооплачиваемая работа и материальное благополучие (устойчивое финансовое положение).

Список литературы

1. ВЦИОМ рассчитал индекс счастья россиян. Новости. 10 ноября 2009 г. // Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/news/27196-vtsiom-rasschital-indeks-schastya-rossiyan> (дата обращения: 22.02.2018).
2. Рейтинг стран мира по уровню счастья. UN Sustainable Development Solutions Network // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (дата обращения: 22.02.2018).
3. Кирилина Т.Ю. Ценности как структурный элемент культуры и морали // Социальная политика и социология. Т. 14. 2015. № 3-1 (109). С. 38–44.
4. Колударова С.В. Культура здоровья в межнациональном браке // Сборники НИЦ «Социосфера». 2015. № 11.
5. Колударова С.В. Социокультурные особенности брачного воспитания как этапа социализации молодежи: гендерный аспект // Социальная политика и социология. 2011. № 8 (74). С. 22–27.
6. Колударова С.В., Крюкова Е.М., Фомичева Т.В., Салистая Г.С. Динамика ценностей россиян в институтах социализации // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 139–146.
7. Любомирски С. Психология счастья. Новый подход / пер. с англ. А. Стативки. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
8. Новикова С.С. Концепт счастья в условиях поиска новой парадигмы общественных наук // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 3 (122). С. 137–143.
9. Попова Д.О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Демоскоп weekly. 2010. № 423–424. 24 мая – 6 июня. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/analit01.php> (дата обращения: 22.02.2018).
10. Россия и страны мира. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 78–80; 104–106.
11. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, французском и чешском языках / ред.-коорд. Г.В. Осипов. М.: ИНФРА-М : Норма, 1998.
12. Счастье в России: мониторинг // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3431 от 01.08.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116335> (дата обращения: 22.02.2018).
13. Фомичева Т.В. Взаимосвязь социокультурных ценностей и репродуктивного поведения населения России: социолого-статистический анализ // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 157–166.
14. Фомичева Т.В. Мотивационный подход к исследованию социокультурных ценностей: возможности и методические ограничения // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 139–146.
15. Фомичева Т.В. Трансформация социокультурных ценностей в российском обществе // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 148–156.
16. Фомичева Т.В., Салистая Г.С. Здоровье как ценность в сознании россиян: навстречу будущему нации // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 3 (116). С. 157–165.
17. Центробанк больше не будет высчитывать «индекс счастья» россиян из-за его эфемерности. // Interessant. Новости. 18 января 2018 г. URL: <http://www.interessant.ru/people/tsientrobank-bolshe-nie-b> (дата обращения: 22.02.2018).
18. Юдина Т.Н., Александрова А.В. Социокультурные ценности молодых москвичей // Социальная политика и социология. 2000. № 3.
19. Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org/>.
20. Inglehart R. The silent revolution in Europe: intergenerational change in post-industrial societies // American Political Science Review. 1971. No. 65. P. 991–1017.
21. Schwartz S.H. Basic human values: Theory, measurement, and applications // Appeared in Revue française de sociologie. Vol. 47. 2006. No. 4.
22. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal structure and Schwartz content of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. No. 58.
23. Stability of Happiness: Theories and Evidence on Whether Happiness Can Change / Kennon M. Sheldon, Richard E. Lucas. Amsterdam–L.–N.Y.: Elsevier Inc., 2014.
24. World Happiness Report 2017. URL: <http://worldhappiness.report/ed/2017/>.
25. World Values Survey 1981–2014 Longitudinal Aggregate v.20150418. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: JDSYSTEMS, Madrid, Spain. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.

26. Zakharov S. Russian Federation: From the First to the Second Demographic Transition // Demographic Research. Vol. 19. 2008. Art. 24. P. 907–972.

References

1. VCIOM rasschital indeks schast'ya rossiiyan. Novosti. 10 noyabrya 2009 g. // Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/news/27196-vtsiom-rasschital-indeks-schastya-rossiiyan> (data obrashcheniya: 22.02.2018).
2. Rejting stran mira po urovnyu schast'ya. UN Sustainable Development Solutions Network // Gumanitarnye tekhnologii. Analiticheskij portal. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (data obrashcheniya: 22.02.2018).
3. Kirilina T.Yu. Cennosti kak strukturnyj element kul'tury i morali // Social'naya politika i sociologiya. T. 14. 2015. № 3-1 (109). S. 38–44.
4. Koludarova S.V. Kul'tura zdorov'ya v mezhnacional'nom brake // Sborniki NIC «Sociosfera». 2015. № 11.
5. Koludarova S.V. Sociokul'turnye osobennosti brachnogo vospitaniya kak etapa socializacii molodezhi: gendernyj aspekt // Social'naya politika i sociologiya. 2011. № 8 (74). S. 22–27.
6. Koludarova S.V., Kryukova E.M., Fomicheva T.V., Salistaya G.S. Dinamika cennostej rossiiyan v institutakh socializacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 139–146.
7. Lyubomirski S. Psikhologiya schast'ya. Novyj podkhod / per. s angl. A. Stativki. SPb.: Piter, 2014. 352 s.
8. Novikova S.S. Koncept schast'ya v usloviyakh poiska novoj paradigmy obshchestvennykh nauk // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 3 (122). S. 137–143.
9. Popova D.O. Transformaciya semejnykh cennostej i vtoroj demograficheskij perekhod v Rossii: kto v avangarde? // Demoskop weekly. 2010. № 423–424. 24 maya – 6 iyunya. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/analit01.php> (data obrashcheniya: 22.02.2018).
10. Rossiya i strany mira. 2016: stat. sb. / Rosstat. M., 2016. S. 78–80; 104–106.
11. Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar': na russkom, anglijskom, francuzskom i cheshskom yazykakh / red.-koord. G.V. Osipov. M.: INFRA-M : Norma, 1998.
12. Schast'e v Rossii: monitoring // Press-vypusk VCIOM № 3431 ot 01.08.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116335> (data obrashcheniya: 22.02.2018).
13. Fomicheva T.V. Vzaimosvyaz' sociokul'turnykh cennostej i reproduktivnogo povedeniya naseleniya Rossii: sociologo-statisticheskij analiz // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 5 (124). S. 157–166.
14. Fomicheva T.V. Motivacionnyj podkhod k issledovaniyu sociokul'turnykh cennostej: vozmozhnosti i metodicheskie ogranicheniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 139–146.
15. Fomicheva T.V. Transformaciya sociokul'turnykh cennostej v rossijskom obshchestve // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 5 (118). S. 148–156.
16. Fomicheva T.V., Salistaya G.S. Zdorov'e kak cennost' v soznanii rossiiyan: navstrechu budushchemu nacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 3 (116). S. 157–165.
17. Centrobank bol'she ne budet vychityvat' «indeks schast'ya» rossiiyan iz-za ego efemernosti. // Interessant. Novosti. 18 yanvarya 2018 g. URL: <http://www.interessant.ru/people/tsentrobank-bolshie-nie-b> (data obrashcheniya: 22.02.2018).
18. Yudina T.N., Aleksandrova A.V. Sociokul'turnye cennosti molodykh moskvichej // Social'naya politika i sociologiya. 2000. № 3.
19. Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org/>.
20. Inglehart R. The silent revolution in Europe: intergenerational change in post-industrial societies // American Political Science Review. 1971. No. 65. P. 991–1017.
21. Schwartz S.H. Basic human values: Theory, measurement, and applications // Appeared in Revue fran aise de sociologie. Vol. 47. 2006. No. 4.
22. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal structure and Schwartz content of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. No. 58.
23. Stability of Happiness: Theories and Evidence on Whether Happiness Can Change / Kennon M. Sheldon, Richard E. Lucas. Amsterdam–L.–N.Y.: Elsevier Inc., 2014.
24. World Happiness Report 2017. URL: <http://worldhappiness.report/ed/2017/>.

25. World Values Survey 1981–2014 Longitudinal Aggregate v.20150418. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: JDSystems, Madrid, Spain. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.
26. Zakharov S. Russian Federation: From the First to the Second Demographic Transition // Demographic Research. Vol. 19. 2008. Art. 24. P. 907–972.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Фомичева Т.В. Ценность счастья в мировом социуме: результаты кросскультурных исследований // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 102–110. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-102-110 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Fomicheva T.V. Cennost' schast'ya v mirovom sociume: rezul'taty krosskul'turnykh issledovanij // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 102–110. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-102-110 (Reference in Roman script).

Fomicheva, T.V. (2018) The Value of Happiness in the World Community: The Results of Cross-Cultural Studies, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 102–110. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-102-110 (International bibliographic description).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Г.П. Отыцкий,

д-р филос. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений, Российский государственный социальный университет, Москва.

G.P. Otyutsky,

doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations, Russian State Social University, Moscow.

E-mail: otiuzkyi@mail.ru

УДК 1; 32.1 + 340.12

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-111-119

Философские аспекты учредительной власти: размышляя над книгой М.П. Фомиченко

*Philosophical Aspects of the Constituent Power:
Reflecting over M.P. Fomichenko's Book*

Дата поступления

02.02.2018

Дата препринта

27.02.2018

Дата публикации

29.03.2018

Аннотация: современная политология и правоведение исследуют, как правило, устоявшуюся триаду: законодательную, исполнительную и судебную власть. Монография известного российского специалиста в области прав народов профессора М.П. Фомиченко «Учредительная власть: конституционно-правовые аспекты» в известной мере восполняет методологический пробел, преобразуя триаду власти во властную тетраду с учетом учредительной власти. В статье дается краткий обзор монографии и анализируются методологические выводы, вытекающие из этой публикации.

Annotation: the modern political science and jurisprudence investigate, as a rule, the settled triad: legislative, executive and judicial authority. The legal philosophy (as well as policy philosophy) also when developing the most actual problems considers this triad. Monograph of the famous Russian expert in the field of the rights of the people professor M.P. Fomichenko "Constituent power: constitutional and legal aspects" to a certain extent meets this methodological lack, transforming a triad of the power to an imperious tetrad taking into account the constituent power. In article the short review of the monograph is given and the methodological conclusions following from this publication are analyzed.

Ключевые слова: власть, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, учредительная власть, государство, философия права, философия политики.

Key words: power, legislature, executive power, judicial authority, constituent power, state, legal philosophy, policy philosophy.

Актуальность темы. Интерес к социальному феномену власти значительно усиливается в периоды кардинальных преобразований и революций. Не ослабевает этот интерес и в современной России в период формирования гражданского общества и правового государства. Современные политология и правоведение исследуют, как правило, устоявшуюся

триаду: законодательную, исполнительную и судебную власть. Социальная философия [3, с. 574; 19; 23 и др.], как и философия политики, [13 и др.] также при разработке наиболее актуальных проблем учитывает именно эту триаду. В качестве примера можно сослаться на обстоятельные курсы лекций по политологии [14; 15, с. 76; 17, с. 55 и др.], продолжающие эту традицию. Однако такой подход нередко оказывается методологически недостаточным при оценке реальных политических процессов в разных странах современного мира, в частности при исследовании социально-политической ситуации на Украине в 2014–2018 гг. Ранее для советских ученых учредительная власть не являлась самостоятельным предметом анализа, однако в современной отечественной науке это понятие получает всё более широкое распространение и активно исследуется. Рецензируемая монография известного российского исследователя прав народов М.П. Фомиченко [29] представляет собой искомый результат на пути такого исследования и подводит итоги его предыдущих работ [24–27; 30 и др.]. В качестве предмета анализа автором заявлен **конституционный аспект реализации учредительной власти как разновидности публичной** [29, с. 9], *но в действительности в работе затрагивается гораздо более широкий круг вопросов, а конституционные аспекты учредительной власти фактически рассматриваются в широком социально-философском и политико-методологическом ключе.* По нашему мнению монография вносит серьезный вклад в развитие философии политики, обогащая, в частности, проблематику онтологии власти.

Структура и основные проблемы монографии. Уже во введении сформулировано центральное методологическое положение: «Суть концепции учредительной власти: власть права выше права силы (власти)... Учредительная власть – функциональное и развивающееся явление, которое реализуется в исторически конкретном обществе в пределах определенной территории» [29, с. 10]. Всё последующее содержание монографии как раз и демонстрирует тесную связь специфики учредительной власти с особенностями «исторически конкретного общества». Монография состоит из трех глав.

В *первой главе* «Учредительная власть: общая характеристика» дан обстоятельный философско-методологический и политико-правовой обзор основных подходов к пониманию природы и сущности учредительной власти, характеризуются ее содержание, основные формы и виды. В отдельном параграфе исследуется первоначальная учредительная власть и механизм ее действия. Содержание завершающего параграфа этой главы посвящено исследованию установленной (институциональной) учредительной власти на примере анализа Конституции Российской Федерации. *Генезис учредительной власти* автор монографии относит к периоду, когда «люди перестали быть просто сообществом, они стали народом, который обладает суверенитетом» [29, с. 14]. Появляется учредительная власть, которая являлась первичной по отношению к другим, обладающая наивысшей легитимностью, «особая, единая и неделимая власть народа, не подверженная ни материальным, ни процессуальным правовым ограничениям, лежащим в той же правовой плоскости и характеризующаяся суверенитетом» [29, с. 14]. Рассматриваются учредительная власть государственной власти и учредительная власть социальных общностей, в системе которой выделены такие ее виды, как власть партийная, власть различных общественно-политических объединений, власть группы лиц, слоя, класса; власть родительская, семейная, и др.

Применительно к учредительной государственной власти автор указывает на публичность, как ее важнейший признак, и приходит к выводу: *учредительная власть – это движение от политики к праву, от народного суверенитета через демократию к факту (принятию конституции).* Это означает, что **наделенный политико-правовым свойством, народ для ее применения использует принцип демократии, осуществляет переход от абстрактного (воображаемого) обладания властью (народный суверенитет) к факту обладания властью (закрепление в Основном Законе)** [29, с. 20]. Тем самым развивается утвердившееся в российском правоведении понимание учредительной власти как категории,

используемой для характеристики правомочий носителя суверенитета, источника власти в государстве [подробнее см.: 1; 2; 32]. Отметим некоторые из выделенных в монографии онтологических характеристик **учредительной власти**: а) это власть, осуществляющая принятие конституции и ее последующие изменения; б) учреждение конституции осуществляется в условиях, когда высшие органы государственной власти еще не сформированы; в) иерархически учредительная власть стоит на более высокой ступени, нежели учреждаемые ею конституционные органы государственной власти, предшествует им, является первичной, а потому надлегальной; г) акты учредительной власти по сравнению с актами законодательной власти с юридической точки зрения имеют больший вес: все они либо инициированы народом, либо подлежат его одобрению [29, с. 27–28].

Особое внимание в монографии обращается на то, что «рождение учредительной власти может происходить либо из предшествующей конституционной системы, либо в результате общественных потрясений (революция, государственный переворот и т.д.)» [29, с. 21]. Так, именно в результате государственного переворота 2014 г. была учреждена нынешняя украинская политическая власть. Другой механизм формирования учредительной власти – «цветные революции» [подробнее см.: 22, с. 157–171].

Учредительная власть структурно подразделяется на **первоначальную и установленную**; источником первой является народ, как явление социокультурное, а источником второй – нация как явление политическое, искусственно сформированное государством. Поэтому нация нуждается в школах, университетах, в литературном языке, в собственном государстве, а народ может существовать и без всего этого. При этом создание нации часто связано с расколом, с противостоянием внутри общества. М.П. Фомиченко утверждает в связи с этим, что необходимо поддерживать и укреплять региональные и этнокультурные идентичности как составляющие российской идентичности. «Тем самым укрепляется групповое достоинство и уверенность людей в том, что Россия – это их общее государство, а не собственность какого-то одного народа» [29, с. 292]. Задача первоначальной учредительной власти – установление Конституции. В целом субъектом первоначальной учредительной власти всегда является народ [29, с. 9–10] в лице его наиболее активной части, которая может быть представлена политической партией (партиями), оппозицией, различными обществами. Это именно та часть, которая оказалась у власти в результате общественного кризиса. После разработки проекта конституции эта активная политическая часть народа запускает механизм ее принятия. Особый интерес представляет подробная характеристика действий учредительной власти в России в 1917 и в 1993 гг. [29, с. 31–62]. Так, анализируя события 1917 и 1993 гг. в России и 2014 г. на Украине, М.П. Фомиченко пишет: «... первоначальная учредительная власть – это, по своей сути, антинародная власть, действующая обманом, дезинформацией, подкупом, через агентов влияния и внешних покровителей, прикрываясь народом, силой захватила власть, используя внешние демократические атрибуты» [29, с. 62].

Отдельный параграф работы посвящен характеристике установленной (институциональной) учредительной власти. Это «та власть, конструкция которой рождается нацией и фиксируется в конституции, наделяющей ее полномочиями как для последующих изменений и дополнений Основного Закона, так и для создания механизмов реализации отдельных наиболее значимых его положений» [29, с. 63]. С принятием конституции перестает действовать первоначальная учредительная власть, освобождая место для установленной учредительной власти, которая создается конституцией. Эта власть правомочна при необходимости изменять конституционный акт. В российском Основном Законе относительно установленной учредительной власти четко определен ее источник – российская нация, как многонациональный народ России [5, ч. 1, ст. 3]. Фактическое определение российской нации дано в ст. 8 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: «Стратегия носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер, призвана развивать потенциал многонационального народа Россий-

ской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей)» [20]. В монографии анализируется российский опыт учредительной власти, однако изложенные теоретико-методологические положения позволяют оценивать и опыт других стран. Видимо, можно вести речь о специфической «майданной» форме первоначальной учредительной власти, неоднократно проявившей себя в XXI в. на Украине, поскольку задачей каждого майдана было свержение законной (по крайней мере, с точки зрения действующей на момент майдана Конституции Украины) и приведение к власти политических сил, на тот момент от этой власти отстраненных. Это касается и «оранжевой революции» 2004 г. и особенно «Евромайдана» 2014 г., итогом которого стал антиконституционный государственный переворот и приход к власти на Украине еще более коррумпированных, чем при В. Януковиче, правых сил пробандеровской политической ориентации.

Во *второй главе* «Конституционные формы осуществления права многонационального народа Российской Федерации на власть» находит продолжение исследование прав народов в предыдущих работах М.П. Фомиченко [17; 24; 28 и др.]. Первый параграф посвящен общей характеристике форм осуществления власти народа – государственной, общественной и местного самоуправления. Здесь рассматриваются установившиеся в мире модели гражданского общества и дается характеристика современного гражданского общества в России. Отдельный параграф посвящен актуальным проблемам непосредственного осуществления власти народа в Российской Федерации. При этом обстоятельно анализируются назревшие проблемы процедуры волеизъявления народа через референдум, связанные в том числе с несовершенством законодательства. Так, еще 28.06.2004 принят Федеральный конституционный закон № 5-ФЗК «О референдуме в Российской Федерации». Одним из инициаторов референдума может выступать Конституционное Собрание. С другой стороны, в Конституции РФ установлено, что правомочиями для пересмотра конституции обладает специально созываемое Конституционное Собрание [5, ст. 135]. Однако Федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании до сих пор не принят, а созыв такого собрания невозможен.

Анализируются также проблемы непосредственного волеизъявления народа – свободные выборы, и предлагаются рекомендации по совершенствованию механизма избирательных кампаний. В специальном параграфе рассмотрены актуальные аспекты представительной демократии – осуществление власти народа Российской Федерации через органы государственной власти, поэтому автор монографии выдвигает широкий спектр предложений по совершенствованию деятельности этих органов. В качестве особой формы осуществления власти народа в отдельном параграфе рассматривается местное самоуправление.

Патриотический пафос монографии особенно ярко проявляется в *третьей главе* «Главные угрозы существующему конституционному строю и демократии в России». М.П. Фомиченко выделяет три группы угроз, посвящая характеристике каждой из них отдельный параграф.

1. Декларативность конституционных норм и принципов. В связи с этим во весь рост встает проблема честности – главной категории демократии как со стороны власти, так и со стороны народа. При этом итогом любых голосований должно быть незыблемое правило: меньшинство подчиняется большинству, поскольку в противном случае отдельные группы населения, не признающие очевидного результата, становятся не оппозиционерами, а экстремистами; власть же в подобной ситуации становится циничной и антинародной.

2. Экстремизм оппозиции. В монографии подробно анализируются действия сегодняшних претендентов на роль первоначальной учредительной власти. В частности, на форуме «Свободная Россия» в Литве в марте 2016 г. А. Кох выступил с заявлением о том, что «российское общество больно шизофренией», а Г. Каспаров заявил о необходимости «геополитического поражения» России для успешного проведения реформ в стране. Сразу возникают вопросы: о каких реформах идет речь? в чьих интересах они должны проводиться?

3. Цинизм государственной власти. М.П. Фомиченко подчеркивает, что «циничная власть – власть антинародная» [29, с. 240], но честным быть всегда труднее, чем нечестным. По его мнению, «на смену романтикам, верящим в светлое будущее, циникам, верящим в хрустящие купюры должны прийти к власти реалисты. Романтики даже хуже циников, потому что романтиками были большевики... Реалисты же понимают, что такое, например, реальная свобода, демократия, что только при их наличии, возможно построить благополучное общество» [29, с. 241–242]. Он предупреждает, что в современной России «взяточность и коррупция становятся угрожающими для безопасности страны и населения», и указывает на «устрашающее равнодушие государственного аппарата на всех уровнях государственной власти» [29, с. 242]. В качестве противодействия им предлагаются: 1) *политическая конкуренция*, 2) *отсутствие властного монополизма*, 3) *недопущение монархизации власти*, 4) *власть должна иметь коммуникации*. Дается обстоятельная характеристика современной российской власти на макроуровне и мезоуровне. Монографию завершает параграф «Объединение вокруг нашего великого прошлого – путь в великое будущее». Одна из центральных проблем, волнующих автора, – *сохранение единства в народе*. Это, по его мнению, задача государственная. Автор справедливо отмечает, что «легко объединяться вокруг Победы 1945-го и полета Гагарина – куда сложнее найти силы и мудрость к примирению по отношению к одной из самых страшных русских трагедий [речь идет о 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Г.О.]. Но только так и проверяется величие народа. И его единство» [29, с. 301].

В заключение М.П. Фомиченко предлагает ряд мер, которые, по его мнению, будут способствовать решению задачи сохранения и укрепления народного единства.

Первое. *Нужна идея нации, которая затрагивает сердца и умы людей в большей степени, чем абстрактные понятия прав человека и народного суверенитета: «Идея, прекрасно работающая в западном мире, – разбогатеть, достичь вершины финансовой пирамиды – для нашего человека никогда не являлась смыслообразующей. Нашему человеку нужна сверхзадача – только тогда он отдаст себя всего и будет чувствовать себя счастливым»* [29, с. 304]. Например, в 2016 году в стране собрано рекордное количество зерна. Но мы так и не знаем, кто эти рекорды ставит, кто у нас плавит сталь, кто добывает уголь, кто «делает» ракеты. М.П. Фомиченко разделяет идею Ю. Шингаревой о том, что «из-за такого невнимания мы уже потеряли две культуры – деревенскую и заводскую. Это всё равно, что целый народ потерять!» [31].

Второе. *Задача власти сегодня – добиваться неукоснительного соблюдения Конституции РФ и законов всеми и каждым, всюду и всегда.* Следует прервать традицию, отмеченную еще А.И. Герценом: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает законы всюду, где это можно сделать безнаказанно, совершенно так же поступает и правительство» [цит. по: 21]. Специально и подробно М.П. Фомиченко обсуждает диалектику стабильности Конституции РФ и стабильности конституционного строя. С одной стороны, он считает, что необходимы изменения в тексте Конституции и предлагает их [29, с. 298]. С другой стороны, исходя из того, что Основной Закон должен быть самым стабильным из всех принимаемых законов, он предлагает для «настройки» Конституции под реалии текущей жизни активнее использовать такой инструмент, как федеральный конституционный закон (ФКЗ).

Книга снабжена обширным библиографическим списком и четырьмя приложениями. В первом приведены некоторые важнейшие доктрины (информационная безопасность; экологическая доктрина), во втором – концепции РФ (общественная безопасность; внешняя политика), в третьем – некоторые важнейшие стратегии РФ (государственная национальная политика; научно-технологическое развитие). Четвертое приложение – это отрывок из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, который прозорливо предвидел еще в 1877 г., что «не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать

их освобожденными! <...> Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на поработении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени» <...> Может, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее» [цит. по: 29, с. 464–465]. С тех пор прошло почти полтора века и мрачное пророчество сбывается.

Выводы. Теоретическая значимость и практическая актуальность монографии обусловлены прежде всего проводимыми в стране преобразованиями всех сторон социальной, в том числе политической, жизни. В ней содержится широкий спектр продуманных и обоснованных рекомендаций по совершенствованию механизма учредительной власти. Поэтому она представляет значительный интерес для практических политиков: законодателей, парламентариев всех уровней, государственных и муниципальных служащих, политических технологов и др. Кроме того, теоретические положения работы и методологические рассуждения автора вносят вклад в развитие социальной философии и философии политики. В монографии поставлен целый спектр вопросов, ответы на которые могут быть получены в результате дальнейших исследований на этом направлении политологов, правоведов, социологов, философов и других исследователей социального феномена власти. Выводы монографии могут эффективно использоваться в учебном процессе по целому ряду дисциплин, в которых рассматриваются разные аспекты политической власти.

Список литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 9-е изд., изм. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. 767 с.
2. Балагурова Н.Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). Вып. 18. Право. С. 14–19.
3. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 1312 с.
4. Гаджиев К. С. Политическая философия и социология: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 451 с.
5. Конституция Российской Федерации: с гимном России (принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). М.: Проспект, 2018. 59 с.
6. Кузьменко Г.Н., Меликов И.М. Концептуальные основания информационной антропологии в исследованиях Г.П. Отоцкого // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 160–167.
7. Лёвкина А.О. Системные ограничения инновационного развития в онтогенезе гуманного общества // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 6 (125). С. 125–133.
8. Липский Б.И., Марков Б.В. Философия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 384 с.
9. Лобазова О.Ф. Роль философского знания в обществе: современный дискурс // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 2 (115). С. 172–180.
10. Меликов И.М. Духовность как проблема социального управления // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 180–187.
11. Отоцкий Г.П. Свобода и права человека в культурологическом измерении // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 183–191.
12. Отоцкий Г.П. Толерантность в системе диалога культур: размышления над материалами VII Российского философского конгресса // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 1 (114). С. 161–169.
13. Политическая философия: учеб. пособие / Тульчинский Г.Л., Балаян А.А., Сохань И.В., Сунгуров А.Ю.; под общ. ред. Г.Л. Тульчинского. М.: Юрайт, 2018. 324 с.
14. Политические отношения, процессы и технологии: технологии эффективной политики / Авцинова Г.И., Агеев Р.Е., Гришин О.Е. Мешков П.Я., Никипорец-Такигава Г.Ю. и др. М.: Изд-во РГСУ, 2017. 323 с.

15. Политология: Курс лекций / Готов С.А., Грунтовский И.И., Отыцкий Г.П., Скворцов И.П., Фомиченко М.П. и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Федер. центр образов. законодательства, Кубанский гос. аграрный ун-т, 2015. 726 с.
16. Россия и Совет Европы: 20 лет вместе на защите прав человека: сб. матер. «круглого стола» / под ред. С.А. Глотова. М.: Междунар. юрид. ин-т, 2017. 318 с.
17. Скворцов И.П., Отыцкий Г.П. Политология: курс лекций. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2017. 330 с.
18. Скородумова О.Б. Постглобализация как социальный феномен современного общества // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 3 (122). С. 205–212.
19. Социальная философия: учебник для академ. бакалавриата / Гобозов И.А. [и др.]; под ред. И.А. Гобозова. М.: Юрайт, 2018. 430 с.
20. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810> (дата обращения: 05.02.2018).
21. Теоретические традиции правового нигилизма в России. URL: https://studopedia.ru/3_6396_teoricheskie-traditsii-pravovogo-nigilizma-v-rossii.html (дата обращения: 05.02.2018).
22. Философия «цветных» и «твиттерных» революций: новые технологии завоевания власти // Василенко И.А. Политическая философия: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 423 с.
23. Философия: учебник / под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова. М.: Русское слово, 1996. 432 с.
24. Фомиченко М.П. Защита прав народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты). М.: РГСУ, 2005. 403 с.
25. Фомиченко М.П. К вопросу об учредительной власти // Россия и Совет Европы: 20 лет вместе на защите прав человека: сб. матер. «круглого стола». М.: Междунар. юрид. ин-т, 2017. С. 276–282.
26. Фомиченко М.П. О механизме действия установленной учредительной власти в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 4. С. 20–23.
27. Фомиченко М.П. Особенности осуществления первоначальной учредительной власти // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 37–40.
28. Фомиченко М.П. Права народов. М.: РПА Минюста России, 2014. 220 с.
29. Фомиченко М.П. Учредительная власть: конституционно-правовые вопросы. М.: Книга по требованию, 2017. 468 с.
30. Фомиченко М.П. Учредительная власть: понятие, разновидности // Правовая культура. 2011. № 2(11). С. 96–97.
31. Шигарёва Ю. Посмотреть в глаза // Аргументы и факты. 2016. № 46. 16 нояб.
32. Шишкина О.Е. Конституционное собрание Российской Федерации как орган учредительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 238 с.

References

1. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. 9-e izd., izm. i dop. М.: Norma : INFRA-M, 2018. 767 s.
2. Balagurova N.N. Uchreditel'naya vlast': ponyatie i sposoby ee realizacii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 7 (145). Pravo. Vyp. 18. S. 14–19.
3. Vsemirnaya enciklopediya: Filosofiya / gl. nauch. red. i sost. A.A. Gricanov. М.: AST; Minsk: Kharvest, 2001. 1312 s.
4. Gadzhiev K. S. Politicheskaya filosofiya i sociologiya: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. М.: Yurajt, 2018. 451 s.
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii: s gimnom Rossii (prinjata Vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.). М.: Prospekt, 2018. 59 s.
6. Kuz'menko G.N., Melikov I.M. Konceptual'nye osnovaniya informacionnoj antropologii v issledovaniyakh G.P. Otyuckogo // Social'naya politika i sociologiya. Т. 15. 2016. № 6 (119). S. 160–167.
7. Lyovkina A.O. Sistemnye ogranicheniya innovacionnogo razvitiya v ontogeneze gumannogo obshchestva // Social'naya politika i sociologiya. Т. 16. 2017. № 6 (125). S. 125–133.
8. Lipskij B.I., Markov B.V. Filosofiya. 2-e izd., pererab. i dop. М.: Yurajt, 2018. 384 s.

9. Lobazova O.F. Rol' filosofskogo znaniya v obshchestve: sovremennyy diskurs // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 2 (115). S. 172–180.
10. Melikov I.M. Dukhovnost' kak problema social'nogo upravleniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 180–187.
11. Otyuckij G.P. Svoboda i prava cheloveka v kul'turologicheskom izmerenii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 183–191.
12. Otyuckij G.P. Tolerantnost' v sisteme dialoga kul'tur: razmyshleniya nad materialami VII Rossijskogo filosofskogo kongressa // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 1 (114). S. 161–169.
13. Politicheskaya filosofiya: ucheb. posobie / Tul'chinskij G.L., Balayan A.A., Sokhan' I.V., Sungurov A.Yu.; pod obshch. red. G.L. Tul'chinskogo. M.: Yurajt, 2018. 324 s.
14. Politicheskie otnosheniya, processy i tekhnologii: tekhnologii effektivnoj politiki / Avcinova G.I., Ageev R.E., Grishin O.E. Meshkov P.Ya., Nikiporec-Takigava G.Yu. i dr. M.: Izd-vo RGSU, 2017. 323 s.
15. Politologiya: Kurs lekciy / Glotov S.A., Gruntovskij I.I., Otyuckij G.P., Skvorcov I.P., Fomichenko M.P. i dr. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Feder. centr obrazov. zakonodatel'stva, Kubanskij gos. agrarnyj un-t, 2015. 726 s.
16. Rossiya i Sovet Evropy: 20 let vmeste na zashchite prav cheloveka: sb. mater. «kruglogo stola» / pod red. S.A. Glotova. M.: Mezhdunar. jurid. in-t, 2017. 318 s.
17. Skvorcov I.P., Otyuckij G.P. Politologiya: kurs lekciy. Krasnodar: Krasnodar. un-t MVD Rossii, 2017. 330 s.
18. Skorodumova O.B. Postglobalizatsiya kak social'nyj fenomen sovremennogo obshchestva // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 3 (122). S. 205–212.
19. Social'naya filosofiya: uchebnik dlya akad. bakalavriata / Gobozov I.A. [i dr.]; pod red. I.A. Gobozova. M.: Yurajt, 2018. 430 s.
20. Strategiya gosudar-stvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na pe-riod do 2025 goda (utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.12.2012 № 1666). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810> (data obrashcheniya: 05.02.2018).
21. Teoreticheskie tradicii pravovogo nigilizma v Rossii. URL: https://studopedia.ru/3_6396_teoreticheskie-traditsii-pravovogo-nigilizma-v-rossii.html (data obrashcheniya: 05.02.2018).
22. Filosofiya «cvetnykh» i «tvitternykh» revolyucij: novye tekhnologii zavoevaniya vlasti // Vasilenko I.A. Politicheskaya filosofiya: uchebnik dlya vuzov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2017. 423 s.
23. Filosofiya: uchebnik / pod red. V.D. Gubina, T.Yu. Sidorinoy, V.P. Filatova. M.: Russkoe slovo, 1996. 432 s.
24. Fomichenko M.P. Zashchita prav narodov v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovye aspekty). M.: RGSU, 2005. 403 s.
25. Fomichenko M.P. K voprosu ob uchreditel'noj vlasti // Rossiya i Sovet Evropy: 20 let vmeste na zashchite prav cheloveka: sb. mater. «kruglogo stola». M.: Mezhdunar. jurid. in-t, 2017. S. 276–282.
26. Fomichenko M.P. O mekhanizme dejstviya ustanovlennoj uchreditel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2016. № 4. S. 20–23.
27. Fomichenko M.P. Osobennosti osushchestvleniya pervonachal'noj uchreditel'noj vlasti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 8. S. 37–40.
28. Fomichenko M.P. Prava narodov. M.: RPA Minyusta Rossii, 2014. 220 s.
29. Fomichenko M.P. Uchreditel'naya vlast': konstitucionno-pravovye voprosy. M.: Kniga po trebovaniyu, 2017. 468 s.
30. Fomichenko M.P. Uchreditel'naya vlast': ponyatie, raznovidnosti // Pravovaya kul'tura. 2011. № 2(11). S. 96–97.
31. Shigaryova Yu. Posmotret' v glaza // Argumenty i fakty. 2016. № 46. 16 noyabrya.
32. Shishkina O.E. Konstitucionnoe sobranie Rossijskoj Federacii kak organ uchreditel'noj vlasti: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2004. 238 c.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Отюцкий Г.П. Философские аспекты учредительной власти: размышляя над книгой М.П. Фомиченко // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 1 (126). С. 111–

119. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-111-119 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).
- Otyuckij G.P. Filosofskie aspekty uchreditel'noj vlasti: razmyshlyaya nad knigoj M.P. Fomichenko // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 17. 2018. № 1 (126). S. 111–119. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-111-119 (Reference in Roman script).
- Otyutsky, G.P. (2018) Philosophical Aspects of the Constituent Power: Reflecting Over M.P. Fomichenko's Book, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 1 (126). P. 111–119. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-1-111-119 (International bibliographic description).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
ПИ № ФС 77-26247 от 17.11.2006.

Подписано в печать 29.03.2018
Формат бумаги 70x100 1/16. Гарнитура «Журнальная». Усл. печ. л. 9,975
Тираж 2000 экз.

Издательство Российского государственного социального университета.
129226, Москва, ул. В. Пика, д. 4
Тел.: 8 (495) 255-67-67 (доб. 30-05)
www.rgsu.net

Отпечатано в типографии
Российского государственного социального университета.
129226, Москва, ул. В. Пика, д. 4
Тел.: 8 (495) 255-67-67 (доб. 30-40)
Заказ № 18-19